

SOI: 1.1/TAS

DOI: 10.15863/TAS

Scopus ASJC: 1000

ISSN 2308-4944 (print)

ISSN 2409-0085 (online)

№ 11 (79) 2019

Teoretičeskaâ i prikladnaâ nauka

Theoretical & Applied Science

Philadelphia, USA

**Teoretičkaâ i prikladnaâ
nauka**

**Theoretical & Applied
Science**

11 (79)

2019

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

Founder: **International Academy of Theoretical & Applied Sciences**

Published since 2013 year. Issued Monthly.

International scientific journal «Theoretical & Applied Science», registered in France, and indexed more than 45 international scientific bases.

Editorial office: <http://T-Science.org> Phone: +777727-606-81

E-mail: T-Science@mail.ru

Editor-in Chief:

Alexandr Shevtsov

Hirsch index:

h Index RISC = 1 (78)

Editorial Board:

1	Prof.	Vladimir Kestelman	USA	h Index Scopus = 3 (38)
2	Prof.	Arne Jönsson	Sweden	h Index Scopus = 4 (21)
3	Prof.	Sagat Zhunisbekov	KZ	-
4	Assistant of Prof.	Boselin Prabhu	India	-
5	Lecturer	Denis Chemezov	Russia	h Index RISC = 2 (61)
6	Senior specialist	Elnur Hasanov	Azerbaijan	h Index Scopus = 7 (11)
7	Associate Prof.	Christo Ananth	India	h Index Scopus = - (1)
8	Prof.	Shafa Aliyev	Azerbaijan	h Index Scopus = - (1)
9	Associate Prof.	Ramesh Kumar	India	h Index Scopus = - (2)
10	Associate Prof.	S. Sathish	India	h Index Scopus = 2 (13)
11	Researcher	Rohit Kumar Verma	India	-
12	Prof.	Kerem Shixaliyev	Azerbaijan	-
13	Associate Prof.	Ananeva Elena Pavlovna	Russia	h Index RISC = 1 (19)
14	Associate Prof.	Muhammad Hussein Noure Elahi	Iran	-
15	Assistant of Prof.	Tamar Shiukashvili	Georgia	-
16	Prof.	Said Abdullaevich Salekhov	Russia	-
17	Prof.	Vladimir Timofeevich Prokhorov	Russia	-
18	Researcher	Bobir Ortikmirzayevich Tursunov	Uzbekistan	-
19	Associate Prof.	Victor Aleksandrovich Melent'ev	Russia	-
20	Prof.	Manuchar Shishinashvili	Georgia	-

ISSN 2308-4944

© Collective of Authors

© «Theoretical & Applied Science»

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

Editorial Board:

Hirsch index:

21

Prof. Konstantin Kurpayanidi

Uzbekistan **h Index RISC = 8 (67)**

International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science

ISJ Theoretical & Applied Science, 11 (79), 722.
Philadelphia, USA

Impact Factor ICV = 6.630

Impact Factor ISI = 0.829
based on International Citation Report (ICR)

The percentage of rejected articles:

ISSN 2308-4944

9 772308 494195

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 20.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

T.S. Safarov

Samarkand branch of the Tashkent University of Information Technologies named after Muhammad Al Khorezmii
Professor

Sh.X. Turakulov

Samarkand State Medical Institute
Assistant

I.S. Nabiyeva

Samarkand branch of the Tashkent University of Information Technologies named after Muhammad Al Khorezmii
master student SB TUIT, Republic of Uzbekistan, Samarkand

S.S. Nabiyeva

Samarkand branch of the Tashkent University of Information Technologies named after Muhammad Al Khorezmii
master student SB TUIT, Republic of Uzbekistan, Samarkand

EFFICIENCY MEDICAL INFORMATION SYSTEMS IN DIAGNOSTICS

Abstract: The article addresses the issues of the concept of information technology, their current capabilities. The effectiveness of the implementation of information systems of various functionalities for medical institutions (MCI). The use of modern communications and local information networks in medicine and efficiency medical information systems in diagnostics.

Key words: MIS, MCI, information technology, diagnostics, local network, database.

Language: Russian

Citation: Safarov, T. S., Turakulov, S. X., Nabiyeva, I. S., & Nabiyeva, S. S. (2019). Efficiency medical information systems in diagnostics. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 301-305.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-63> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.63>

Scopus ASCC: 1710.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕДИЦИНСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В ДИАГНОСТИКЕ

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы понятие информационных технологий, их современные возможности. Эффективность внедрения информационных систем различной функциональности для лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ). Применение современных коммуникаций и локальных информационных сетей в медицине и эффективность медицинские информационные системы в диагностике.

Ключевые слова: МИС, ЛПУ, информационная технология, диагностика, локальный сеть, база данных.

Введение

УДК 004.386

Современные медицинские организации производят и накапливают огромные объемы данных. Качество медицинской помощи, общий уровень жизни населения, уровень развития страны в целом и каждого ее территориального образования в частности зависит от того,

насколько эффективно эта информация используется врачами. Поэтому необходимость использования больших и в то же время постоянно растущих объемов информации для решения диагностических, терапевтических, статистических, управленческих и других задач сегодня определяет создание информационных систем в медицинских учреждениях.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Как научный предмет диагностика включает в себя три основных раздела: семиотику, методы обследования больного и методологические основы установления диагноза.

Диагностика основывается на всестороннем и систематическом изучении больного, которое включает в себя сбор анамнеза, объективное исследование состояния организма, анализ результатов лабораторных исследований крови и различных выделений, рентгенологические исследования, графические методы, эндоскопию, биопсию и другие методы.

В настоящее время в различных областях медицины применяются специфические для данной области методы диагностики. Например, в общей хирургии применяются нижеизложенные методы:

- внешний осмотр (как правило, осматривается общий вид пациента: цвет и структура кожных покровов, слизистых, места источника боли и т. п.);

- [биопсия](#) — исследование под микроскопом ([гистологическое](#) исследование) биоптата (образца [ткани](#), взятого из живого организма);

- [лапароскопия](#) — исследование брюшной полости с помощью специальной камеры, которая вводится в брюшную полость через разрез шириной приблизительно 1-1,5 сантиметра;

- исследование с помощью [зондов](#), специальной камеры (в том числе [желудочно-кишечного тракта](#));

- [пальпация](#) (применяется, как правило, для первичного определения закрытых переломов и трещин костей, первичной диагностики некоторых хирургических синдромов);

- [рентгенография](#) (как правило, в травматологии и пульмологии);

- [ультразвуковое исследование](#) и др.

- [Лабораторная диагностика](#) - совокупность методов, направленных на анализ исследуемого материала с помощью различного специализированного оборудования.

При постановке диагноза врач руководствуется субъективными жалобами больного, [анамнезом](#), осмотром больного (состояние кожных покровов, слизистой носоглотки, измерение температуры, пульса и давления, выслушивание и т. п.), результатами медико-диагностических исследований и другими [биомаркерами](#), наблюдением за дальнейшим течением болезни. При этом также учитываются возраст, пол, работа, социальное положение, местность и другие немедицинские факторы.

Варианты диагноза: предварительный, окончательный, клинический и патологоанатомический. Окончательный диагноз может быть прямым (отчетливо ясно заболевание), дифференциальным (врач

определяет круг возможных болезней и назначает исследование, затем решает, какие из рассматриваемых заболеваний исключены и какие подтверждены) и диагностическим. В диагнозе выделяют:

1. Имеются ли сопутствующие заболевания
2. Наличие осложнений
3. Основные симптомы и болезни
4. Сочетание заболеваний

Чем более точно и рано поставлен правильный диагноз – тем более эффективным будет лечение и скорым выздоровление человека. Поэтому информативность диагностики всегда была важна для врачей. Наука не стоит на месте, и методы лабораторной, функциональной и структурной диагностики постоянно совершенствуются, что качественно меняет подходы и результативность лечения самых разных патологий.

II. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ.

С помощью модели они решают основные задачи исследования, в том числе изучают характер изменения индикатора при изменении факторов, влияющих на систему; определение оптимальных уровней факторов для получения требуемых или желаемых значений показателей состояния системы. Построение таких моделей осуществляется на основе выборочного наблюдения, результаты которого формируют исходную базу данных (обучающую информацию), которая представляет собой матрицу наблюдений с количеством строк, равным количеству наблюдаемых объектов и количеству столбцов, равным количеству контролируемых факторов и моделируемых.

Анализ этой информации основан на процессе моделирования с учетом основных недостатков создания, следующего:

1. В некоторых случаях информации недостаточно (основанная на мнении информация о пациентах и мнения о лечении врачей).

2. Недостаточно доказательств того или иного заболевания, и из-за различных причин этих симптомов недостаточно.

3. Адаптивная перестройка форм и методов доставки информации в процессе решения проблем.

4. Безбумажная обработка документов.

Первое, что упомянуто с выше, это проблема моделирования низкого качества. Вот несколько способов решить эту проблему. Мы можем попытаться дополнить недостающие математические методы линеаризацией и экстраполяцией. Однако у нас нет такой возможности, потому что потеря данных очень важна.

Вторым путем для определенной группы диагнозов будет получение оптимальных моделей

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

путем создания единой модели на основе ее симптомов. По мере увеличения количества наблюдений будут разрабатываться модели. Модель не имеет спроса на отдельные модели.

Линейный регрессионный анализ был выбран для определения эффективности лечения и влияния симптомов заболевания на диагностику. Учитывая низкое качество исходных данных, мы можем использовать нелинейные методы.

Анализ показывает, что линейный регрессионный анализ показывает его эффективность во многих областях.

$$y = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_nx_n. \quad (1)$$

В этой формуле y является диагностическим (зависимые переменные); x_1, x_2, \dots, x_n Симптомы (независимые переменные). Значение y -образных переменных приведено в таблице Y. Сочетание независимых значений приведено в таблице X.

Где a_i – нечётные числа в форме треугольника [1]:

$$\mu_A(a_i) = \begin{cases} \frac{x - \beta_i}{c_i} x > \beta_i, \\ \frac{\beta_i - x}{c_i} x \leq \beta_i. \end{cases}$$

нечётное число a_i в виде параметра можно записать следующим образом:

$$a_i = (\beta_i, c_i).$$

Где β_i - центр интервала, c_i - ширина интервала $c_i \geq 0$.

Тогда y -параметры нечётных номеров определяются следующим образом:

центр интервала:

$$a_y = \sum_j \beta_j x_{ij} = \beta^T x,$$

ширина интервала:

$$c_y = \sum_j c_j |x_{ij}| = c^T |x|.$$

Чтобы нечётная логическая модель была корректной, фактическое значение y нечётного числа является следующим, интервалы, данные ограничения, должны быть связаны с неопределенностью:

$$\begin{cases} \beta^T x - c^T |x| \leq y, \\ \beta^T x + c^T |x| \geq y. \end{cases} \quad (2)$$

(1) Решение задачи можно резюмировать следующим образом:

Необходимо найти параметры нечётных коэффициентов:

а) Проверяемые значения y_k соответствуют интервалу оценки.

б) Минимум "сумма ширины" для интервала оценки.

Эти требования могут быть решены с помощью следующей задачи линейного программирования [1]:

$$\begin{cases} \sum_k \sum_j c_j |x_{kj}| \rightarrow \min, \\ \sum_i \beta_i x_{ki} - \sum_i c_i |x_{ki}| \leq y_k, \\ \sum_i \beta_i x_{ki} + \sum_i c_i |x_{ki}| \geq y_k. \end{cases}$$

Процесс принятия решений часто должен иметь дело с задачами, которые часто носят многоплановый характер. В этом случае набор критериев обычно имеет не уравнивающий характер. Модели оценки используются для измерения единой оценки производительности (общей цели) набора показателей эффективности (конкретных целей). Другими словами, модели оценки являются механизмом приведения функций специального назначения к обобщенной целевой функции.

Построение моделей показателей состояния многомерных медицинских систем в зависимости от воздействующих на них факторов является важной задачей статистического анализа, выполняемого исследователями с использованием современных информационных технологий [2] - [4], [7], [8].

III. МЕДИЦИНСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В ДИАГНОСТИКЕ

Основные медицинские информационные системы, их основная задача - компьютерная поддержка врачей в различных областях; они могут улучшить качество профилактической и лабораторной диагностики, особенно для некачественных специалистов по оказанию государственных услуг. В соответствии с выбранными функциями:

а) оказание помощи врачу с учетом диагноза пациента;

б) консультативно-диагностические системы (для диагностики патологических состояний, включая прогноз и выработку рекомендаций по способам лечения, при заболеваниях различного профиля),

в) приборно-компьютерные системы (для информационной поддержки и/или автоматизации диагностического и лечебного процесса, осуществляемых при непосредственном контакте с организмом больного),

г) автоматизированные рабочие места специалистов (для автоматизации всего технологического процесса врача соответствующей специальности и обеспечивающая информационную поддержку при принятии диагностических и тактических врачебных решений);

Таким образом, медицинская информационная система (MIS) представляет собой комбинацию программного и аппаратного

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

обеспечения, баз данных и знаний, предназначенных для автоматизации различных процессов, происходящих в больницах особенно при диагнозе.

Система автоматизации документооборота для лечебно-профилактических учреждений, в которой объединены система поддержки принятия медицинских решений, электронные медицинские карты о пациентах, данные медицинских исследований в цифровой форме, данные мониторинга состояния пациента с медицинских приборов, средства общения между сотрудниками, финансовая и административная информация процесс установления диагноза, то есть заключения о сущности болезни и состоянии пациента, выраженное в принятой медицинской терминологии. Этим же термином называется и раздел клинической медицины, изучающий содержание, методы и последовательные ступени процесса распознавания болезней или особых физиологических состояний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта система уравнений решается методом системы линейных уравнений, и обнаруживаются неизвестные явления. В процессе принятия решений часто приходится иметь дело с проблемами, которые часто носят многоплановый характер. В этом случае набор критериев обычно не имеет себе равных. Оценочные модели используются для измерения одного показателя эффективности (общей цели) набора показателей эффективности (конкретных целей). Другими словами, модели оценки являются механизмом для сведения целевых функций к общей целевой функции [1], [2].

В результате можно наблюдать переменные в разных сферах пространства. Существующая информация о существующих

экспериментальных данных повысит адекватность непубличной экспертной системы.

Суммируем приоритеты нечётных экспертных систем, которые проявляются при решении сложных алгоритмических диагностических задач.

Регрессионный анализ позволяет моделировать случай для диагностических решений.

Информационные технологии могут успешно применяться в различных областях современной медицины. Например, области безопасности пациентов современные автоматизированные системы могут улучшить контроль качества и медицинских услуг, снизить вероятность медицинских ошибок при диагнозе, обеспечить скорую помощь средствами быстрого общения и доступа к жизненно важной информации о пациентах. Современные технологические решения способны обеспечить бесплатный доступ к медицинским услугам независимо от места проживания пациента, значительно увеличить доступность высокотехнологичных медицинских услуг, медицинскую экспертизу.

Таким образом, можно смело утверждать, что медицинские информационные системы, состоящие из множества специализированных модулей, помогают в одновременном решении диагностических, терапевтических, управленческих, финансовых, статистических и других задач. В свою очередь, все это, в конечном счете, способствует достижению конечной цели любого медицинского учреждения (МЦИ) - предоставления качественных медицинских услуг.

Эти факторы моделируются на основе рекомендаций экспертов, по выбору врача. Эта модель может широко использоваться при принятии решений.

References:

1. Omel'chenko, V.P., & Demidov, A.A. (2016). *«Meditsinskaya informatika»*. (p.528). Moscow: GEOTAR-Media.
2. Karshiev, A.B., Nabieva, S.S., & Egamkulov, A.Sh. (2019). Meditsinskie informatsionnye sistemy. *Internotianal Scientific Journal Thoretical & Applied Science, vypusk 04, tom 72, t. 72*. <http://T-Science.org>
3. Primova, Kh.D., Sotvoldiev, & Safarova, L. (2019) *«Podkhody k resheniyu problemy otsenki riskov s nechetkoy iskhodnoy informatsiey»* 12-ya Mezhdunarodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya «Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin», Dinamika 2018.
4. Mukhamedieva, D.T., & Primova, Kh.A. (2014). *«Podkhod k resheniyu zadach mnogokriterial'noy optimizatsii s nechetkoy*

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

- tsel'yu», *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy matematiki i komp'yuternykh prilozheniy (IJMCAR) ISSN (P): 2249-6955; ISSN (E): 2249-8060 Vol. 4, vypusk 2, SshA, pp.55–68.*
5. Omel'chenko, V.P., & Demidov, A.A. & *Meditsinskaya informatika GEOTAR Media*, p.528.
 6. Mukhamedieva, D.T., & Primova, Kh.A. (2018). *Algoritm i programma dlya postroeniya modeli nechetkoy logiki*. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy i dukhovno-obrazovatel'noy konferentsii, posvyashchennoy 1235-y godovshchine Mukhammeda al-Khorezmi, na mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy vazhnosti informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v Innovatsionnoe razvitiye otrasley ekonomiki 5–6 aprelya, Uzbekistan, pp.208-212.
 7. (2016). *Uchebnik po meditsinskoy informatike: S.A. Feylamazov*. Informatsionnye tekhnologii v meditsine: posobie dlya meditsinskikh kolledzhey. Makhachkala: DBMK, p.163.
 8. (2005). Integratsiya predpriyatiya zdravookhraneniya (IHE). Retrieved April 5, 2019, from <http://www.ihe.net/>
 9. (2005). Tsifrovoye izobrazhenie i kommunikatsiya v meditsine. Retrieved April 5, 2019, from <http://medical.nema.org/>
 10. (2005). Integratsiya predpriyatiya zdravookhraneniya (IHE). Retrieved April 5, 2019, from <http://www.ihe.net>
 11. Mukhamedieva, D.T., Primova, Kh.A., & Bobobekova, Kh.R. (2019). *Otsenka slabogo formalissisa prossov na osnove nechetkikh podkhodov*. LAP Lambert Academic Publishing ISBN 978-613-9-98952-2. OOO "Mezhdunarodnyy knizhnyy rynek", chlen gruppy OmniScriptum Publishin. Mavrikiy. p.326.
 12. Sakiev, T.R., Nabieva, S.S., & Akhrorov, M.Sh. (2018). Arkhitektura meditsinskoy informatsionnoy sistemy. *International Scientific Journal Theretical & Applied Science*. 14.05.2018, pp.35–39. <http://T-Science.org>

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 20.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Zubayda Zhumaeva

Jizzakh State Pedagogical Institute named after Abdulla Kadyri
Senior lecturer

Khayrulla Ibragimova

Jizzakh State Pedagogical Institute named after Abdulla Kadyri
teacher

Otabek Khidirova

Jizzakh State Pedagogical Institute named after Abdulla Kadyri
Teacher

ON THE STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS OF THE RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES

Abstract: This article is a study, in comparative terms, of the structure of phraseological expressions of the Russian and Uzbek languages. The study of the structures of phraseological expressions showed that phraseological units are mostly often found in both languages, which are phrases and sentences like: "nebo s ovshinku kajetsa", "moloko na gubah ne obsohla", "ona suti ogzidan ketmagan", "brat primer", "ne ryba ne myaso", "kak koshka s sobakoy", "tomdan tarasha tushganday", etc. The various points of view of famous researchers of the Russian and Uzbek languages were studied.

Key words: phraseological expressions, phraseological units, structural models, postposition and preposition of dependent words, structure of phraseological units, communicative phraseological units.

Language: Russian

Citation: Zhumaeva, Z., Ibragimova, K., & Khidirova, O. (2019). On the structure of phraseological expressions of the Russian and Uzbek languages. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 306-310.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-64> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.64>

Scopus ASCC: 1203.

О СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация: Данная статья посвящена изучению в сопоставительном плане структуры фразеологических оборотов русского и узбекского языков. Как показали результаты исследования структур фразеологических оборотов, чаще всего встречаются в обоих языках фразеологизмы, представляющие из себя словосочетания и предложения типа «небо с овчинку кажется», «молоко на губах не обсохло», «она сuti огзиданкетмаган», «брат пример», «ни рыбани мясо», «как кошка с собакой», «томдан тарашатушгандай» и т.д. Изучены различные точки зрения известных исследователей русского и узбекского языков.

Ключевые слова: фразеологические обороты, фразеологизмы, структурные модели, постпозиция и препозиция зависимых слов, структура фразеологизмов, коммуникативные фразеологизмы.

Введение

В русском и узбекском языках, как показали наши наблюдения над структурой фразеологических оборотов, встречаются фразеологизмы самой различной модели. Как и в

русском, так и в узбекском языках преобладают фразеологизмы, которые совпадают по своей структуре со словосочетаниями, но имеют различия в их оформлении, специфичные языковому строю сопоставляемых языков. К

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

таким относятся, например, порядок слов в словосочетаниях и предложениях, отсутствие предлогов и наличие послелогов в узбекском языке, своеобразие в управлении («дать слово» - «сузбермок») и другие.

По своей структуре фразеологические обороты русского и узбекского языков, если учитывать характер сочетания компонентов и грамматически стержневого слова, подразделяются на несколько групп. « Конкретно по своему строению фразеологические обороты в русском языке делятся на два больших разряда: 1. Фразеологические обороты, структурно равнозначные предложению (ср. *Куры не клюют; Руки не доходят; Счастливые часов не наблюдают* и т.д.). 2. Фразеологические обороты, по своему строению представляющие собой то или иное сочетание слов (*подруга жизни, с головы до ног, не в своей тарелке, хоть глаза выколи* и т. д.)» [2. с. 99].

В отобранных нами примерах из художественных произведений фразеологические обороты, как было выяснено, встречаются фразеологизмы преимущественно второй группы (разряда). Несмотря на их малое количество, они представляют большой интерес в сопоставительном отношении, так как именно фразеологизмы, по своей структуре представляющие различные словосочетания, довольно часто встречаются в узбекском языке. Мы взяли в основу сопоставления структуры фразеологических оборотов русского и узбекского языков точку зрения Н.М. Шанского, предложенную в учебном пособии «Фразеология современного русского языка»[7.с.66].

К первой группе фразеологических оборотов по структуре относятся

глагольно-пропозициональные (предикативные) фразеологизмы.

К таким относятся фразеологические обороты, представляющие собой **по структуре предложения** (фразеологизмы, пословицы, поговорки, цитаты, образные выражения). К ним относятся фразеологизмы «*кончен бал*», «*бог миловал*», «*волосы дыбом становились*», «*время не ждет*», «*гайка слаба/ ослабила*», «*куда хватает глаз*», «*Из песни слова не выкинешь*», «*Родную мать никто не заменит*», «*За правое дело стой смело*» и другие[9.с.61].

Такие обороты в большинстве случаев, как показал структурный анализ этих фразеологизмов, являясь частью какого-либо сложного предложения, выступают как «коммуникативные» или «номинативные» (по определению Н.М.Шанского) единицы языка. Среди номинативных единиц часто встречаются эквивалентные слову выражения: «*душа в пятки ушла*» - испугался; «*кот заплакал*» - мало; «*молоко на губах не обсохло*» - молодой, неопытный и

т.д. Среди фразеологизмов узбекского языка с данной структурой имеются эквивалентные и по смыслу фразеологизмы. Многих из них семантически можно назвать полными эквивалентами, так как в них имеются одинаковые слова-компоненты: «*волосы становились дыбом*» - «*сочи тикка булди*»; «*зуб на зуб не попадает*» - «*тишии тишига тегмайди*»; «*молоко на губах не обсохло*» - «*она сути озгидан кетмаган*»; «*семь раз отмерь – один раз отрежь*» - «*етти марта улчаб бир кес*» и другие[8.с.109]. Из этих фразеологизмов первые три примера эквивалентны слову в обоих языках, в предложении выполняют обычно функцию какого-либо предложения, а последнее выражение, являясь коммуникативной, выступает как самостоятельное предложение, выражающее определенное суждение. Но все-таки нельзя сказать об адекватности фразеологизмов узбекского языка по структуре русским фразеологизмам, так как в них имеются следующие различия:

1) Вместо множественного числа употребляется единственное число. Например, «*волосы становились дыбом*» - «*сочи тика булди*» (буквально

«волос становился дыбом»); «*руки не доходят*» - «*кули тегмади*» (буквально «рука не касалась») [10.с.92] форма «куллари тегмади» употребляется иронически по отношению к человеку, к которому обращаются.

2) Глаголы заменяются причастием. Например, «*молоко на губах не обсохло*» - «*она сути озгидан кетмаган*» (буквально «не сошедшее со рта материнское молоко кто-то»).

3) Вместо сложного предложения употребляется простое. Например, «*Семь раз отмерь – один раз отрежь*» - «*Етти марта улчаб, бир кес*»(буквально «Отмерив семь (раз), один (раз) отрежь»)[6.с.83].

4) В составе фразеологического оборота употребляются несходные по смыслу компоненты. Например, «*небо с овчинку показалось*» - «*жони халкумига келди*» (буквально « жизнь пришла в глотку»).

5) Различное месторасположение главных членов, особенно сказуемого. Если во фразеологических оборотах русского языка порядок слов свободный, то во фразеологизмах узбекского языка сказуемое всегда находится в конце предложения: «*куда глаза глядят*», «*мурашки бегают по спине*», «*нашла коса на камень*» - «*боши осмонга етди*», «*кузлари кинидан чикди*» и другие.

Ко второй группе относятся **фразеологические обороты, представляющие собой словосочетания.**

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Фразеологические обороты, представляющие собой словосочетания, мы разделили на восемь моделей.

1. Фразеологические обороты модели «**глагол + существительное**» являются самыми многочисленными и продуктивными среди фразеологизмов русского и узбекского языков. Фразеологизмы данной структуры обычно предикативны и выполняют функцию сказуемого. Например, «болеть душой», «брать в руки», «вешать голову», «владеть собой», «выходить из себя», «давать слово», «затыкать рот» и другие. По структуре адекватны с ними фразеологизмы узбекского языка, которые также многочисленны в языке: «бошины айлантирмок», «ахамият бермок», «кузга ташланмок», «уздан кетмок», «сузбермок», «огзини ёлмок», «бош котирмок», «куздан кечирмок» и многие другие.

Фразеологические обороты данной модели, как показали наши наблюдения по местоположению компонентов, могут быть **прямыми** («вешать голову», «заварить кашу», «выходить из себя», «давать слово», «сходить с ума») или **инверсивными** («рукой подать», «ворон считать», «лодыря гонять», «язык проглотить», «небо коптить»). Связь с другими словами в контексте осуществляется при помощи глагола, хотя «... смыслообразующим отдельно он бывает довольно редко» [2. с.67]. Непредикативные фразеологизмы «рукой подать», «язык проглотил» не изменяются в контексте, являясь примыкаемыми членами предложения. В узбекском языке обороты с глагольным компонентом всегда инверсивны: существительное предшествует глаголу, например, «кузгаташланмок», «ергаурмок», «бош котирмок», но никогда нельзя сказать «ташланмоккузга», «урмокерга», «котирмок бош».

Можно рассмотреть структуру фразеологизмов этой модели в следующем порядке: 1) фразеологизмы «**глагол + существительное без предлогов**». В таких фразеологизмах существительные употребляются во всех косвенных падежах, кроме предложного: «дать дуба», «задать перцу», «набираться ума», «кривить душой», «учить уму-разуму», «поплатиться головой», «отвечать головой» и другие. Особенно часто употребляются существительные в форме винительного и творительного падежей: «бить баклуши», «вешать голову», «задирать нос», «поднимать руку», «падать духом», «болеть душой», «махнуть рукой», «бить ключом» и другие.

2) фразеологизмы «**глагол + существительное с предлогом**». Фразеологизмы данного типа очень многочисленны: «начинать с азов», «отбиваться с рук», «принимать к сведению», «брать за душу», «стереть в

порошок», «стоять над душой», «оставить с носом», «висеть на волоске», «играть на нервах» и другие. Среди фразеологизмов узбекского языка обороты данной модели есть такие, где существительное употребляется с послелогом – ни и без него в винительном падеже (тушумкелишиги): «эйтибор бермок» - «йулини тусмок», «бош котирмок» - «орани бузмок», «кул урмок» - «бошины айлантирмок», «суз бермок» - «дилини огритмок», «куз буямок» - «ённи олмок». По этому поводу В.В. Решетов писал так: «Винительный падеж, подобно притяжательному, может быть оформленным (т.е. с аффиксом –ни – китобни) и не оформленным (без аффикса –ни). Оформленный употребляется, определено грамматически, говорит о предмете, выделенном из ряда однородных; в остальных случаях употребляется винительный неопределенный» [5. с.83].

2. Фразеологические обороты модели «**прилагательное + существительное**». Фразеологизмы данной модели мало распространены в русском и узбекском языках. В структурном отношении такие фразеологизмы не закреплены по одной схеме.

В русском языке определение обычно выражается прилагательными, реже - некоторыми местоимениями или порядковыми числительными. Оно находится препозитивно по отношению к определяемому слову: «битый час», «старый (травленный) волк», «чудное дело», «ясное дело», «известное дело» и другие.

Встречаются фразеологические обороты, где определение занимает постпозитивное положение по отношению к определяемому слову: «веки вечные», «гусь лапчатый», «мать честная», «нож острый», «шут гороховый» и тому подобные.

Во фразеологических оборотах узбекского языка определение может быть как и препозитивным, так и постпозитивным по отношению к определяемому слову. Например, «ок кунгил», «кайфи бузук», «кунгли хира», «каттик кул», «майда гап», «енгил табиат», «ката огиз», «огир йигит», «совук гап» и т.д.

В роли определения в таких оборотах могут быть местоимения или числительные: «тот свет», «этот свет», «одним словом», «ваш брат», «свой брат», «один конец», «одним духом», «всей душой» и т.д. Порядок компонентов в таких фразеологизмах константен, хотя во фразеологизме «воля ваша» изменение порядка слов приводит к нарушению экспрессии фразеологического оборота.

3. Фразеологические обороты модели «**существительное + родительный падеж существительного**».

Фразеологизмы данной модели в количественном отношении немногочисленны и в

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

русском, и в узбекском языках. Обороты «ноль внимания», «точка зрения», «чувства локтя», «вопрос жизни и смерти» в структурном отношении состоят из главного слова и зависимого, управляемого слова. Связь этих фразеологизмов с другими словами в речи осуществляется через слово, выраженное именем существительным в именительном падеже: «точка зрения», «мою точку зрения», «с моей точки зрения» и т.д. В узбекском языке с ними структурно совпадают фразеологизмы «анконинг уруги» (вариант «анконинг тухуми»), «аммамнинг бузоги», «пешона тери», «йигитларнинг гули», «гапнинг тузи» и другие. Компонент, выраженный в родительном падеже, занимает препозитивное положение по отношению к главному слову, которое выражает категориальное отношение всего фразеологизма: «аммамнинг бузоги», «аммамнинг бузогига», «аммамнинг бузогини», «аммамнинг бузогидан» и т.д.

4. Фразеологические обороты модели «**предлог + прилагательное + существительное**» достаточно часто встречаются среди фразеологизмов русского языка. Вместо прилагательных в составе таких фразеологизмов иногда употребляются местоимения или числительное, которые выражают функцию указания на предел какого-либо качества или признака или функцию усиления этих признаков. Например, «для пущей важности», «до седых волос», «во все глаза», «во всю глотку», «на свою голову», «до гробовой доски», «с открытой душой», «в двух шагах» и т.д. Эти фразеологизмы соотносятся с наречиями и в предложении являются функцией различных обстоятельств. «Составляющие их слова семантически всегда равноправны. Порядок следования компонентов друг за другом постоянный» [2. с.65].

К таким фразеологизмам в узбекском языке соответствуют малочисленная группа фразеологизмов, структурная организация которых отличается отсутствием предлогов и наличием послелогов, выражающие падежные отношения: «бир овоздан», «турт оғизлик». «кайси юз билан», «куз кири билан», «бир бошдан», «содадиллик билан» и некоторые другие. В них обычно выступает компонент, выраженный числительными «один», «два», «три», «четыре», которые выражают малое количество чего-либо: компонент «билан» соответствует русскому предлогу «с».

5. Фразеологические обороты модели «**предложно-надежная форма существительного + предложно-надежная форма существительного**». Обороты данной модели встречаются редко. К ним относятся «с головы до ног» («с ног до головы»), «с глазу на

глаз», «со дня на день», «изо дня в день», «от мала до велика», «с ножом к горлу», «до поры до времени», «с минуты на минуту», «от слова до слова» и другие. Порядок следования компонентов в них неизменяемый, они выполняют всегда функцию различных обстоятельств. Так как роль предлогов в узбекском языке выполняют послелогов, по структуре с этими фразеологизмами соотносятся немногие фразеологизмы узбекского языка, например, «бошдан оёк», «еттидан етмишгача», «ипидан игнасигача», «миридан сиригача», «килидан куйругигача». Данные фразеологизмы выражают предельность какого-либо действия или признака и качества и обычно выполняют также функцию различных обстоятельств. К ним по структуре и семантике близко стоят фразеологизмы модели «**предложно-надежная форма существительного + родительный падеж существительного**»: «во веки веков», «до глубины души», «до последней капли крови», «в конце концов», «до корней волос» и другие. По структуре сходных к таким фразеологизмам в узбекском языке отсутствует, если не считать оборот «бир кошик кони колгунча» (букв. «до одной (последней) ложки крови»), который семантически близок к русскому фразеологизму «до последней капли крови».

6. Фразеологические обороты модели «**глагол + наречие**». Данный разряд фразеологизмов малопродуктивен в русском и узбекском языках. Например, «попасть впросак», «видеть насквозь», «пойти далеко», «забегать вперед», «пойти навстречу», «рубить сплеча» и некоторые другие. В узбекском языке к фразеологизмам данной модели подходят «лаккатушмок», «огирботмок», «малолкелмок» и другие.

7. Также немногочисленны как в русском, так и узбекском языке фразеологизмы конструкции «**деепричастие + существительное**». К таким относятся «очертя голову», «скрепя сердцем», «засучив рукава», «затаив дыхание», «сложив руки», «сломя голову», «спустив рукава», «положив руки на сердце». Порядок компонентов в них закрепленный: «не говоря худого слова», «не отрывая глаз», «не покладая рук». У последних фразеологизмов соотносительных форм без частицы «не» не имеется.

В узбекском языке встречаются фразеологизмы с опорным словом деепричастием, но иного порядка слов: существительное идет впереди деепричастия: «куз узмай», «тер тукиб», «бош эгиб».

8. Не менее распространенными в русском и узбекском языках **фразеологические обороты со сравнительным союзом «как»**. «Грамматически стержневыми словами, «организующими» фразеологические обороты как целое, здесь

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

следует считать союзы, с которых они начинаются: как снег на голову, как две капли воды, как угорелый ...» [2. с.71]. К таким относятся «как белка в колесе», «как в воду канул», «как две капли воды», «как зеницу ока» и другие. С ними соотносятся фразеологизмы «аммамнинг бузогидай», «ичаги узилгудай булиб», «куз корачигидай», «сув сепгандай», «хамирдан кил сугургандай», «беш бармогидай», «томдан тараша тушгандай», «сув куйгандай» и т.д.

Как показали наши наблюдения, имеются среди фразеологических оборотов русского языка небольшие группы фразеологизмов, которые **не имеют соотносительных по структуре оборотов в узбекском языке**. К таким относятся: а) фразеологизмы с отрицательными частицами НЕ и НИ: «не в своей тарелке», «не робкого

десятка», «ни в зуб ногой», «ни к чему», «ни при чем» и другие. б) фразеологизмы с повторяющимися союзами: «ни дать ни взять», «ни жарко ни холодно», «ни жив ни мертв», «ни кола ни двора», «ни рыба ни мясо», «ни пуха ни пера», «и то и сё», «и стар и млад». Наоборот, в узбекском языке встречаются такие фразеологизмы, которые совпадают по структуре с предложениями и имеют соотносительные модели среди фразеологизмов русского языка со структурой предложения. Эти фразеологизмы в большинстве случаев имеют коммуникативный характер и близко стоят к пословицам: «кулни ювиб, култикка урмок», «бургага аччик килиб, курпани куйдирмок», «жон олиб, жон бермок», «бу кулогидан кириб, у кулогидан чикибкетмок», «етти ухлаб, тушида хам курмаслик».

References:

1. Vinogradov, V.V. (1947). Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke. – V kn.: Shakhmatov A.A. Sb.statey i materialov pod red. S.P. Obnorskogo. M.-L., pp.339-364.
2. Zhukov, V.P. (1978). *Semantika frazeologicheskikh oborotov*. Moscow.
3. Ozhegov, S.I. (1984). *Slovar' russkogo yazyka*. Moscow.
4. Rakhmatullaev, Sh. (1966). *Nekotorye voprosy uzbekskoy frazeologii*. AKD. Tashkent.
5. Rakhmatullaev, Sh. (1965). *Uzbek tilining izoxli frazeologik luzati*. Tashkent.
6. (1978). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka pod redaktsiey A.I. Molotkova*, Izdanie tret'e. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Shanskiy, N.M. (1969). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaya shkola.
8. Sadykova, M. (1989). *Kratkiy uzbeksko-russkiy frazeologicheskii slovar'*. Tashkent.
9. (1970). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka*. In A.I. Molotkova (Eds.). Moscow.
10. Yarantsev, R.I. (1981). *Slovar' – spravochnik po russkoy frazeologii*. Moscow.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 22.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Svetlana Khan
unemployed
English trainer

Mamura Alimova
unemployed
English trainer, Uzbekistan

MATERIALS AND RESOURCES REVIEW

Abstract: This article is about materials and resources review in teaching English. In this article it is spoken about how to develop communicative competences and the language skills development sections where reading, writing and making presentations are mentioned.

Key words: obvious, mismatch, communicative, syllabus, develop skills, sections reading, writing, presentations, headings, material, students, to practice.

Language: English

Citation: Khan, S., & Alimova, M. (2019). Materials and resources review. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 311-315.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-65> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.65>

Scopus ASCC: 1203.

Introduction

Aim

The aim of this area of research for the baseline study is the analysis of the teaching materials ESP teachers currently use in their classroom practice.

Materials and Methods

The data collected were derived mostly from lesson observations (71) and syllabi developed institutionally based on the Ministry's standard curriculum (13) collected from three universities during the fieldwork.

The syllabi available for analysis provide a very limited picture as only three universities submitted their documents and syllabi. The data available shows a confusion in the meta language institutions use: in some universities the term 'curriculum' is used while in others 'syllabus', 'schedule' and 'calendar plan' are used for the same type of documents with themes, grammar and lexical material, aims and number of hours noted. For the purposes of this study we use the word "standard" to define state standards, 'curriculum' for the Ministry curriculum and 'syllabus' for an institutional syllabus derived from the Ministry document.

The researchers report that 75% of the lessons observed followed the institutional syllabi which must be developed in line with the standard Ministry curriculum. Although teachers claimed that they follow the institutional syllabus developed in line with standard curriculum sent out by the Ministry, many institutions base their syllabi on published materials and coursebooks: 62% institutions use Scale Up (Bakieva et al, 2014), 23% use English for ESP Students (Abdalina, 1996), and 15% use Practical Course of English for Non-Philological Students (Ismailov et al (2011) and others. The teachers and heads of departments complained of a mismatch between the curriculum and institutional syllabi. They pointed out that their syllabi derived from the prescribed textbook Scale Up do not match the standard curriculum, which does not even include Scale Up on its list of suggested books.

There is an obvious mismatch between the communicative aims stated in the syllabus documents - e.g. "to develop communicative competences" - and the language skills development sections where reading, writing and making presentations are mentioned in the introductory part of the syllabi, and the traditional headings in the tables in the syllabus documents (38% of the documents available) such as

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

“Grammar material”, “Lexical material” and “Aim”, which show that students are expected to practise mostly grammar and vocabulary building. Aims stated in those syllabi are vague and focus on speaking and grammar and vocabulary building, e.g. “To develop oral speech, to fix lexical and grammatical material”, while major skills such listening, reading and writing are not mentioned. The description of grammar and phonetic materials (e.g. There is/there are constructions/Imperative mood/sounds i. e... etc.) illustrate the gap between the aim of “communicative competence” and the actual structural approach employed in most institutions, as well as between the desired level of students (B2 according to the state curriculum) and the reality teachers foresee.

Teachers and heads of department expressed their concerns about students’ language level, which according to the National standards expressed in the curriculum must be B2. When asked whether students actually reach this level by the end of the course, all the respondents stated that fewer than half of their students are able to achieve that level. Moreover, one syllabus even starts with ABC and reading rules, indicating that the department expects that students’ level of language proficiency will be beginner or elementary (A1 or even below).

31% of the syllabi available contain the heading “Pedagogical and technological methods”, but with quite unclear items, e.g. “Interactive”, “Communicative”, “Keys”, “Pinboard”, “Suggestopedia” and others. 69% of the institutions surveyed allocate around 70% of hours for classroom instruction and 30% for independent study. The topics for the independent study (e.g. “Youth today”, “The pride of Uzbekistan”, “The climate of Great Britain”) are given, and the number of hours allocated for each topic are prescribed in the institutional syllabi. In order to research existing situations with independent study, which is a very important component of the higher education system, in more depth, further work should be done in Phase 2. More evidence on how it is incorporated into the institutional teaching programme, including assessment and any assistance students are offered, is needed.

Teaching materials The research showed that three categories of materials are used in the institutions surveyed:

Nationally -published materials According to the national curriculum (2013), the textbooks

recommended for use include English for ESP Students (Abdalina, 1996), or Practical Course of English for Non-Philological Students (Ismailov et al (2011), both published in Uzbekistan, or others on a list. Teachers in 38% of the institutions surveyed use the two recommended textbooks mentioned above. The majority (62%) use the book Scale Up, published locally in 2014 and recommended by the Ministry for teaching ESP students. The majority of the books (93%) recommended in the curriculum are published in Uzbekistan. The rest (7%) include the books published in Russia, e.g. English for Journalists (Telen, 1992), and Great Britain, e.g. English Grammar in Use (Murphy, 2002).

Internationally -published materials The EnSPIRe researchers report that many teachers use internationally published textbooks like Headway (Soars, 2010, OUP) (8¹), Inside Out (Kay & Jones, 2003) (3), Straightforward (Clandfield, 2007, Macmillan)(7) and The Business (Richardson, Kavanagh & Sydes with Emmerson, Macmillan 2012) (7).

Teacher-made hand-outs or manuals Some teachers use “metodichka” developed in-house for institutional use to fit their students’ narrow ESP disciplines, e.g. English for biologists (1), English for students of nature (1). Some teachers (20% of the teachers observed) supplement textbooks by various teaching materials including videos and handouts taken from different sources, mainly from the internet. The most frequently-used materials are shown in the following diagram: 1

Analysis of teaching materials

Internationally -published materials

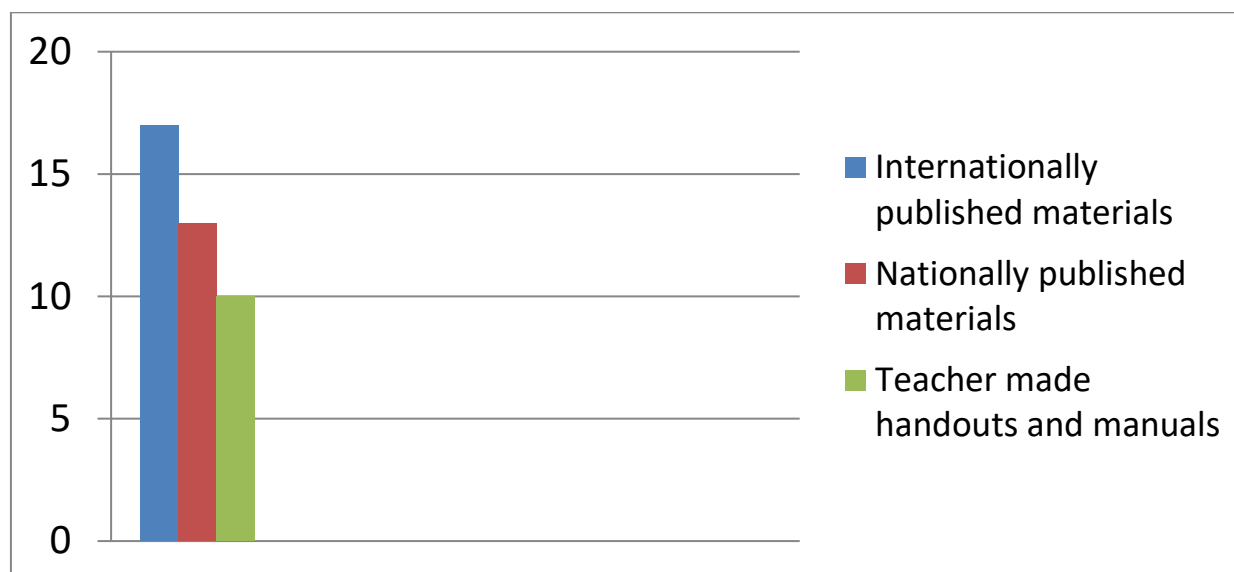
Internationally published textbooks like Headway (Soars, 2010, OUP), Inside Out (Kay & Jones, 2003) and Straightforward (Clandfield, 2007, Macmillan) have a well-established reputation in the world and offer good quality teaching materials including digital resources. These textbooks are written for teaching general English and are thus not suitable for ESP students. The data obtained from the Lesson Observation instrument show that the books mentioned above are used not only in Year 1, the focus of which is EGP, but in some cases also Years 2 and 3 as well which should be ESP oriented. The research showed that international EGP materials are used with the following frequencies in the institutions surveyed: Year 1- 45%, Year 2- 41%, and Year 3 –14%.

¹ The number indicates how many teachers in the institutions surveyed use this source.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

1 – Diagram

Nationally -published materials In most (62% of syllabi available) of the institutions teachers use a newly published book *Scale Up* for the ESP classes. This book, published in Uzbekistan, mostly covers general English (e.g. “Ubiquity of English”, “Global information and you”), study skills materials (e.g. “Learning strategies”, “Effective study skills”) and some elements of EAP (e.g. “Paragraph writing”, “Argumentative writing”, “Creative writing”). In the interviews conducted during the fieldwork, the heads of departments expressed their worries saying that the textbooks for ESP students “are written by linguistic specialists but for nonlinguistic institutions”. It was also said that the materials reportedly cover mainly general topics, lacking proper understanding of the vocational context and needs of ESP students. It is also clear from the research carried out for the EnSPIRe project that students’ needs are mostly professional (EPP) rather than academic (EAP).

The analysis of textbook *Scale Up* (see appendix A) shows that the book aims at B2 level students, and contains rather complicated language from the very beginning, e.g. ubiquity, inevitable, inveterate, infringement of copyright, meta-cognition. However, at the moment the language level of the majority of ESP students is well below the B2 target and as the heads of departments state that “less than half of their students are able to achieve that level”, the language level of the book seems rather questionable.

The syllabi analysis show that the syllabus developers who use *Scale Up* as a main textbook tried to address their learners’ level of language proficiency in various ways, e.g. instead of the four lessons allocated for one unit, they allocate from 8 to 14 lessons. Lesson observation analysis shows that teachers also try to adjust the book to address the needs and level of students (up to 50%).

Teacher-made hand-outs or manuals

According to the lesson observation data results, additional teaching materials are widely used in the lessons. They are handouts (both taken from the internet and teacher-made worksheets), and in-house published manuals (‘metodichka’) developed for institutional use, e.g. English for biologists, English for students of nature, English for specialty. In ESP departments teachers are required to prepare “metodichkas” to cover areas of specialty of their students. “Metodichkas” often contain materials (mostly photocopied) collected from different sources. In many cases these ‘metodichkas’ are of poor quality as they are published by teachers and departments who lack training in materials design. They may also violate international copyright.

The analysis of “metodichkas” shows that they contain texts on a particular specialty (e.g. Weaving, Textile production, Different food molecules) with various tasks around them. The headings in the tables of contents - Phonetics, Grammar, Vocabulary, Reading text, Reading tasks - demonstrate that listening, speaking and writing are not presented at all. A few “metodichkas” have some graphic organizers, tables and other illustrations. However, because all lessons are designed in the same way throughout the whole manual the tasks become boring and not interesting. (See Appendix B with an analysis of sample “metodichkas”).

Research done in Russian ESP institutions reported widespread use of similar in-house institutional ‘metodichkas’ which have the same type of texts and activities: “a selection of texts on the student’s specialty, a number of tasks for them, e.g. comprehension questions, vocabulary and grammar exercises” (see Winetroube & Kuznetsova (eds) 2002).

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

Conclusions

The following conclusions can be drawn from the research done:

- 1) There is a confusion in meta language used for curriculum, syllabus, programmes and other items related to materials development.
- 2) The institutions surveyed use various approaches in developing institutional syllabi.
- 3) There is no clear guidance on syllabus and courses that institutions need to produce.
- 4) Material developers lack understanding of principles and methodology suitable for teaching ESP students.
- 5) Materials teachers use include internationally produced books, nationally produced ones including “methodichkas” which need to be revised and improved in line with the research findings and State standards requirements and modern principles of ESP materials design and methodology².

Limitations and further work

The following limitations hinder the research progress: the limited number of universities visited so far and the lack of an efficient tool for gathering data on materials.

The researchers had difficulties in analyzing the obtained data related to teaching materials. The

Lesson Observation form the researchers used in their fieldwork has a vague item i.e. “**Does the teacher adapt or supplement the textbooks/materials?**” in response to which the researchers just noted that teachers adapted or supplemented the textbook with no clear indication of how much teachers adapted or supplemented the main textbook.

The expanded number of universities, suggested revised Lesson observation form as well as a proper questionnaire and the collection of teacher-produced materials including “methodichkas” and handouts in phase 2 will give an opportunity to get more precise data in order to get a clearer picture and assess better how teachers use teaching materials.

Moreover the following work should be done:

- 1) Agreement on meta language used for curriculum, syllabus, programmes and other terminology related to material development should be developed, standardized and included in a baseline glossary.
- 2) Institutions must have clear guidance and training on syllabus and course development.
- 3) Materials developers should be trained.
- 4) Materials must be developed/revised/improved in line with the findings of the research done.

References:

1. (2006). Government of the Republic of Uzbekistan 2006a Decree of Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan (the collection of the Education legislation of the Republic of Uzbekistan from 16.02.2006, № 6-7, p.39; 2011, №25 p. 260; 2012, № 33-34, p.390) About further improvement of the system of retraining and professional development of pedagogical staff. Retrieved 2019, from http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=973539
2. Winetroube, S., & Kuznetsova, L. (2002). *Specialist English Teaching and Learning – The State of the Art in Russia*. Moscow: British Council & Publishing House Petropolis
3. (2003). Department of Education, Prince Edward Island. Guidelines for the Evaluation and Selection of Learning Resources. Charlottetown, Prince Edward Island.
4. (2000). Ministry of Education, Province of British Columbia. Evaluating, Selecting and Managing Learning Resources: A Guide. Vancouver, British Columbia.
5. (2001). “Internet Resource Evaluation Criteria.” *School Libraries in Canada* 20, no. 4: 32.
6. (2001). Glossary. *School Libraries in Canada* 20, no. 4.
7. (2000). Glossary. *School Libraries in Canada* 20, no. 2.
8. (2007). Schrock, Kathleen. Separating the Wheat from the Chaff: How to Tell the Good Sites from the Bad. 20 July 2007.
9. (2012). Guidelines for Good Adult Literacy Work published by National Adult Literacy Agency.

² See Government of the Republic of Uzbekistan (2006a), which calls for the ‘development of effective

methods for teaching foreign languages’.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

10. (2013). Good Practice Guidelines for Development Education in Schools by the Formal Education Working Group, IDEA.

11. (2014). Good Practice Guidelines for Development Education in the Adult and Community Sector by the Community Sector Working Group, IDEA.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 22.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Mukhammadjon Mamajonov
Fergana State University
teacher of the chair of Linguistics,
the Faculty of Philology, Uzbekistan
muhammadjon706@mail.ru

ON THE MATTER OF PRAGMATICS OF NAMES IN UZBEK LANGUAGE

Abstract: The article considers use status and culture of anthroponyms in verbal communication. Also linguistic and cultural analyses of anthroponyms pragmatics in Uzbek language is enlightened in comparative aspect.

Key words: anthroponyms, anthroponymy, name, nickname, penname, speech culture, social relation.

Language: English

Citation: Mamajonov, M. (2019). On the matter of pragmatics of names in Uzbek language. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 316-318.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-66> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.66>

Scopus ASCC: 1203.

Introduction

Nowadays the matters of pragmatics are broadly researched in linguistics. This research is devoted to the significant features of the pragmatics of names in Uzbek language.

Antroponym, which means *antro* – person, *onym* – name, derived from Greek. However, in Uzbek linguistics the terms *name*, *person's name*, *peoples' names* are used instead of the term *antroponym*. The Russian linguist N.V.Podolskaya considers pertinent to include the name, patronymic name, surname, nickname, pseudonym in the term *antroponym* and defines them through the different terms as *cryptonym*, *gineconym*, *patronym*.

The complex of anthroponyms in the language is called *antroponymia*. The branch engaged in the study of anthroponyms is called *antroponymics*, as a part of *onomastics*. The present article deals in the study of the linguistic and nonlinguistic features of anthroponyms. The specialist of *antroponymics* is considered to be *antroponymist*.

Materials and Methods

The tradition of addressing to a person not calling his name is spread among many nationalities, in particular, among Shor and Abkhaz people. This tradition and the speech behavior of people can also be seen in the Uzbek language. One can mention that

this tradition traces back to ancient times. The influence of this process kept in some social relationship in the contemporary Uzbek language.

Initially, the studies of the matter drew attention of ethnographs. Among Uzbek linguists Prof. E.Begmatov was the first, who thoroughly investigated the matters of anthroponyms and expounded them in his works.

Firstly, we shall consider the matters of addressing to familiar people in some dialects of Uzbek language. As it is known, the first function of the people's names is to distinguish the person from another one. However, the language and even dialect speakers have a different approach to people's names in the communication.

In this regard we can cite the treatise "Names and people" by E.Begmatov as an example, which elucidates such issues, as respecting the names of people is equal to respecting these people in the tradition of the ancient Turkic nations. This respect lies in addressing to people without naming them. Due to it, the young people cannot tell the names of the elderly, the spouses cannot address to each other by their names. According to Uzbek traditions, children cannot tell the names of the relatives and instead of names they use the polite forms of expressing «ота» (father), «дада» (dad), «буви» (grandmother), «ойи» (mother), «она» (mother), «опа» (sister), «ака»

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHИ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

(brother), «бобо» (grandfather) [1, б.10]. In this respect, it is worth mentioning the story concerning this tradition: Abu Khurayra saw two people and asked one of them: “Who is this person to you?” He answered: “This man is my father”. “In this way don’t call your father by his name, don’t go at the head and don’t sit on the higher place than him” [2, б.31]

There are also some traditions in the social relationship, which are linked to the use of antroponyms in speech.

Ўзбекда ахир ҳар бир эркак ўз хотинини – ўз ҳалол жуфтини қизи ё ўглининг номи билан атаб чақиради. Ўз хотинининг исмини айтиб чақириш ярамайди. Хотинининг исми Марям, қизининг исми Хадича бўлса, мўмин-мусулмон, шарму ҳаё юзасидан бўлсамикан, хотинини “Хадича” деб чақиради. Аксар она-бола баравар “лаббай” дейди; шундай-да, оиланинг ҳақиқий эгаси бўлган ота: “Каттангни айтаман, каттангни!” дейди. Ҳатто шунда ҳам “Марямни” демайди... (Chulpon, “Night and day”) (In Uzbek traditions each man calls his wife by the name of his son or daughter. Telling the wife’s name won’t do. If the wife’s name is Mariam, while daughter’s name is Khadicha, the man calls his wife by the daughter’s name “Khadicha”. Both wife and daughter respond to call. Then, in this way, the man says: “I am calling the elder”. Even here, in order to clarify, he does not say “Mariam”).

However, there are cases of breaking the rules of the ancient traditions according to the alien ideas and losing the ethics of addressing to friends, parents and relatives. In some families there are cases, when the father is called as «пахан», «бобой», the grandmother or other women are called as «бабуля», «бабушка».

«Кексайгандан кейин одам аразчи, инжиқ бўлиб қолар экан. Болалари дастурхон устидан оминсиз туриб кетишса, кампирнинг аччиги чиқади ва оғир «уф» тортади. Бу уйда ҳеч кимнинг исми тўлиқ айтилмайди. Санта, Раджа, Мамон, Кампиршо, Бааба, Бабул каби номлар билан чақираверишади. Лекин ҳар гал набиралари «Бааба» деб чақиришганда, беихтиёр лаблари титраб, аччиқланаверади:

– Эна дегин, уйингга бугдой тўлгур, ёки ача де, катта ойи де, баабанг нимаси, нима, мен сенга кучукманми?.. Худо кўрсатмасин, вақти келиб, омонатимни топишгудай бўлсам, «вой мамул», биттаси «вой бабул» деб овоз чиқаришармикан?...” (From the magazine “Star of the west”) (The elderly becomes very capricious. If the children do not thank the god after eating, the old woman got angry. Nobody’s name is told correctly in this house, they prefer to use *Santa, Radja, Mamon, Old woman, Baaba, Babul*. Every time when the grandchildren call their grandmother by “*Baaba*”, she shivers and becomes angry. –Say grandmother, what does it mean “*Baaba*”, am I a puppy to be called like

this? When I die, some of them will cry “*mamul*”, some others “*babul*”).

Addressing to the brothers «*брат*», «*братан*» or «*братишка*», using interjections as «*ҳей*», «*эй*», «*эв*», «*ҳов*», in some cases to whistle in order to call friends and using the shortened variants of the names as “*Buni*” instead of *Bunyod*, “*Khaya*” instead of *Khasanboy*, “*Vakhob*” instead of *Abduvakhob*, “*Masha*” instead of *Mashkhura*, “*Azi*” instead of *Aziza*. There are also cases when along with the names the nicknames are used: *bald Ravshan*, *lame Ali*, and *cool Rakhim*. All of these matters show the disrespect to the addressees and breaking the forms of addressing.

After the marriage the bride and bridegroom change their speech behavior and the ways of communication. In some areas of our country the young people before marriage can address to each other by their names, but after the wedding they refuse calling each other by the names, especially in the public.

If the wife calls her husband’s name in Khoresm, people around understand it negatively. If the wife calls her husband by the name, it shows that she wants to be superior and dominate. Instead of the name she can use «*бобой*» (an old man), «*уст*» (master), «*ога*» (brother), «*ака*» (brother), «*бува*» (grandfather). In his turn the husband calls his wife «*момой*» (an old woman), «*кампир*» (an old woman), even though his wife is young.

Furthermore, the children should call their father «*ака*» (brother), when their grandfather is alive. If the children call their father «*ота*» (father), it shows disrespect towards their grandfather.

The tradition of calling the husband by the name of the eldest child in the family or using «*дадаси*» (father), «*болаларимнинг отаси*» (the father of my children), «*хўжайиним*» (master), «*бу кишим*» (this man), or even «*бу*» (this) still exists in Ferghana.

It is customarily, when husbands use «*болаларим*» (my children), «*келинингиз*» (your daughter-in-law), «*қизингиз*» (your daughter), «*опангиз*» (your sister), «*оилам*» (my family), «*турмуш ўртоғим*» (life companion) towards their wives, which show the mutual respect of the married couple.

Абдулла Қаҳҳор ўта нозик таъб, маданиятли одам эдилар. Мен у кишининг бирор маротаба отимни айтиб, баланд товуш билан чақирганларини эслолмайман. Бозор-ўчарга бориб қолсак, нуқул: «Қанисиз, қанисиз?» деб орқамдан юрар эдилар...

Уйдаги икки телефоннинг биттаси у кишининг иш столида, бошқаси менинг столимда турар эди. Агар бирор зарурат тугилиб қолса, «Кибриё!» деб чақирмасдан, столдаги телефоннинг галтагини айлантлар эдилар, «Лаббай!» деб телефоннинг гўшагини кўтарар эдим... (Abdulla Khahhor was a man of culture and

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

taste. I cannot remember when he calls me by my name and shouts to me in a loud voice. If we happened to be in the market, he always went after me, calling me; "Where are you?"

One of two telephones was on his writing table, another one on my table. If there was a need, instead of calling me "Kibriyo", he would phone me and I would answer him "I am all attention".)

There were cases in Chuvash families in the past, when the married couples forget their names.

The tradition of not naming people's names leads to using the pronouns as the euphemistic means. These euphemistic expressions are mostly used in the speech of brides.

For example, the main heroine Kumush in the novel "Days gone by" by A.Kodiriy in her letter to her husband Otabek uses "boshqalar" (others) for denoting herself, while "birovlar" (strangers) expresses her husband.

«Сиз – қочқоқсиз, нари-бери тил учиди менга бир нарса ёзгандек бўлиб қочгансиз, икки йил Маргилон келиб юришингизни мен ўзимда сездим: сизнинг барча машаққатларингиз – душманингиздан ўч олиш бўлаганини англадим. Йўқса, мени кўрар эдингиз, кўргингиз келмаганда ҳам бошқалар сизни кўрар эдилар, тўяр эдилар... Ниҳоят мақсадим икки дўстга бир чўрилик ва шу муносабат билан бировларни кўриб юриш...».
(You are fugitive, I feel that you have been here in Margilan for two years in order to prosecute your enemy. Otherwise you will visit me, if you don't want to see me, the others desire it...At last my dream to see the strangers...")

In the abovementioned sentences some euphemistic expressions are used. Kumush efficiently used them in order not to say "I shall see you".

Not telling the person's name in the traditions of many cultures is linked with two ideas. Firstly, there is an attempt to conceal a person's name; secondly, not pronouncing a person's name is considered to be respect towards him. Concealing a person's name is understood as protecting the child from the evil one, death, which is related to taboo. Not telling the name of a person due to the ethical traditions is still preserved among Uzbeks.

Though not telling a person's name shows the respect towards a person, some religious customs became the bases of these traditions, which were veiled under the notion of "respect".

Taboos of calling a person by his name are preserved among Turkman, Kazak and Kirgiz people. Moreover, when a Korean woman speaks to her husband, she uses the expressions "father of somebody", the Arab and Ukraine women use the pronoun "he", Koranugay and Russian women use "father", the interjection "hey" [3, 6.103].

The tradition of not calling a person by the name is widely spread among Shor, Abkhaz, Armenian, Georgian, Azerbaijan, Kumik and Turkman peoples.

Summary

The study of the cases of using the names makes the great contribution not only into linguistics, but also psychology, sociology, cultureology, grounding the actuality of the matter.

References:

1. Andaniyazova, D.R. (2017). *Badiiy matnda onomastik birliklar lingvoetikasi*. Filol.fanl.b'yyicha falsafa dokt. (PhD) diss.avtoref. Toshkent.
2. Begmatov, E.A. (2013). *Uzbek tili antroponimikasi*. Toshkent: Fan.
3. Begmatov, E. (2000). *Nomlar va odamlar*. (p.28). Toshkent.
4. Begmatov, E., & Ulukov, N. (2009). *Uzbek onomastikasi terminlarining izoxli luzati*. (p.103). Namangan.
5. Bukhoriy, I. (1990). *Adab durdonalari*. (p.29). Toshkent.
6. Menazhiev, Y., & Azamatov, K. (1964). *Ismingizning ma'nosi nima?* Toshkent: Fan.
7. M'ymenov, S. (1978) *Badiiy asarda ism va peyzazhning zoyaviy-estetik funktsiyasi*. *Diplom ishi*. Farrona.
8. Podol'skaya, N.V. (1988). *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii*. Moscow: Nauka.
9. Raximov, S. (1998). *Khorazm mitntaqaviy antroponimiyasi*: Filol. fanlari nomzodi... diss. avtoref. Toshkent.
10. (1990). *Sattarov ŷzbek ismlarining turkiy qatlami*: Filol. fanlari nomzodi... diss. avtoref. Toshkent.
11. Xusanov, N. (2014). *ŷzbek antroponimlari tarikhi*. (p.244). Toshkent: Navro'z.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 25.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Elena Viktorovna Flyantikova

Grodno State Medical University
master of education, senior lecturer, Grodno
alena-flint@mail.ru

Tatyana Vladimirovna Cherkes

Yanka Kupala State University of Grodno
senior lecturer, Grodno
t_koteleva@mail.ru

QUESTIONNAIRE AS A METHOD FOR EVALUATION OF THE LEVEL OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS

Abstract: The article discusses some specific aspects of development and usage of questionnaires intended to determine the level of formation of the components of intercultural competence of foreign students. The following patterns were revealed as a result of the questioning. The parameter “cognitive component” is most fully expressed among students from the countries of the former USSR (Turkmenistan, Tajikistan, Uzbekistan). The parameter “motivational component” is mostly pronounced among students from India; the parameter “communicative activity”, as well as the parameter “emotional and evaluative component”, reflecting a tolerant attitude to the values of a foreign culture, was also found in students from India and Sri Lanka, etc. In the course of the study, it was established that the parameters of the components of intercultural competence form stable combinations with nationality of foreign students. Thus, the subsequent processing and interpretation of the questionnaire data, using the Spearman's rank correlation coefficient and the Mann-Whitney U-test, give us a possibility to use the obtained information for the selection of methods and activities that increase the level of intercultural competence.

Key words: Questionnaire, evaluation method, intercultural competence, foreign students.

Language: Russian

Citation: Flyantikova, E. V., & Cherkes, T. V. (2019). Questionnaire as a method for evaluation of the level of intercultural competence of foreign students. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 319-325.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-67> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.67>

Scopus ASCC: 3304.

АНКЕТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности создания и использования анкетирования, направленного на определение уровня сформированности компонентов межкультурной компетенции иностранных студентов. В результате анкетирования выявлены следующие закономерности. Показатель «когнитивный компонент» наиболее полно выражен у учащихся из бывших стран СССР (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан). Показатель «мотивационный компонент» наиболее ярко выражен у студентов из Индии; «коммуникативно-деятельностный компонент», а также показатель «эмоционально-оценочный компонент», отражающий толерантное отношение к ценностям инокультуры, также выявлен у учащихся из Индии и Шри-Ланки и т.д. В процессе исследования установлено, что показатели сформированности компонентов межкультурной компетенции образуют устойчивые сочетания с национальностью инофонов. Так, последующая обработка и интерпретация данных анкетирования с помощью коэффициента корреляции Спирмена, сравнительного анализа по U-критерию

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	РИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

Манна-Уитни дает возможность использования полученной информации для отбора методов и мероприятий, способствующих повышению уровня сформированности межкультурной компетенции. а

Ключевые слова: анкетирование; метод оценки; межкультурная компетенция; иностранные студенты.

Введение

Правомерным является утверждение, что коммуникация предстает как необходимое условие существования человека, включающее в себя помимо словесного компонента невербальное общение. Коммуникация представляет собой социально обусловленный процесс передачи информации и обмена мыслями, чувствами между людьми в различных сферах познавательно-трудовой и творческой деятельности. Вслед за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым под межкультурной коммуникацией мы понимаем «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [2, с. 26]. Залогом успешной межкультурной коммуникации является обоюдный учет коммуникаторами не только таких компонентов культуры, как традиции, особенностей бытовой культуры и поведения (в том числе его мимических и пантомимических кодов), художественной культуры, национальной картины мира, но и специфики национального характера, эмоционального склада и особенностей мышления.

Materials and Methods

Правильно организованный процесс межкультурной коммуникации в учреждении образования приводит к формированию межкультурной компетенции, которая представляет собой «способность признавать, уважать, ценить и продуктивно использовать – в отношении как самого себя, так и других людей – культурные условия и детерминанты в восприятии, принятии решений, чувствах и действиях с целью создания условий для взаимной адаптации и развития синергетических форм кооперации, совместной жизни, толерантности к существующим различиям, эффективной ориентации в особенностях интерпретации и формирования мира» [12, с.19].

В настоящее время существует ряд инструментов оценивания межкультурной компетенции: Behaviora Assessment Scalefor Intercultural Competence (BASIC) – поведенческие шкалы для оценки межкультурной компетенции, Intercultural Sensivity Inventory (ISCI) – опросник межкультурной чувствительности, Intercultural Developmental Inventory (IDI) – анкета межкультурного развития, Assessmentof Intercultural Competence (AIC) – шкала оценки межкультурной компетенции.

В поведенческой шкале оценки межкультурной компетенции BASIC используется 4-х и 5-балльная шкала Лайкерта «для оценки проявления уважения, взаимовлияния, ориентации на знания, эмпатии, самоориентированного ролевого поведения, управления взаимодействием, толерантности» [11]. Данная шкала на основании суммы баллов, полученных при оценивании участниками того или иного высказывания, позволяет отнести участника опроса к одному из трех кластеров: «участники I (компетентные участники межкультурного общения), II (смешанная группа с поведенческим потенциалом для успешной межкультурной коммуникации) и III (лица, которые могут столкнуться с трудностями в процессе межкультурного общения)» [7]. Оценка по шкале позволяет оценить «способность человека изменять свое поведение культурно соответствующим образом при общении с другими культурами» [11]. 14 вопросов данной оценки межкультурной чувствительности способствуют определению уровня гибкости и открытости участников. Таким образом, поведенческая шкала BASIC позволяет произвести оценку когнитивной, эмоционально-оценочной и коммуникативно-деятельностной составляющей межкультурной компетенции.

В основе оценки межкультурного развития IDI лежит модель развития межкультурной чувствительности Беннета, представляющая собой «стадии этноцентризма (отрицание межкультурных различий, защита от культурных различий, минимизация культурных различий) и этнорелятивизма (признание культурных различий, адаптация к культурным различиям, интеграция культурных различий» [11]. Данный инструмент используется с целью выявления конкретных ориентаций у участников, которые варьируются от монокультурных до глобального мышления [10]. На основе данного инструмента выявляются этапы развития человека: отрицание (человек находится в стадии отказа от культурных различий), поляризация (человек замечает культурные различия, но судит эту разницу отрицательно), минимизация (человек замечает то общее, что объединяет представителей разных культур), адаптация (человек осознает культурные различия и способен адаптировать свое поведение к различным культурным условиям). IDI является ценным инструментом саморефлексии, который позволяет оценить культурное развитие на индивидуальном уровне, осознать реальность культурного развития, его ценность. На

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

институциональном уровне данный инструмент дает основу для разработки политики учебного заведения, процедур для обеспечения формирования культурно грамотных специалистов, позволяет произвести оценку эмоционально-оценочному компоненту межкультурной компетенции.

211 вопросов оценки межкультурной компетенции АИС с вопросами о респонденте, мотивации, владении языком, стилях общения, межкультурных способностях, разработанных А. Фантини [12] для Федерации эксперимента проживания за рубежом, позволяют оценить все компоненты межкультурной компетенции.

Данный опросник позволяет оценить такие показатели, как знания, отношения, навыки опрашиваемого в общении с представителями другой культуры, его готовность к сотрудничеству и общению.

Таким образом, диагностируя уровень межкультурной компетенции, необходимо оценить знания студента о стране изучаемого языка, ее культуре, об особенностях процесса социального и личностного взаимодействия, умение оперировать этими знаниями в ситуациях взаимодействия с представителями инокультур, способность интерпретировать те или иные факты и события другой культуры, способность донести определенную информацию до представителя инокультур, установить с ним контакт, оценить такие личностные качества, как гибкость, терпение, открытость, заинтересованность, избегание необоснованных выводов. То есть должен проводиться анализ эмоционально-оценочного (мотивационный эмоционально-чувственный компонент, основывающийся на культурной самоидентификации, осведомленности, толерантной восприимчивости к различиям культур), когнитивного (фоновые знания культурной специфики коммуникативного поведения), коммуникативно-деятельностного (владение стратегиями межкультурного взаимодействия) компонентов межкультурной компетенции.

При разработке анкеты, позволяющей оценить уровень межкультурной компетенции учащихся, нами были использованы материалы А.Е. Fantini, А. Tirmizi Exploring and Assessing Intercultural Competence [12]. Также для диагностирования отдельных компонентов межкультурной компетенции нами были использованы материалы методики диагностирования уровня эмпатических способностей В.В. Бойко [1], а также материалы методики О.П. Елисеева «Потребности в общении» [4]. При оценке коммуникативно-деятельностного компонента были использованы материалы опросника М. Снайдера «Оценка самоконтроля в общении» [8] и материалы

опросника К. Томаса «Каков ваш стиль поведения в конфликтной ситуации» [9].

Нами была составлена анкета на русском и английском языках, позволяющая оценить наличие признаков толерантного поведения, таких как гибкость, эмпатия, некатегоричность суждений (эмоционально-оценочный компонент), знания о социокультурных аспектах, нормах поведения в стране изучаемого языка (когнитивный компонент), знания тактик и стратегий речевого и невербального поведения, навыков речевого высказывания в соответствии с коммуникативными стратегиями (коммуникативно-деятельностный компонент), а также потребностей и коммуникативных устремлений (мотивационный компонент). Анкета включает в себя 8 разделов, охватывающих все аспекты, необходимые для объективной оценки. В разделах анкеты содержатся суждения, с которыми респондент должен согласиться либо не согласиться по шкале «да», «нет»; «да», «нет», «не знаю», «не всегда»; либо оценить по пятибалльной шкале в зависимости от степени согласия / несогласия или степени выраженности у респондентов указанных черт по пятибалльной шкале, либо выбрать из предложенных суждений то, что соответствует ощущениям респондентов. При составлении анкеты были использованы суждения иностранных студентов, полученные в результате опроса в начале 2019-2020 учебного года, во время которого иностранцам было предложено ответить на вопрос «Какие трудности вы испытываете во время жизни в Беларуси?». По результатам данного опроса был составлен список трудностей, указанных наибольшим количеством респондентов, который также был использован в исследовании (при составлении вопросов анкеты).

В анкетировании приняли участие иностранные студенты 1-4 курсов факультета иностранных учащихся УО «Гродненский государственный медицинский университет». Из них 165 студентов 1 курса, 129 студентов 2 курса, 92 студента 3 курса, 87 студентов 4 курса.

Социальный портрет респондентов:

1) студенты, обучающиеся в группах с русским языком обучения – 32 (1 курс), 24 (2 курс), 17 (3 курс), 23 (4 курс), с английским языком обучения – 163 (1 курс), 105 (2 курс), 75 (3 курс), 64 (4 курс);

2) юноши – 88 (1 курс), 78 (2 курс), 41 (3 курс), 52 (4 курс), девушки – 77 (1 курс), 51 (2 курс), 51 (3 курс), 35 (4 курс);

3) возраст студентов – от 16 до 29 лет;

4) туркмены – 66, азербайджанцы – 4, русские – 3, таджики – 4, грузины – 1, армяне – 1, ливанцы – 2, израильтяне – 4, нигерийцы – 154, узбеки – 1, сирийцы – 3, ливанцы – 2, индийцы – 170, камерунцы – 1, ганийцы – 1, мальдивцы – 14,

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

эфиопы – 2, кенийцы – 4, норвежцы – 2, немцы – 2, сомалийцы – 5, йеменцы – 2, литовцы – 1, британцы – 1, эквадорцы – 3, палестинцы – 1, иракцы – 5, иранцы – 4, зимбабвийцы – 2, конголезцы – 1, шриланкийцы – 12, поляки – 4, пакистанцы – 1;

5) исповедующие христианство – 154 человека, индуизм – 156, ислам – 157, буддизм – 16.

Отметим, что на начальном этапе проводился подсчет баллов по каждому из компонентов межкультурной компетенции.

Нами была разработана шкала для определения уровня сформированности межкультурной компетенции со следующими уровнями: высокий, средний, низкий, критический. Вслед за Коляниковой Е.В. мы

использовали следующую формулу для определения уровня межкультурной компетенции (2.1): $K = 100 \times S : M$, где K – искомый балл, S – полученная в результате сумма, M – максимально возможная сумма по каждому параметру [6].

Высокому уровню межкультурной компетенции соответствует $K = 100-80$, среднему – $K = 79-50$, низкому – $K = 49-20$, критическому $K = 19-0$.

Средние баллы определялись для когнитивного, мотивационного, коммуникативно-деятельностного и эмоционально-оценочного компонентов. Были определены средние баллы для каждого курса.

Ниже приведены результаты анкетирования учащихся.

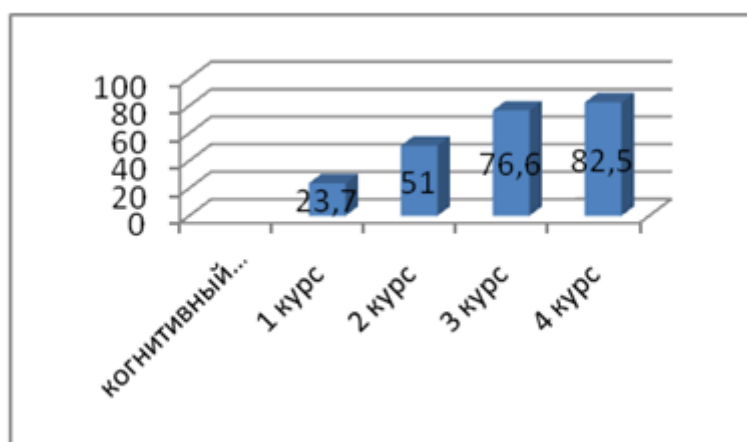

Рисунок 1 – Уровни сформированности когнитивного компонента межкультурной компетенции.

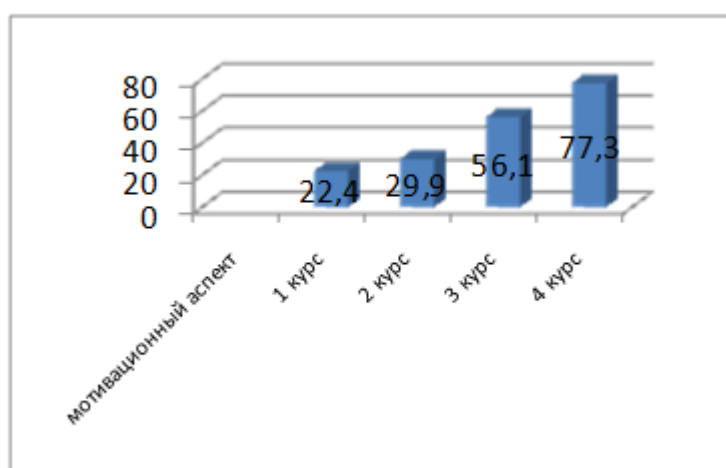

Рисунок 2 – Уровни сформированности мотивационного компонента межкультурной компетенции.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

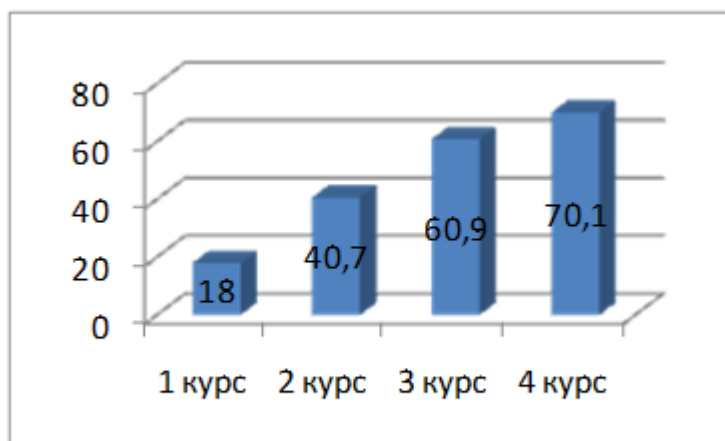

Рисунок 3 – Уровни сформированности коммуниктивно-деятельностного компонента межкультурной компетенции.

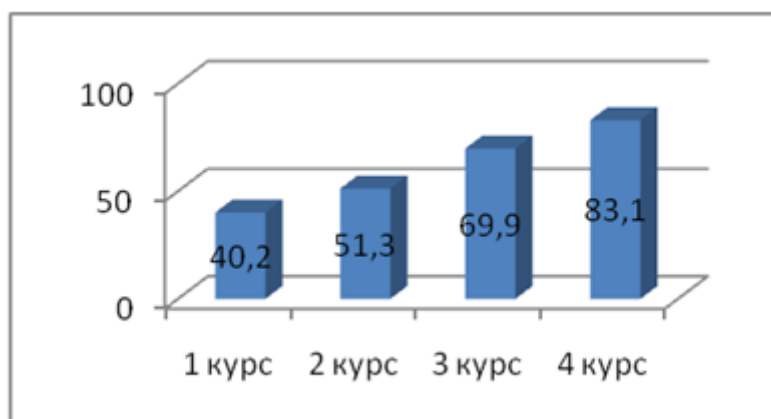

Рисунок 4 – Уровни сформированности эмоционально-оценочного компонента межкультурной компетенции.

Также в анкете учитывалась информация о стране проживания. Нами была предпринята попытка оценить взаимосвязь между этими данными и уровнями сформированности компонентов межкультурной компетенции. Статистическую обработку для определения уровня и направленности взаимосвязей проводили при помощи корреляционного анализа по r -критерию Спирмена. Коэффициент корреляции Спирмена – мера линейной связи между случайными величинами. Корреляция Спирмена является ранговой, то есть для оценки силы связи используются не численные значения, а соответствующие им ранги. При расчете этого коэффициента не требуется никаких предположений о характере распределений признаков в генеральной совокупности [5].

Также нами был проведен сравнительный анализ данных по U -критерию Манна-Уитни, который выявил существенные различия между группами студентов по признакам:

национальность, когнитивный компонент, мотивационный компонент, коммуниктивно-деятельностный компонент, эмоционально-оценочный компонент ($p \leq 0,05$).

Показатель «когнитивный компонент» ($U = 487,0$; $p \leq 0,01$) ярче выражен у учащихся из Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана. Это значит, что именно для данных учащихся характерно знание русского языка, наличие лингвострановедческих знаний, владение познавательно-конструктивными умениями (вычленять, составлять, обобщать и синтезировать отдельные факты лингвокультурологически ценной информации: культурные феномены, реалии, традиции, специфическую и общую картины мира). Возможно, это объясняется общим историческим прошлым Беларуси и родных стран учащихся, традициями общества и семей, которые берут свое начало во времена существования СССР. Также белорусская культура принадлежит к культурам высококонтекстным, для которых, по

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

мнению Г. Хофстеда, успешность коммуникации во многом зависит от знания культурного контекста, мира национальной культуры. Над точностью понятий, реактивностью здесь преобладают типично спонтанное проявление эмоций, взаимозависимое сознание, ориентирующееся на продвижение целей коллектива [3]. Поэтому общее историческое прошлое обусловило знание культурного контекста у учащихся бывших союзных республик, что объясняет высокую выраженность у них показателя «когнитивный компонент».

Показатель «мотивационный компонент» ($U = 853,0$; $p \leq 0,05$) наиболее ярко выражен у индийских студентов, для которых характерно наличие таких качеств, как желание к сотрудничеству, общению. Данный момент объясняется тем, что индийская культура относится к коллективистским культурам, где поведение людей трактуется с позиции норм, принятых в данной культуре, поэтому индийские учащиеся стремятся к тому, чтобы наилучшим образом соответствовать ожиданиям группы, так как успех одного человека – это не следствие его личностных способностей, а следствие помощи группы. В связи с этим студенты из Индии стремятся активно принимать социальную среду и социальные установки. Их восприимчивость и желание сотрудничать не рассматривается как знак непостоянства, а как отражение гибкости и личностной зрелости.

Наиболее высокий уровень выраженности показателя «коммуникативно-деятельностный компонент» ($U = 242,5$; $p \leq 0,01$), отражающий умение анализировать, сравнивать и дифференцировать особенности той или иной культуры, а также показатель «эмоционально-оценочный компонент» ($U = 617,5$; $p \leq 0,04$), отражающий позитивное, толерантное отношение к ценностям другой культуры, выражен у учащихся из Индии и Шри-Ланки. Дело в том, что для культур народов, проживающих в Южной Азии, характерен низкий уровень избегания неопределенностей. В данных культурах терпимо относятся к мнениям и традициям, отличающимся от собственных. Люди таких культур более созерцательны, они опираются в большей степени на эмпирический опыт, для них любопытно все, что отличается от привычного. Для них характерен низкий уровень тревожности, у них не возникает проблем при столкновении с чем-то новым. Поэтому новые, неизведанные, неожиданные ситуации, возникающие при попадании в новую среду, не вызывают в них агрессивность, желание отстраниться, осуждать, а, напротив, любопытство, желание узнать и попробовать.

Высокий уровень сформированности эмоционально-оценочного компонента у

студентов четвертого курса характеризует их позитивное, толерантное отношение к ценностям другой страны, способность к адекватному восприятию и пониманию партнера по межкультурному взаимодействию; говорит об их владении способами и приемами самостоятельной культуроведческой поисковой деятельности. Опрошенные способны адекватно оценивать увиденное и услышанное, делать выводы на основе фактов. Высокое количество баллов у студентов четвертого курса получили такие личностные качества, как общительность, чуткость, любознательность, умение слушать.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что показатели сформированности компонентов межкультурной компетенции образуют устойчивые сочетания с национальностью учащихся. Так, с целью анализа взаимосвязей между показателями, нами был проведен корреляционный анализ данных по г-критерию Спирмена, который и выявил взаимосвязь ряда показателей друг с другом. Для этой же всем показателям были присвоены численные значения: каждая национальность получила свой порядковый номер (например, нигерийцы – 9, индийцы – 10) и т. д. Таким образом, согласно присвоенным номерам, все данные расположены в порядке возрастания. Численные значения позволяют нам утверждать, что показатель сформированности компонентов межкультурной коммуникации выше, если его порядковый номер больше, и, соответственно, показатель ниже, если порядковый номер меньше.

Conclusion

В результате корреляционного анализа данных по г-критерию Спирмена мы пришли к следующим выводам:

– чем выше показатель «национальность», тем ниже показатель «мотивационный компонент» ($r = 0,42$; $p \leq 0,05$), «коммуникативно-деятельностный компонент» ($r = 0,24$; $p \leq 0,01$), «эмоционально-оценочный компонент» ($r = 0,17$; $p \leq 0,04$). Это значит, что у студентов из Индии и Шри-Ланки в большей степени выражено толерантное отношение к другим нациям, к новым традициям и условиям проживания. У них в меньшей степени проявляется чувство тревоги, беспокойства, напряжения. Для них характерна терпимость к отклоняющемуся от норм поведению, спокойствие в ситуации неоднозначности, любопытство к новому;

– чем выше показатель «национальность», тем ниже показатель «когнитивный компонент» ($r = 0,35$; $p \leq 0,01$). Исходя из этого, можно утверждать, что глубокое знание и понимание традиций белорусского народа, присутствующее у учащихся из стран постсоветского пространства, благотворно влияет на их способность

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

анализировать и обобщать лингвострановедческую информацию.

Опираясь на результаты анализа, мы пришли к выводу, что наблюдается недостаточная сформированность тех или иных компонентов межкультурной компетенции у иностранных учащихся, требующая активизации процесса

межкультурной коммуникации. Результаты анкетирования и статистической обработки позволяют преподавателю определиться с перечнем тех или иных методов и мероприятий, способствующих формированию высокого уровня межкультурной компетентности.

References:

1. Bojko, V.V. (2019). *Metodika opredeleniya urovnya empaticheskikh sposobnostej*. Retrieved 2019, from: <http://psycabi.net/testy/229-metodika-diagnostiki-urovnya-empaticheskikh-sposobnostej-v-v-bojko-test-na-empatiyu-bojko>.
2. Vereshchagin, E.M. (2005). *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapientemy*. (pp. 1-1040). Moscow: Indrik.
3. Geert Hofstede (2019). *Cultural Dimensions*. Retrieved 2019, from: <http://www.clearlycultural.com/geert-hofstede-cultural-dimensions>.
4. Eliseev, O.P. (2019). *Potrebnosti v obshchenii*. Retrieved 2019, from: <http://vsetesti.ru/368>.
5. *Koefficient rangovoj korrelyacii Spirmena* (2019). Retrieved 2019, from: <http://www.infamed.com/stat/s05.html>.
6. Kolyanikova, E.V. (2019). *Formirovanie mezhkul'turnoj kommunikativnoj kompetencii starsheklassnikov v usloviyah dopolnitel'nogo obrazovaniya*. Retrieved 2019, from: http://www.smolgu.ru/files/doc/D212_254_02/disser/kolanikova.pdf.
7. Leont'ev, A.A. (2019). *Psihologiya obshcheniya*. Retrieved 2019, from: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-268551.html>.
8. Snajder, M. (2019). *Ocenka samokontrolya v obshchenii*. Retrieved 2019, from: <http://psylist.net/praktikum/00048.htm>.
9. Tomas, K. (2019). *Kakov vash stil' povedeniya v konfliktnoj situacii*. Retrieved 2019, from: <http://psycabi.net/testy/193-oprosnik-k-tomasa-na-povedenie-v-konfliktnoj-situatsii-test-tomasa>.
10. *Utilizing the Intercultural Development Inventory to intercultural competence* (2019). Retrieved 2019, from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4112197>.
11. Filonova, V.V. (2019). *Variativnost' metodov opredeleniya urovnya sformirovannosti mezhkul'turnoj kompetencii*. Retrieved 2019, from: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:15640:14437085>.
12. Yanchuk, V.A. (2014). *Formirovanie kul'turnoj kompetentnosti i sozдание ekokul'turnoj dialogicheskoy podderzhivayushchej sredy kak usloviya preodoleniya trudnyh zhiznennyh situacij rebenkom // Rebenok v trudnoj zhiznennoj situacii: posobie dlya pedagogov-psihologov, social'nyh i pedagogicheskikh rabotnikov*. (pp. 1-152). Minsk: APO.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 25.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Sh.G. Asadov

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan
PhD (law), Associate Professor of the Department
"Legal framework of state contraction and administration"

PROBLEMS OF ENSURING SOVEREIGNTY IN THE MODERN STATE

Abstract: The author presents in this article the ensuring the sovereignty of Uzbekistan, and analyzes the significance of the action strategy in five priority areas of the development of the Republic of Uzbekistan in 2017 - 2021, the creation of legal basis for economic integration with the countries of Central Asia and measures to control the growth of external debt.

Key words: sovereignty, state sovereignty, state power, integration, foreign policy, foreign debt, globalization.

Language: English

Citation: Asadov, S. G. (2019). Problems of ensuring sovereignty in the modern state. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 326-330.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-68> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.68>

Scopus ASCC: 3308.

Introduction

Uzbekistan's Five-Area Development Strategy for 2017-2021. The "Strategy of Action", which received great interest and attention of the world community, was important for Uzbekistan over the next five years, as it determines the conceptual basis for the next stage of development. In the fifth priority area: "Priority areas in the field of security, inter-ethnic harmony and religious tolerance, and implementation of balanced, mutually beneficial and constructive foreign policy", has been strengthened the formation of state independence and sovereignty, improving the role of the country as an equal subject of international relations, and joining to the top ranked of developed democratic states, creating an atmosphere of security, stability and good neighborliness among neighboring countries of Uzbekistan.

In our opinion, this historical document requires the pursuit of foreign policy in the following areas in order to develop our country, strengthening the sovereignty of Uzbekistan, and maintaining its place on the world map.

Creation of a legal framework for economic integration with Central Asian countries. Today's globalization shows that integration around the world, including Central Asia, must be in a new form. This will be especially important for the countries of Central Asia for sustainable development,

diversification of access to world markets and modernization of the national economy. According to Porter, it is impossible to imagine the development of any country in the world separately from the international community, and the country's life depends not only on the state's internal policy [1]. According to F. Tolipov, "the interests of many super and regional powers intersect in Central Asia, which helps to prevent any of them from gaining full control over the region. Accordingly, Central Asia can play an active role in the global geopolitical transformation that is likely to happen in the 21st century" [2].

The countries of Central Asia need to realize the fact that without integration and without the organization of a supranational structure in any form that would regulate all differences within the country and throughout the region, there will be no development: neither economic, nor cultural, nor human, but on the contrary, the region is in danger of becoming a continuation of Afghanistan with all its "charms", especially after the withdrawal of the NATO troops [3. P. 31-32].

The first President of the Republic of Kazakhstan, Nazarbayev N., initiated such initiatives with the initiative to create the Union of Central Asian States [4].

Are Central Asian countries ready for integration? What values should be the primary focus of countries' integration? In our opinion, the countries

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

of Central Asia, which have been building independently the mechanisms of market economy for a quarter of a century and have more or less experienced human resources, are ready for integration, at least in economic integration. It is impossible to ignore the fact that some factors are positive and some factors are negatively affecting the integration of states. Most of the peoples of the countries believe in Islam alone, the closeness of language and mental values, and the fact that since ancient times, economic and social development has come under the single system, we can say that cooperation is still preserved.

At the same time, the region of Central Asia, where Russia, China and the United States face geopolitical interests, isolation of societies in public life as a result of the efforts of the republics to create national statehood after the collapse of the former Soviet Union, the ongoing civil war in Afghanistan, inequality in the distribution of natural resources, demographic inequality, it is fact that the basis of the economy and the variety of ways of economic development have a negative impact on integration.

According to Suyunbaev M., the prospects of economic development in the Central Asian region now require integration. First of all, integration did not exist in the Soviet period (this integration was with Moscow, not among states), the second, in some of the presidential republics, delegating some powers to integration structures is more difficult than in parliamentary republics. Finally, the formation of statehood in the countries of the region coincided with the intensification of globalization processes, which led to the sovereignty of the countries. Ultimately, this led to the destruction of identity and was the main reason for the fragmentation of the existing integration system in the region [5].

To what extent does the integration of Central Asian states affect the preservation of national statehood, sovereignty and independence for Uzbekistan?

For instance, Article 17 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan and the Concept of Foreign Policy Activity of the Republic of Uzbekistan do not legally exclude such cooperation. But this is partly a political limitation of state sovereignty and independence. We should be interested in building integration in the region with Central Asian countries. Then we will minimize the threat to state sovereignty and independence.

According to researcher Omarov, Central Asian countries should use the Russian-sponsored Customs Union as an opportunity to unite Central Asia on the basis of regional identity and regional interests [3. P. 32]. Central Asian countries, including Uzbekistan, have the opportunity to participate in projects under the auspices of the Customs Union initiated by the Russian Federation, or "Silk Road Economic Route" initiated by the Chairman of the People's Republic of

China Xi Jinping. National interests of Uzbekistan and priority areas of economic cooperation require, first of all, economic integration with neighboring countries - Kazakhstan, Turkmenistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Afghanistan (based on the Foreign Policy Concept of the Republic of Uzbekistan). At the same time, it is very important for us to maintain the core of the system that determines integration relations in the Central Asian region itself. If the root (core) of integration of Central Asian countries belongs to Russia or China, this undermines the stability of our economy and neighboring countries. However, we do not think that Uzbekistan should not participate in the two above projects. Uzbekistan must choose the best path for itself.

The initiative of the People's Republic of China "One Belt, One Road" is important because of its priority and long-term economic benefits for countries of the region, including Uzbekistan than within the Customs Union project initiated by Russia. Because of the limited maritime capabilities of Uzbekistan, "One Belt, One Road" project of the People's Republic of China is the priority of the land initiative, which influence the strengthening of economic ties between Europe and Southeast Asia.

The mechanisms of the Treaty on the Eurasian Economic Union, initiated by Russia, are based on a unilateral approach to the fate of deeply integrated economic relations [6].

"Our country has been at the crossroads of the Great Silk Road since the beginning, it was a crossroads of many trade routes and cultural exchanges. In ancient Chinese sources, Tashkent, Samarkand, Bukhara and Khiva are mentioned as cities that made a significant contribution to world civilization. That is why Uzbekistan supported the initiative of the President of the People's Republic of China Xi Jinping to establish the economic route of the Great Silk Road. This is an integral part of the concept of "One Belt, One Road". At the international forum held in Beijing, the head of our state, Shavkat Mirziyoyev, outlined Uzbekistan's position on further improvement and development of the project. Undoubtedly, our country is interested in the implementation of large projects in the transport, energy, trade, investment and high technologies in the Central Asian region. Consequently, the region is rich in natural, productive and human resources. The "One Way, One Way" Initiative provides a framework for participating States to fully realize their potential, complement each other's economies, and encourage trade and investment. Taking into account the enormous financial and economic potential of the Silk Road Economic Route, it is imperative that the cooperation be focused, first of all, on projects aimed at infrastructure development and the creation of new industrial capacities" [7].

Based on the foregoing, supporting the initiative of the People's Republic of China to create the

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

“Economic Road of the Great Silk Road”, Uzbekistan will initiate the creation of the Central Asian Economic Union and the development of the International Program for the creation of the Economic Union of the Central Asian Economic Union in order to maximize the economic benefits of the project.

Take measures to control the growth of external debt. The global financial and economic crisis of 2008 not only increased the debt of developing countries, but also forced the global economy to raise the debt burden to a new global level. The threat of external debt has already become an urgent problem not only in developing, but also in developed countries.

“In the first half of the 1980s, the global debt crisis of developing countries showed that sovereignty, such as currency, banking, and stock exchanges, could be sovereign. This is happening all over the world and requires a radical review of the global monetary system. In the period 2000-2010, it was found that developed countries are prone to crises not only at the sovereign level, but also at the level of a group of financially integrated countries. The most acute problem of the debt crisis is in the EU countries” [8.P.105].

A sound foreign economic policy for Uzbekistan also provides the basis for maintaining its economic independence.

Miklashevskaya believes that an increase in public debt creates a number of risks:

First, like any loan, the external debt of the state is interest and repayment of the main debt, that is, timely servicing of external debt;

Secondly, servicing external debt is associated with the allocation of a significant part of the resources of the real sector of the economy, which reduces the flow of investments, reduces production efficiency and can have a negative impact on future GDP growth;

Thirdly, external debt affects the country's monetary system, the volume of gold and foreign exchange reserves, interest rate policies, the choice of the exchange rate regime and the state budget;

Fourth, excessive external debt can pose a threat to the economic security of the state, making it vulnerable to external shocks, which can lead to a significant outflow of capital from the country and reduce its financial capabilities [9].

After the end of World War II, before the global financial crisis of 2008, only 150 foreign countries had defaulted external debt. Given the recent past, between 1960 and 2011, 80 cases of default were recorded [10]. If you look at countries by default, most of them are developing countries. For example, in

1990, President of Argentina Carlos Menem, together with his American experts, introduced an experimental currency control system that will help stabilize the Argentine peso for some time and restore growth, but the huge debt that began in 1998 led to a four-year recession. The economy shrank by almost 30% over the period when the country defaulted in \$ 82 billion in 2002 (at that time it was a record default on sovereign debt) [11].

Currently, it is widespread in the world practice of legal restrictions on foreign borrowing by some countries and economic integration in order to avoid the negative consequences of external debt, create financial independence and ensure sustainable economic development. For example, in accordance with the Maastricht Agreement in the European Union, this limit is set to no more than 60 percent of GDP for each member state of the Union [8.P.109]. In the Kyrgyz Republic, there is a practice of diversification of external debt, which is enshrined in law, in relation to one state or financial institution, where external debt does not exceed 50% of the total debt.

Article 115 of the German Constitution provides that government borrowing limits the flow of funds to the state budget [12]. The amount of loans attracted by the state in a financial year cannot exceed the budgeted investment costs. The only exception is the prevention of macroeconomic imbalances.

According to industry experts, emerging economies now have a 50 percent share of GDP, which is the beginning of a risky situation, and when debt reaches 80 percent of GDP, it will have negative consequences for the economy.

The Central Bank of Uzbekistan has announced the balance of payments, international investment position and external debt of Uzbekistan for the first quarter of 2019 [13]. According to the report, Uzbekistan's external debt exceeds \$19 Billion; \$11.7 billion of total debt is public debt and \$7.3 Billion of private debt. External public debt consists of debt attracted by the state and debt secured by the state.

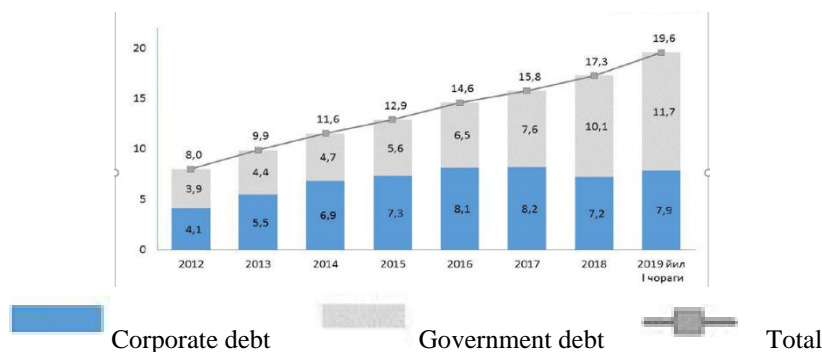
Private external debt consists of external debt of economic entities, including state enterprises, which is not guaranteed by the state. According to an official source from the National Agency, an analysis of total external debt shows that net external debt has doubled by 2017, or \$ 2.1 billion in US dollars[14]. At the same time, external borrowing was mainly carried out by the public sector. Private sector debt repayment exceeded repayment of new borrowings.

During 2012-2015 debt growth was observed in both the public and private sectors (see. Figure).

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

Dynamics of the total external debt of the Republic of Uzbekistan (Billions of U.S. dollars)

The methodology for calculating external debt was revised at the beginning of 2018, and the accrued but unpaid interest is also taken into account when calculating the balance of debt on external debt from 2018.

However, since 2016, private sector debt repayment has exceeded their participation, and it is estimated that this trend will continue until the end of 2019. In 2018, the growth rate of the external debt of the public sector increased compared to the previous year, and it is expected that the current growth trend will continue next year. This can be explained by new debt arising in connection with the financing of state development programs.

For the sustainable development and attractiveness of the Uzbek economy, the optimal rate is to set the external debt at 40% of GDP. It is

proposed to amend the Law of the Republic of Uzbekistan “On Foreign Economic Activity of the Republic of Uzbekistan” in order not to undermine the economic potential of the Republic of Uzbekistan, to prevent threats to state sovereignty through its economic power. Accordingly, in order to protect economic interests of the Republic of Uzbekistan, Article 23 of the Law proposes to add the norm “the total foreign debt of the Republic of Uzbekistan shall not exceed 40% of the gross domestic product of Uzbekistan”.

In conclusion, mutually beneficial and practical foreign policy in securing the state sovereignty of the Republic of Uzbekistan today allows the states to retain their place on the world map, to respond to threats to national statehood on the international arena, and to ensure state sovereignty.

References:

- Porter, M. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. p.128.
- Tolipov, F. (2001). Nationalism as a geopolitical phenomenon: the Central Asian case. *Centr. Asian survey. Oxford*. V. 20. – № 2, p.194.
- Omarov, M.M. (2012). Integration of Central Asian countries based on regional identity. *Bulletin of the Cherepovets State University*, № 4, T. 1, pp.31-32. (translated by author).
- (2007). Interview with the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev. Leap into the future., *Central Asia Monitor*. – April 13, 2007, № 14.
- Suyunbaev, M. (2003). Central Asia in search of lost identity. *Central Asia a culture of peace*. – Bishkek. – 2003. – № 1 – 2, p.57.
- (2018). Treaty on the Eurasian Economic Union (as amended on May 14, 2018) (as amended on March 12, 2019). Retrieved 2019, from <http://docs.cntd.ru/document/420205962>
- Bobohonov, A. (n.d.). “One Belt, One Road”: Great opportunity for mutually beneficial cooperation. Retrieved 2019, from <https://kun.uz/82205768>
- Zvonova, E.A. (2016). Modern problems of government debt and sovereign defaults in EU countries. *World Economy. Bulletin of the University of Finance*. -№4, p.105, p.109. (translated by author).
- Miklashevskaya, N.A. (2013). External debt: current issues of theory and practice. *Bulletin of Moscow University. The economy*. 2013. No. 1, pp.20-22.
- Reinhart, C.M., & Rogoff, K.S. (2011). *This Time is Different: A Panoramic View of Eight*

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

- Centuries of Financial Crises.*, Princeton University Press.
11. Sharma, R. (2018). *The Rise and Fall of Nations: Forces of Change in a Post-Crisis World* (translated by Shahavoy N). AST: CORPUS. (p.50). Moscow.
 12. (n.d.). *Das Grundgesetz für der Bundesrepublik Deutschland*. Retrieved 2019, from <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/r echtsgrundlagen/grundgesetz>
 13. (2019). Balance of payments, international investment position and external debt of the Republic of Uzbekistan. Central Bank of the Republic of Uzbekistan For the I quarter of 2019. Retrieved 2019, from <http://cbu.uz/uzc/press-tsentr/obzori/2019/06/169957/>
 14. (n.d.). *The official site of the National Information Agency of Uzbekistan*. Retrieved 2019, from <http://uza.uz> (tʻylik xavola foydalanilgan adabietlar rʻykhata keltirilgan).

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 25.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Latofat Ibragimova

Jizzakh State Pedagogical Institute
researcher

Aslam Usmonov

Jizzakh State Pedagogical Institute
researcher

Khayrulla Ibragimov

Jizzakh State Pedagogical Institute
researcher

Umida Usmonova

Jizzakh State Pedagogical Institute
researcher

LINGUAPRAGMATIC ASPECTS OF UZBEK LANGUAGE

Abstract: The article written by Usmonov Aslam, named “Linguapragmatic aspects of conjunctions in Uzbek language”, conveys information about conjunctions and their use. The article examines methodological and pragmatic features of conjunctions in article bindings which are considered as a prompt of folklore in this article. The expressing of conjunctions is investigated and analyzed in some proverb literary texts.

Key words: conjunction, pragmatics, method, proverb, parts of speech, meaning, attitude, concern, syntax, speech, sentence.

Language: Russian

Citation: Ibragimova, L., Usmonov, A., Ibragimov, K., & Usmonova, U. (2019). Linguapragmatic aspects of Uzbek language. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 331-334.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-69> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.69>

Scopus ASCC: 1203.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья Усманова Аслама “Прагматические особенности узбекских соединителей” содержит информацию о соединителях и их использовании. В статье рассматриваются методологические и прагматические особенности переплетов в статьях, используемых в качестве примеров фольклора и в использовании художественного текста. Выражения линкеров в тексте статей и художественной литературы основаны на примерах и проанализированы с научной точки зрения.

Ключевые слова: союз, прагматика, метод, пословица, член предложения, значение, связь, отношение, синтаксис, слово, речь.

Введение

К концу XX века в области лингвистики было обращено внимание на смысловое значение изучаемого объекта. Поскольку определенная стадия (эмпирически) в наблюдении закончилась, существует необходимость в этапе обобщения

абстракции, который непосредственно не наблюдается.

Лингвистика давно готовится обогатить эмпирический анализ другими идеями и практиками. В XX веке лингвистический анализ был основан на методологии, которая включала философские идеи, такие как эмпиризм,

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

феноменология, конструктивизм. Одна из этих областей, конечно, прагмалингвистика. [1]

Прагматика – это относительно новая область, которая исследует отношения между языковыми пользователями. Прагматика отдельная область лингвистики, его исследования направлены на использование лингвистических единиц в процессе общения, а также влияние этих единиц на использование этих единиц на участников.[13]

В 1985 году Почепсов объяснил разницу между семантикой и прагматикой: «семантика – это постоянное «свойство» единиц языковой системы. Прагматические особенности появляются и существуют как продукт широкого спектра применений».

Поэтому использование языковых единиц в контексте явного и реалистичного общения является объектом прагматического анализа. Отношения говорящего и слушателя возникают в контексте речевого общения, речевое действие требует текста диалога и содержания в этом контексте. Должна быть среда для общения. Окружающая среда, в свою очередь, является социальной, отражающей социальный слой и культуру группы.

В общении «бремя» передачи информации, несомненно, является лингвистическим (богатство языковых единиц в мозговом центре памяти и правила их использования [2]) ложатся на плечи единиц, но нормы межличностных отношений, система национально-культурных ценностей. невозможно полноценное общение без занятия [1]. Статьи, используемые в качестве примеров фольклора в системе национально-культурных ценностей, также широко используются в общении. В статьях, цитируемых в книге «Узбекские народные пословицы» (Тура Мирзаев и др.), Мы приводим некоторые опасения, касающиеся выражения ценителей. Книга содержит более десяти тысяч статей, а ссылки, использованные компоновщиками, следующие:

- союз *va* используется в двух местах, связывая два независимых слова вместе. *Mehnat va o'qish — og'a-ini. Nodon va yalqov — dushman uchun katta ov.* Кроме того, мы не анализировали их в статьях, связанных с темами статей (такими как честность и свобода воли, правильность и любопытство).

- союз *yoki* используется в одном месте, служит для соединения простых предложений.

Eshakni yukka olib kel

Yoki yukni — eshakka.

- союз *ammo* применяется в четырёх местах пословиц приведённых в книге.

Gulning to'ni — qirq yamoq, ammo xushbo'y.

Pardoz qilgan chiroyli

Ammo husni bir oyli.

Siylamasang siylama, ammo ho'rlama.

Savlat desang, menda bor,

Ammo jahon menga tor.

Из равных и подчинительных союзов нижеследующие союзы вообще не использовались в пословицах, приведенных в книге (Тура Мирзаев и др.) «Узбекские народные пословицы» такие как: *yoxud, biroq, goho, chunki, zeroki...* Анализы показали, что эти союзы не всегда используются в создании более глубокого содержания, такого как язык, компактность и мудрость, выраженные в пословицах.

При прагматическом анализе союзов применённых в предложениях и пословицах необходимо обратить внимание на некоторые своеобразные особенности союзов.

И союз как и послелог считается синтаксическим средством связи, оно отличается тем, что, помимо выражения подчинения, они также образуют равные отношения. Союз показывают различную связь, грамматическое отношение между равными частями предложения, сложного предложения к простому предложению. Суть союза, вид союза в узбекском литературном языке, слова относящиеся к этому виду широко изучены в языковедении. В существующей литературе имеются различные точки зрения по вопросу вида союза и принадлежности какого слова к этому виду, то есть данная в одном исследовании единица в другом включается в ряд частиц, единица предоставленная как послелог признаётся как союз. Причина точной необозначенности слова относительно союза, они, вероятно, не были изучены в языко-речевом отношении [3]. Во всех учебниках относительно современного узбекского литературного языка союзы классифицируются на два типа по функции в предложении:

1) равные союзы,

2) подчинительные союзы.[4,5,6,7,8]

По конфигурации союз необходимо изучать разделив на три группы (чистый союз, относительный союз, аффиксальный союз) [9]. Чистой группе союза только в качестве связующего присущие такие вспомогательные слова, как *va, hamda, yo, yaxud, yoki, ammo, lekin, biroq, chunki, shuning uchun, agar, ya'ni.*

Вспомогательное слово выполняющий функцию присущую только союзу – это чистый союз: *va, lekin, agar.* В одном месте союз, в другом вспомогательное, частица, модальное слово или слово которое идёт независимым словом является союзом напарником:

– *bilan ko'makchisi: olma bilan anor;*

– *na...na yuklamasi: na otam bor, na onam bor;* [10]

Смысловые оттенки связанные именно с речевой ситуацией служат для выполнения прагматической функции. [1] Теперь

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

рассмотрим прагматическую природу союзов на примере художественного текста. В повести “Фалак” (объем 75 страниц) Тохира Малика применение и значение союзов довольно широки. В том числе, для формирования разных смысловых отношений союз *va* используется восемьдесят один раз. Например:

1. *Bu ko'p mushkul ish emas. Kichik operatsiya va miyaga ikki juft jajji elektrod o'rnatish kifoya.* (4-с.)

2. *Qotma jussasi, harakati, qarashidagi tetiklik va yashirin shiddat uni ancha yosh ko'rsatardi.* (5-с.)

3. *Umr o'tgan sayin ish kamayish o'rniga ko'payib, uchrashuv va ziyofatlarga vaqt yetishmay qoldi.* (5-с.)

4. *Ular orasida asosan ikkita farq bor: avvalo, elalloma ulardan bir necha yuz barobar sezgir, ikkilamchi va eng muhimi, elalloma bioto'lqinlarni qabul qilishga mo'ljallangan.* (6-с.)

5. *Tabobat va kimyoda ustozning tengi yo'q edi.* (22-с.)

6. *Ular aniq va bexato ishlashlari kerak.* (7-с.)

7. *Bu Xudoga ham, bandasiga ham ma'lum va manzur.* (52-с.)

8. *Buning barchasi nusxa ko'chirish emas, hayiqmay tahlil qilish va qayta ko'rib chiqishning natijasi bo'ldi.* (56-с.)

9. *O'g'lim, haq so'zni aytdingiz. Lekin madrasa eshigidan har vaqt zukko va allomalar chiqavermaydi-ku?* (52-с.)

10. *Yunonning ulug' allomalari yaratgan nodir asarlarni dadil tahrir qilgani uchun Al Xorazmiylardan katta noaniqliklarni topdi va Tangrining xohishu istagi bilan yozilgan “Al kitob al muhtasar fi hisob al jabr va muqobala” zar andar zar bo'ldi.*

В приведенных выше примерах союз *va* осуществил следующие смысловые отношения: если в предложениях 1-,8-,10 союз *va* связывает простые предложения между сложными предложениями, в примерах 2-,3-,4-, 5-,6-,7-, 9- связывает однородные члены в соединительном отношении. Также важно отметить, что, когда равные союзы соединяют два равных слова с отношением, образуется однородный член. Члены предложения, связанные с равными союзами и интонацией отвечающие на одинаковый вопрос, выполняющие одинаковую синтаксическую функцию в предложении являются однородными членами предложения. [10,11] При возникновении однородных членов с равными союзами часто речь идет о том, что они отвечают на один и тот же вопрос, одинаково формируются и взаимосвязаны. Синтаксические единицы ровно взаимосвязанные называются однородным рядом.

Два и более члена (формы лексемы, формы сочетания), образующие однородный ряд действуют как единая синтаксическая единица, следовательно, подлежащее, причастие, и т.д. выражены однородным рядом. Члены однородного ряда образуются вследствие эквивалентности синтаксических единиц падежной формы. В учебнике Шавката Рахматуллаева “Современный узбекский литературный язык” речь идет о многих видах отношений между однородными членами. В данном учебнике говорится о наличии видах равного соединения (например: однородный ряд выражен лексеμοформой имени существительного; в одном примере единицы изображения идут объединенно; однородный ряд выражен существительной сочетательной формой). Вышеприведенных примерах из повести Тохир Малика “Фалак” и слова относящиеся к различным частям союзы объединили как однородные части.

9. *O'g'lim, haq so'zni aytdingiz. Lekin madrasa eshigidan har vaqt zukko va allomalar chiqavermaydi-ku?* (Тохир Малик. Та же повесть, 52-с.) Если в предложении в словосоединении *zukko va allomalar* убрать союз меняется смысл.

Если обратим внимание на применение другого равного союза от равного союза *va* в повести можем увидеть следующее:

Союз *biroq* 13 раз применяется в таких предложениях как *Ich tomonlari bilan tanishmoqni xayol qilganmanu, biroq fursat bo'lmadi.* (Тохир Малик. Повесть “Фалак”, 9-с.) *Havo aytarli sovuq emas, biroq kuchsiz izg'irin badanni junjiktiradi.* (Тохир Малик. Повесть “Фалак”, 49-с.) и выражает противоречивое отношение во всех предложениях.

Союз *chunki* используется 6 раз. — *Mahfuza cho'chib tushdi. Chunki bu yetti uxlab, tushiga kirmagan edi.* (Тохир Малик. Повесть “Фалак”, 16-с.) *Shamsibek javob o'rniga ta'zim qildi. Chunki voqea ravshan, sababni aytish o'rinsizedi.* (Тохир Малик. Повесть “Фалак”, 61-с.) Если союз *goho* применяется 2 раза, можно увидеть, что союзы *yoxxud* и *zeroki* в повести не применены.

Приведенный выше анализ показывает, что поскольку союзы применены в тексте пословицы художественного произведения выражает разные и различные смысловые отношения.

Вывод в том, чем в тексте пословиц, считающихся образцом устного народного творчества, в художественном тексте считающимся продуктом смешанного метода методические и прагматические особенности союзом несколько больше.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Safarov, S. (2008). *Pragmalingvistika*. (p.10). Tashkent.
2. Rakhmatullaev, S. (2012). *Osnovnye edinitsy stroeniya yazyka*. (p.8). Tashkent.
3. Sayfullaeva, R.R., et al. (2010). *Sovremennyy uzbekskiy literaturnyy yazyk*. (p.204). Tashkent.
4. (1966). *Sovremennyy uzbekskiy literaturnyy yazyk*, II tomnik, I tom. (p.360). Tashkent.
5. (n.d.). *Grammatika uzbekskogo yazyka*, I tom, p.567.
6. Mirzaev, M., Usmonov, S., & Rasulov, I. (1978). *Uzbekskiy yazyk*. (p.148). Tashkent: Ukituvchi.
7. Shoabdurakhmonov, S., Askarova, M., Khozhiev, A., Rasulv, I., & Donierov, Kh. (1980). *Sovremennyy uzbekskiy literaturnyy yazyk*, 1-chast'. (p.425). Tashkent: Ukituvchi.
8. Tursunov, U., Mukhtorov, A., & Rakhmatullaev, Sh. (1992). *Sovremennyy uzbekskiy literaturnyy yazyk*. (p.382). Tashkent: Uzbekistan.
9. Sayfullaeva, R.R., et al. (2010). *Sovremennyy uzbekskiy literaturnyy yazyk*. (p.204). Tashkent.
10. Mengliev, B.R., et al. (2009). *Uzbekskiy yazyk. Entsiklopediya*. Tashkent.
11. Khozhiev, A. (1985). *Tolkovyy slovar' lingvisticheskikh terminov*. Tashkent: Y'kituvchi.
12. Mengliev, B.R., et al. (2009). *Uzbekskiy yazyk. Entsiklopediya*. (p.111). Tashkent.
13. Toirova, G. (2016). *Pragmalingvistika, Uchebnyy slovar'*. (p.68). Tashkent.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Zokir Eshkulovich Markaev

Tashkent State Agrarian University
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Department of Humanities, Tashkent, Uzbekistan

Eldor Bakhromovich Kholikulov

Tashkent State Agrarian University
Assistant Teacher, Department of Humanities,
Tashkent, Uzbekistan

THE IMPORTANCE OF ENLIGHTENING ISLAM IN THE UPBRINGING OF A HARMONIOUS GENERATION

Abstract: In this article the role and significance of Islam values in upbringing of harmoniously developed generation in the conditions of globalization, on the concrete examples, taken from Islam sources is revealed; the dialectics of interrelation between secular sciences and religious dogma of Islam in the process of youth's upbringing is shown; cordial and warm relation of East Muslims, in particular of Central Asia, to knowledge obtaining, education, science and scientists is elucidated. And also special accent is made to educational importance of Islamic values, brightly expressed in national customs, traditions, rituals and holidays of Uzbek people. It is shown, that close interrelations between religion, religious heritage and national values make it possible to bring up modern youth in the spirit of cooperation, tolerance, humanism, high moral characteristics, ensuring further independent development of the Republic of Uzbekistan.

Key words: religion, globalization, Islam, value, harmonious generation, world view, customs, traditions, free-thinking, khadis.

Language: Russian

Citation: Markaev, Z. E., & Kholikulov, E. B. (2019). The importance of enlightening Islam in the upbringing of a harmonious generation. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 335-338.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-70> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.70>

Scopus ASCC: 3316.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ИСЛАМА В ВОСПИТАНИИ ГАРМОНИЧНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация: В данной статье, на конкретных примерах, взятых из источников ислама, раскрывается роль и значение исламских ценностей в воспитании всесторонне – гармонично развитого поколения в условиях глобализации; показана диалектика взаимосвязи светских наук и религиозного вероучения ислама в процессе воспитания молодёжи; освещено искреннее и тёплое отношение мусульман Востока, в частности, Средней Азии, к получению знаний, просвещению, науке и учёным. А также, особо отмечается большое воспитательное значение исламских ценностей, ярко выраженных в национальных обычаях, традициях, обрядах и праздниках народа Узбекистана. Показано, что тесная взаимосвязь религии, религиозного наследия с национальными ценностями позволяет воспитывать современную молодёжь в духе сотрудничества, толерантности, гуманизма, высоких нравственных качеств, обеспечивающих дальнейшее независимое развитие Республики Узбекистан.

Ключевые слова: глобализация, религия, ислам, ценность, гармоничное поколение, мировоззрение, обычаи, традиции, свободомыслие, хадис.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Введение

В нынешних сложных условиях глобализации сама жизнь ставит перед народом Республики Узбекистан всё новые и новые задачи, тесно связанные с намеченными целями по обеспечению внутренней и внешней безопасности страны, модернизацией социально-экономической сферы и формированием сильного гражданского общества.

Одним словом, укрепление независимости, ответственность, связанная с коренным историческим поворотом в политической, экономической, культурной, духовной сферах жизни общества, требует от нашего народа, с одной стороны, полного осмысления процесса духовного обновления, а с другой, ставит на повестку дня задачу построения демократического государства и формирования его опоры-гармоничного поколения.

В докладе Президента Республики Узбекистан Мирзиёева Ш.М. на тему: «Обеспечение социальной стабильности, сохранение истинной сути священной религии ислам – веление времени.» подчёркивается: «Еще один важный вопрос, заставляющий нас постоянно задумываться, связан с нравственностью, поведением, мировоззрением молодёжи. Сегодня – время стремительных перемен. Эти перемены наиболее ощутимы для молодёжи. Пусть молодёжь находится в гармонии с требованиями своего времени. Но, вместе с тем, не теряет своей самобытности. Пусть призыв о том кто мы, потомками каких великих предков являемся, – всегда отражается эхом в их сердцах, велит оставаться верными себе. Каким путём можно достичь этого? Путём воспитания, воспитания и только воспитания». (Мирзиёев, 2017)

В этом смысле, поскольку созданы условия для приобщения молодёжи и к священной наследии наших великих предков, достижения её зрелости в среде духовной культуры, внедрения в сознание молодёжи идей из гуманной философии ислама, то воспитание наших детей, наряду со светскими науками, на основе хадисов, собранных Имамом Бухари, учения Накшбанди, наставлений Термизи, мудрости Яссави является требованием времени.

Необходимо особо отметить, что в истории развития духовной культуры узбекского народа религия ислам, в качестве, как религиозной, так и общечеловеческой ценности, пропагандировала общность религиозных и светских знаний.

Как правильно, в связи с этим, отмечал первый Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов: “Ни для кого не секрет, что сегодня в мире возрастает интерес и устремление к религии ислам, увеличивается число его приверженцев и сторонников. Основной причиной этого является

правдивость и чистота, гуманизм и толерантность нашей священной религии, её место и значение в постоянном призыве человечества к добру, передаче от предков к потомкам проверенных в жизни ценностей и традиций. Всё ещё актуальной остаётся задача сохранения чистоты священной религии ислам, защиты её от различного рода злых вылазок и нападок, клеветы и наговоров; необходимость правильного объяснения подрастающему поколению её истинной сущности, широкой пропаганды благих идей исламской культуры.” (Каримов, 2008).

Действительно, очень уместно утверждение: “ В отличии от средневековой Европы в исламском мире никогда не было серьёзных противоречий религии между религией и наукой, религиозными убеждениями и практикой материального мира, поскольку счастье на том и этом свете воспринимается в гармонии, противопоставление их друг другу не приветствуется”.

Здесь раскрывается теория Ибн Рушдта о двух истинах. Не случайно появление “Хамсы” в классической литературе в результате влияния ислама на науку, учёных. Пятикратную молитву в исламе называют “ал – хамсун.” Алишер Навои своё произведение дастаны “Хамсы” сравнивал с пятикратной молитвой. Человек создан наместником на земле, ответственным перед расплатой за каждую стихию, землю и воду, каждую травинку и камень данного этапа материального бытия. Необходимо ценить и стараться понять каждого человека, ответственно относиться к каждому шагу в жизни личности. Можно с уверенностью считать, что для доказательства этого был создан “Дом мудрецов” в халифате.

М.Хайруллев и Р.Баходиров писали: “Появление “Дома мудрецов” дало возможность объединить силы, направленные на получение светских знаний и поддержку стремления к их получению, которые, на тот период, усилились и широко распространились в различных культурных центрах халифата”. (Хайруллаев, Баходиров; 1999). Однако, сложность социально – исторических процессов, наличие различных религиозных и политических течений, освоение культурных достижений различных стран, развитие естественно – научных знаний привели к возникновению различных религиозных и светских течений и противоречий в духовной, культурной жизни халифата. Иногда бывал прогресс, а иногда и регресс.

Опираясь на вышеизложенные взгляды, можно сделать вывод, что не смотря на то, что в Центральной Азии - исламские государства, ведущая идеология – исламская идеология, большинство мыслителей Центральной Азии творили на арабском языке, в качестве

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	РИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

представителей своего народа, уважали его историю культуру, обычаи и традиции, а также, старались их развивать и обогащать. В результате, в IX-XII веках в Центральной Азии появились развитые естественно-научные знания и социально – философские взгляды, под влиянием которых в раннем исламе возникли первые формы свободомыслия: теория двух истин, течения – пантеизм, деизм. На него, на протяжении определённого времени, положительное влияние оказывали и рационалистические идеи мутазилитов, признававшие наличие свободы воли у человека. Под влиянием этого широко распространились идеи свободомыслия в творчестве учёных и мыслителей, живших и творивших в средние века.

Таким образом, в VIII-X веках, наряду с некоторыми сферами естествознания и математики, и под их влиянием, развились и идейно – философские течения, теоретически обобщившие идеи свободомыслия и независимого мышления в своей области.

Ранний ислам не велел мусульманам вести аскетический образ жизни, отказываясь от реального мира, жизни на земле, обычаев и традиций. Благодаря независимости, в Узбекистане внимание направлено на почитание и развитие религиозных обычаев, традиций и ценностей. В указе Президента Республики Узбекистан Мирзиёева Ш.М. “ О мерах по организации Исламской академии Узбекистана”, принятого 15 декабря 2017 года, сказано: “Перед современным поколением стоит актуальная задача изучения нашего края, который с давних пор считается одной из колыбелей исламской науки и культуры; научного наследия, созданного нашими великими предками, положившего начало мусульманскому ренессансу, то есть эпохе возрождения науки и просвещения и сегодня изумляющему просвещенный мир; проведение научно – исследовательской работы, продолжение традиций научных направлений и школ, созданных ими”.

Известно, что обычаи, традиции взаимосвязаны с национальной, религиозной и всеми сферами жизни. Религиозные взгляды оказывают специфическое влияние на исторические формы национальных обычаев и

традиций, а также на некоторые, связанные с ними обряды. Ибо, в этой сфере ни одна форма общественного сознания не может сравниться с религией. По этой причине, с религией связаны многие впечатляющие обряды, национальные обычаи, традиции и народные праздники.

Согласно хадисам, для признания Аллаха человек обязательно должен быть умным, грамотным, просвещённым. Как для того, чтобы человек был гармоничным, мудрым, скромным необходимы светские знания и нравственность, точно также для религиозного учения и нравственности важны его богатая духовная культура, нравственная чистота, совершенство.

Для того, чтобы убедиться в истинности данных взглядов необходимо обратиться к хадисам, в которых можно встретить очень много призывов к получению знаний, освоению наук, просвещению. Как во многих оятах Карана., так и в хадисах встречаются призывы к мусульманам быть грамотными, просвещёнными, учёными, умными, тактичными. Например, в 126 хадисе, включённом в сборник: “1001 хадис”, сказано: ” Знания и ремесло усвой хоть в Китае.” Здесь имеется ввиду, что независимо от того в какой стране, на каком языке развивается наука и ремесло, их необходимо усваивать.

Неуклонное следование нравовучению, содержащемуся в 141 хадисе, также, является необходимым и полезным для человека: «Будь учёным, учителем или слушателем, или люби науку, учёных. Если будет пятое, то ты погибнешь».

Великим человеческим достоинством и благом на Востоке, в частности, в жизни мусульман Средней Азии, считалось тёплое и искреннее отношение к науке и учёным, отражение которого в хадисах усиливало не только знание и учёных, но и нравственное значение отношения к ним. Из приведённых выше хадисов можно сделать вывод, что они и сегодня не потеряли своей актуальности. Знания, содержащиеся в хадисах, призывы к просвещению имеют важное значение в борьбе за укрепление независимости нашей республики, в развитии национальной программы по подготовке кадров, достижении духовного совершенства современной молодёжи.

References:

1. (1999). *Islam: tolerance and fanaticism*. - Tashkent.
2. Karimov, I.A. (2008). *High spirituality is an invincible force*. Tashkent: Spirituality.
3. Mirziyoyev, Sh.M. (2017). *Having resolutely continued the path of national development, we will raise it to a new level*. Т.-1. Tashkent: Uzbekistan.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

4. Suvanov, I. (2018). *Dialectics of the national idea and self-awareness in the development of personality spirituality*. The dissertation of the doctor of philosophy (PhD) in philosophical sciences. - Tashkent.
5. (2017). Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On measures to organize the Islamic Academy of Uzbekistan" (December 15, 2017 PK-3433)
6. Khayrullaev, M., & Bakhodirov, R. (1999). *Abu-Abdullah al-Kharezmiy*". (pp.12-19). Tashkent.
7. Alekseev, I.L., & Korotaev, A.V. (2006). *Islam // Religious Studies*. Encyclopedic Dictionary / In A.P. Zabiyyako, A.N. Krasnikova, E.S. Elbakyan (Eds). Moscow: Academic project.
8. Ali-zade, A. A. (2007). *Islamic encyclopedic dictionary*. Moscow: Ansar.
9. Abdusamedov, A.I., Baltanov, R.G., Atamba, F.M., & Kirillina, S. A. (2005). *Islam // Fundamentals of Religious Studies / ed. I.N. Yablokova*. - 4th ed., Revised. and add. - Moscow: Higher School.
10. Ibrahim, T.K. (2010). *Islam*. New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / before. scientific ed. Council V. S. Styopin. - 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Thought.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Mirzoulug Mirsaidovich Mamasaliev
Karshi engineering-economics institute
Teacher of the Social sciences department

Shakhnoza Buriniyozovna Elboeva
Karshi engineering-economics institute
Teacher of the Social sciences department
+998912632977
Entin_2977@mail.ru

RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL DOCTRINES OF SARVEPALLI RADHAKRISHNAN

Abstract: In this article, the views and thoughts of the great Indian statesman and freedom fighter Sarvepalli Radhakrishnan on Indian culture, diverse religions, social life, events and cases are highlighted in the context of socio-philosophical problems. In his doctrines the human factor was raised as the main issue.

Key words: Fundamental, Upanishads, Bhagavadgita, Vedanta-sutra, universal religion, universal philosophy, universal morality, universal existence.

Language: English

Citation: Mamasaliev, M. M., & Elboeva, S. B. (2019). Religious-philosophical doctrines of Sarvepalli Radhakrishnan. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 339-342.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-71> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.71>

Scopus ASCC: 1202.

Introduction

Sarvepalli Radhakrishnan is well-versed in modern philosophy and his works are published. His creative days, birthdays, birthdays and philosophies of India are one of the economic bases for the national and cultural nation of Uzbekistan. The authors of the following philosophical, socio-auxiliary works from Rakadris are: "The Philosophy of Rabindranath Tagore" (1918), "The End of Religion in Modern Philosophy" (1920) Indian Philosophy "(1925-1927). This work was translated into Russian in 1956. Translated into the Hindi language "East and West Religion" (1918), "Freedom and Culture" (1936), "Religion and Society" (1947), "Restoration of Faith" and several other philosophical works. were made. Among them are "Hispanics" (1955), "Bhagavadgita" (1948), "Vedanta sutra" (1965).

In addition, Sarvepalli Radhakrishnan has developed a number of religious and philosophical teachings. These are "universal religion", "universal philosophy", "universal morality" and "eternal religion."

Radhakrishnan thinks about universal religion like Mahatma Gandhi. Everyone has the right to equal rights regardless of the social and political strife. According to the philosopher, the elements of the "universal religion" exist in all religions.

The philosopher continued his view of Universal Religion: "We have the opportunity to develop a religion that can be scientific, moral, spiritual and universal. I am convinced that all religions can learn this way" [1].

He said that "universal religion" can unite all people in the world. The philosophical doctrine that the philosopher promotes is a universal religion. As Radhakrishnan argues, there must be universal philosophy along with universal religion. The philosopher writes: "My main task is to prove that there is one universal and universal philosophy in all countries and cultures. This is the root of both the Upanishads, Buddha and Plato. It is the spirit that regard of all ages and continents." [2]

Radhakrishnan classifies the philosophical system that underlies his worldview and builds a set

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

of philosophical and theoretical knowledge: "Eternal religion is not irrational or scientific, it does not want to turn away from reality. Accepting it solves many hopeless, difficult problems and brings peace and goodwill to those who are free. This is a personal philosophy that I have achieved in various ways. This philosophy has helped me through the most difficult trials, illness or cure, victory or defeat." [3]

In addition, Radhakrishnan has a philosophical meaning as a pillar of any religious movement in India, and philosophy and religion have a continuous process of interaction. Religious problems have stimulated the development of philosophical ideas." [4]

In establishing his own system, Radhakrishnan did not prioritize idle religion. Religion is a factor that determines every human activity and even society. In his view, the need for religion cannot be satisfied. Because it stimulates human evolution and represents the essence of life: "Religion is a form of existence." Exactly religious life is not a problem to be solved. But it's a reality that needs to be fulfilled.

According to Radhakrishnan, "universal religion" is inextricably intertwined with "universal philosophy". "My overall position helps to broaden the world. This idea will continue and cause the necessary facts, as well as the spirit of life to apply. Philosophy is a fanaticism when sacred texts are highly valued by emotion and reason." [5] According to Radhakrishnan, such an approach would put him lower to the position of scholastics.

True philosophy is based on truth, its practicality and logic. Radhakrishnan's ideas about the validity of such a "universal philosophy" became the basis for formulating a doctrine of individualism. "I try to present philosophy, not a system of religious fanaticism. This philosophy explains everything. It is at the same time mentally and spiritually supported by the logic of reason, not by faith."

The system of "universal philosophy" has its essence in order to find answers to the fundamental questions and issues. Just as Radhakrishnan addresses common philosophical principles, he has applied such national, religious, and philosophical traditions within the context of this "universal philosophy." Radhakrishnan states that he adheres to the idea of "first existence": "The real existence of the world means that it exists. Being is the foundation of all existence." However, the philosopher understood not only the objective reality of the human being or his consciousness, but the divine spirit, even Brahman, who was seen as the "first creation" based on the Vedanta principle. According to the Vedanta principles, Radhakrishnan understood that Brahman was not subject to anyone or anything, but that he was not an object within all objects and, therefore, did not exist. The objects of truth surrounding it are all based on existence. But it does not belong to anyone, and it cannot even be ranked by any of the objects and

phenomena of the world we see. "If there were no beings, nothing would happen. All things are the foundation of all things, but they have no basis. It is not a subject of thought and it is not a product of production. He is the exact opposite of all that exists. In essence it is different from all others" [6].

According to Radhakrishnan, the world has a double view of the soul. Their interactions are evident in everything. Complete with Hinduism and Vedanta traditions, the philosopher used the notions of "supreme", "absolute", "world spirit", "universal existence" and many others. As a result of his condition, he turned to Hinduism to describe the relationship between the spirit and the world around him, avoiding the fanaticism and fanaticism of existing religious doctrines. He writes, "Hinduism says that God, the Creator of all things, is not free of all things, but absolute, and active in the life of His limited creatures. The relation of the highest being to the world is noted in the records. Creates, sustains, and ultimately destroys the world. These three aspects are related to the names of Brahman, Vishnu and Shiva. They represent three aspects of God's creative work toward the world. A person cannot be happy without understanding the truth.

From the idealistic perspective of happiness, Radhakrishnan gives an idealistic understanding of the process itself. Fortunately, Radhakrishnan understood the high moral and spiritual maturity in his religious idealistic essence. From this he concludes that there is a need for religion in perception: "The need for religion is the pursuit of the dead and the search for an unusual life. All of this testifies to the fact that a person has to make quick steps towards understanding." In addition, the philosopher's ideas are not only based on the needs and characteristics of the individual, but also on the pursuit and achievement of the "eternal religion" inherent in humankind, and on its basis by the unification of a single family and eventually the unity of "divine existence". will be achieved. "When humanity comes to the truth," says Radhakrishnan, "there will be a common fraternity, a great source of all creation."

Radhakrishnan comes to the general definition of "universal philosophy": "Sophia or wisdom is not just a perception, it is a way of life where true understanding becomes the essence of purposeful action." It follows that the function of philosophy is in the writing of the existence of the human being, who is the guardian of his divine abilities and his spiritual freedom, in connection with the understanding of the reality of this being, which provides true, "purposeful" action.

Radhakrishnan introduced other beliefs, the "eternal religion," to all existing religious beliefs, which he regarded as baseless and fanatical. Hence, "eternal religion" is, in essence, an idealistic, abstract, humane system. Although his creator believed that philosophy should be related to life, and that he should

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

direct human activities, the system did not perform such functions, irrespective of their subjective goals.

This philosophical doctrine of Radhakrishnan has really drawn closer to the idealism he seeks. But in this sense, it was only a form of the idealistic philosophy. This doctrine did not reach a wide range of followers. Nor did it become the basis of a modern worldview of modern India. Nevertheless, this system of Radhakrishnan has left a significant mark in the history of Indian philosophy. It is more humanistic and socially motivated than any idealistic system. Not religious mystical metaphysics, but these ideal ideals gave Radhakrishnan a serious philosophical name. It is these that have received the support of the intellectuals and have gained a prominent position in the broad strata of Indian society.

According to Radhakrishnan, "universal religion" and "universal morality" are compatible: one acknowledges the other. Both are reinforced over a long historical period. Modern society is divided into classical, national and religious barriers that prevent the human mind from imposing religious and moral norms. Therefore, there is a "temporary morality" prevailing in the world, in any case.

If the "universal morality" is inextricably linked to the "spirit of religion" that arises in the religions that have their roots, the law of love will, in some way or another, manifest itself in them. If we can overcome fanaticism, it will not be difficult to detect. As Radhakrishnan argues, love must be conscious and purposeful, and must obey the basic laws of all religions, and thus, the "religion of the soul." as we love. Every religion supports this golden rule." [8]

Radhakrishnan, a philosopher and humanist, understood that even the principles of "universal morality" and "eternal religion" prevented the social opposition of the bourgeois society. "Humanism," he writes, refers to the human nature by its nature and the rooting of evil, the environment and the environment. If we change the environment, human kindness will be seen and progress will be made."

The concept of "universal morality" by Radhakrishnan, like the "spirit of religion", is an exaggeration of philosophical and theoretical interpretations of the "eternal religion" system. It follows that religion, which constitutes the natural needs of man, must be supported by a theory of worldview: "We need practical philosophy, a deep understanding of the world in which we live. This can only be achieved through a strong philosophical thinking. Beliefs should be treated with reason." [9]

Radhakrishnan emphasizes the multifaceted nature of human nature and divides them into: biological, social, political, and individual. However, in his teaching, the philosopher sees man as a superior biological being. As an idealist, Radhakrishnan

certainly did not understand production concepts in human terms. He emphasized a number of peculiarities that distinguish man from other living things, but knew that these features were in the unity of the body, mind and soul. Specifically, the mind and the spirit distinguish man from other creatures. There is something more important than a person's physical quality. In its nature there is an element of non-objectivity. This aspect causes a person to take a special place in nature.

Man is not only an intuitive creature, but also an intellect. Its essence does not change with becoming an object of physiology, psychology or sociology. According to Radhakrishnan, seeing a human being as a mind or animal is a one-sided view, and its interpretation neglects its true essence. That is why the philosopher, amazed at the damages of science and technology, gives the man a pure mechanical-material creation, a device consisting of automatic reflexes, with a high regard for his physical abilities, and in fact his high spiritual, moral abilities and great divinity. denied his position.

In Radhakrishnan's teachings, the promotion of freedom, which is a defining factor in human essence, gives the direction of true humanity. According to the philosopher, the capitalist system opposes human liberty and does not promote freedom. The capitalist social system does not promote healthy relationships among people. While some of them have all the means of development, while others are not slaves, they are obliged to sell their labor on the terms set out to them. This would have led Radhakrishnan to come to a logical conclusion that radical change in social relations in order to enforce the human rights of the individual, primarily the destruction of personal property and the denial of human abuse by him. But he was not in that environment and unwilling to do so, and unwilling to forsake idealism and divinity, he knew that only the "inner nature" of liberation would change.

In the doctrine of the "eternal religion" of the philosopher, great emphasis is placed on morality. The ethical implications of his teaching were, above all, the motto "Belief and human behavior are always in harmony." This should be consistent with the teachings of "universal religion" and "universal morality". The emergence of a "universal ethics" does not impede the diversity of society, such as national and religious stratification. Therefore, it is very difficult for Radhakrishnan to introduce true morality in life. "Universal morality" is a problem of the distant future. In the center, that is, the temporal morality nowadays. Radhakrishnan not only understood the negative impact of capitalism on people's morale, but also saw the need to fundamentally change his lifestyle.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Radhakrishnan, S. (1951). *Indian philosophy*. (p.138). Moscow.: Indological Edition.
2. Radhakrishnan, S. (1951). *Indiyskaya filosofiya*. (p.157). Moscow.: Indological Edition.
3. Litman, A.D. (1983). *Sarvepalli Radhakrishnan*. (p.65). Moscow: Science.
4. Litman, A.D. (1983). *Sarvepalli Radhakrishnan*. (p.70). Moscow: Science.
5. Litman, A.D. (1983). *Sarvepalli Radhakrishnan*. (p.84). Moscow: Science.
6. Litman, A.D. (1983). *Sarvepalli Radhakrishnan*. (p.85). Moscow: Science.
7. Litman, A.D. (1983). *Sarvepalli Radhakrishnan*. (p.84). Moscow: Science.
8. Litman, A.D. (1983). *Sarvepalli Radhakrishnan*. (p.82). Moscow: Science.
9. Litman, A.D. (1983). *Sarvepalli Radhakrishnan*. (p.83). Moscow : Science.
10. Allanazarov, M. (2019). The role of eastern and western philosophy in point of view allame Tabatabai. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 09(77). <http://t-science.org/axivDOI/2019/09-77/PDF/09-77-27>

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Lilya Mikhailovna Shumskaya

Yanka Kupala State University of Grodno
Ph. D in Philology, Associate Professor

Irina Konstantinovna Komarova

Belarusian Institute of Law
Ph. D in Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of the humanities, Grodno Branch

REVOLUTION AND CULTURE IN I.A. BUNIN'S AND D.S. MEREZHKOVSKY'S "EXTRA-ARTISTIC" WORK OF THE 1920s

Abstract: The article is devoted to the study of the influence of revolution on the cultural processes of society in the "extra-artistic" work of I.A. Bunin, who reacted to the situation of expulsion from the homeland by seeking spiritual support in the values of the traditional faith and D.S. Merezhkovsky, associated with the traditions of romantic theology. The degree of freedom and the dependence of the individual on the social environment is examined, the eternal values of human life, that are necessary for determining the problems of revolution and culture in publicism and writers' diaries of the 1920s, are revealed.

Key words: revolution, culture, spirituality, personality in history.

Language: Russian

Citation: Shumskaya, L. M., & Komarova, I. K. (2019). Revolution and culture in I.A. Bunin's and D.S. Merezhkovsky's "Extra-artistic" work of the 1920s. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 343-347.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-72> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.72>

Scopus ASCC: 1208.

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА ВО «ВНЕХУДОЖЕСТВЕННОМ» ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА И Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1920-Х ГОДОВ

Аннотация: Статья посвящена исследованию влияния революции на культурные процессы общества во «внехудожественном» творчестве И.А. Бунина, отреагировавшего на ситуацию изгнания с Родины поиском духовной опоры в ценностях традиционной веры, и Д.С. Мережковского, связанного с традициями романтического богоборчества. Рассматривается степень свободы и зависимости личности от социальной среды, выявляются вечные ценности человеческого бытия, необходимые для осмысления проблем революции и культуры в публицистике и дневниках писателей 1920-х годов.

Ключевые слова: революция, культура, духовность, личность в истории.

Введение

В первой четверти XX века решение проблемы соотношения личности и общества, места человека в жизни приводит к усилению в литературе философского начала. Возрождение интереса к аналитической тенденции – явление закономерное и исторически обусловленное, охватившее не только литературу, но и все виды искусства. Действительность дает богатый материал для раздумий, обобщений и анализа

событий, влияющих на судьбы общества и человека. Поэтому современность требует от писателя не только таланта, необыкновенной чувствительности, но и научного предвидения и понимания эпохи. Читатель ищет в литературе отклики на свои мысли, чувства, переживания, он стремится связать опыт личной судьбы с опытом и судьбой мира. Стремление к самопознанию своей истории вызывает повышенную ценностную нагрузку «внехудожественного»

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

творчества. Мироощущению эпохи оказываются одинаково близки стремление осмыслить Октябрьскую революцию 1917 года, ее влияние на культуру, выявить вечные ценности человеческого бытия, осознать их истинное предназначение.

В русской литературе этого времени наиболее своеобразное воплощение обозначенных проблем наблюдается во «внехудожественном» творчестве И.А. Бунина, отреагировавшего на ситуацию изгнания из России поиском духовной опоры в ценностях традиционной веры [9, 10], и Д.С. Мережковского, связанного с традициями романтического богоборчества. Решительное размежевание с политикой и культурной практикой Советской России проявилось в литературной критике и мемуарах, очерках и речах, интервью и открытых письмах, воззваниях и эссе. В обозначенный нами период – 1920-е годы – наиболее значимыми и для Бунина, и для Мережковского являются дневники и публицистика, поскольку они позволяют выразить как личное, так и социально-общественное отношение к происходящим событиям. Поэтому именно эти виды автодокументальной литературы станут предметом рассмотрения в данной статье.

Изучение публицистики и дневников Бунина 1920-х годов показывает, что их основой становится традиция ностальгического воспеания культуры «старой» России, ее величия, силы, достоинства. «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье», – пишет писатель [1, с. 15]. Чувство неутолимой тоски по культуре старой России звучит и в публицистике Мережковского. В статье «Наш путь в Россию» он утверждает: «Надо лишиться земли, чтобы полюбить ее неземною любовью. Наша неземная, бесконечная любовь к России – бесконечная сила» [6, с. 271].

К попыткам понимания проблемы революции и культуры писателей приводит осмысление мотива «потерянной» России. Для Бунина революция – противоестественный бунт, таящий в себе огромный заряд самоуничтожения, несущий в себе элемент хаоса и бесформенности, а потому несовместимый с феноменом культуры. Происходящее в Советской России он воспринимает как «русскую вакханалию» – «на почве голода и людоедства колоссальное количество острых психических недугов, совершенно еще неведомых науке» [2, с. 156]. В его понимании то, что происходит, есть постепенное, но неуклонное одичание, которому оказываются одинаково подвержены все социальные группы населения.

Культуру Бунин рассматривает как результат эволюционного развития общества. Локальная

ценностная, нормативная, символическая среда – основные культурные механизмы, обеспечивающие упорядоченность целого. На основе культуры «функционирует и развивается огромное количество надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, представленных в виде различных кодовых систем и составляющих «тело культуры». Функционирование ценностей культуры объясняет механизм превращения человеческих потребностей, интересов и целей в представления о должном поведении. Культура – это процесс обогащения личности знаниями, ценностями, идеями, чувствами, всем тем, что способствует ее очеловечиванию и уверенности в своих способностях и силе, вере в прогресс и свободу.

Деграция же культуры, отказ от гуманистических ценностей, по мнению писателя, становится основной приметой современного ему общества: «пещерный голод пожирает год за годом, людей расстреливают, как собак, десятками тысяч, сифилис моральный и физический отравляет русскую кровь на целые поколения» [2, с. 142]. Неприятие революционных преобразований происходит из стремления сохранить «генетическую память», поскольку революция, в представлении писателя, – всегда попытка разрыва наследственных культурных связей, передающихся из поколения в поколение.

В художественном сознании Мережковского формируется своего рода миф о революции: происходящее в России предстает как вселенское противостояние Христа и Антихриста, «духа» и «плоти» [4, с. 4]. Писатель обосновывает концепцию, согласно которой только религиозная революция победит «большевистскую реакцию», объединит всех христиан в религии «Третьего Завета», «утвердит истинную свободу» [6, с. 28]. Этим писатель настаивает на следовании высшим ценностям. Такая ориентация возвышает человека, обогащая его духовно, увеличивая индивидуальный потенциал действия, побуждает к творческому преобразованию среды в соответствии с гуманистически выверенными идеями, что особенно важно в новом революционном мире. Результатом такой революции, по утверждению писателя, станет грядущее преображение России и Запада. Мережковский считает, что страдающая Россия поставлена самой жизнью в такие условия, выходом из которых может быть лишь духовное преображение. Поэтому Россия ближе к грядущему воскресению, чем благополучные европейские народы. Большеизм же для него – «разрушение культуры, упразднение свободы и принципа личности» [6, с. 35]. К утверждению в России «воли небытия», «воли Антихриста» привело отрицание ценностной вертикали – Личности Христа [6, с. 24].

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Немаловажное место в выявлении соотношения между революцией и культурой в публицистике и дневниках писателей занимает еще одна проблема – проблема личности в истории. Бунин свою миссию в истории видит в духовном противостоянии «власти Антихриста»: «Миссия русской эмиграции заключается... в неприятии Ленинских градов, Ленинских заповедей. Это глубоко важно и для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России» [3, с. 5]. Мережковский, размышляя о роли личности в истории, приходит к иному выводу: «Нужно повернуться лицом к Европе и миру, чтобы понять бытие России не только национальное, но и всемирное» [6, с. 248]. Немного позже, когда он начнет призывать к спасению России и всего мира, эта мысль зазвучит еще более отчетливо: «Мы сейчас отвечаем не только за Россию, но и за весь мир, нами оставленный» [6, с. 271].

Попытки постижения проблемы личности в истории определяют специфику образной системы публицистики и дневников обоих писателей. Для Бунина человек – носитель позитивного и негативного начал, красоты и безобразия. С одной стороны, неряшливость, разнузданность и грубая сила моряка («Ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей» [1, с. 22]), а с другой – скромность, деликатность, чувство собственного достоинства военного, ставшего для писателя символом бесконечно дорогого, разрушаемого ныне, с чем он чувствует свое кровное родство. Мережковский также волнует вопрос о природе человеческой исключительности, ее положительных и отрицательных составляющих. Для автора статьи «Тройная ложь» Ленин – великое ничтожество, которое считает революцию освобождением народов, «убивающим свободу только на время, пока не восторжествует коммунизм – равенство. Но ведь убитая свобода не воскреснет, пока жив убийца свободы», – завершает свою мысль автор [7, с. 2]. Пилсудский же для него избранник божий, «владеющий даром интуиции в такой степени, что сможет спасти Россию, Польшу и, может быть, даже весь мир от большевистской революционной чумы» [8, с. 2].

Осмысление представлений о революции и культуре приводит писателей к попыткам понимания мотива «переживания» времени. Бунин фиксирует переживание эпохи как поистине апокалиптический «конец времен» – экспансию времени, чужеродного прежней устойчивой культуре: «С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что нынче уже восемнадцатое» [1, с. 21]. Это новое время осознается писателем не только чужим, но и призрачно-нереальным: «По вечерам жутко

мистически. Еще светло, но часы показывают что-то нелепое, ночное» [1, с. 64]. Для автора это «последние времена», смерть без надежды на светлое воскресение. Об этом свидетельствует запись, сделанная в пасхальную ночь: «Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным». Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...» [1, с. 72]. В осмыслении драматических событий революции 1917 года «разрыв времен» для Бунина очевиден. Прошлое стало призрачно далеким, а связь с ним – временем Пушкина, Карамзина – утрачена. Источается нить истории, мир культуры распался, вместо него – «бродячая кибитка» и кочевничество: «Время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» [1, с. 149].

Эсхатологический миф, сводящий начало истории с ее концом, оказывается значимым и для Мережковского. Но писатель интерпретирует этот миф как начало новой эпохи – духовного обновления, творческого преображения мира. Мережковский убежден, что «революция духа» будет эсхатологической и ознаменует конец исторического течения жизни, поворот к «новому небу» и «новой земле». К такому выводу он приходит еще в дореволюционный период, когда политическая и социальная революция рассматриваются лишь как предвестие последней, завершающей революции – религиозной [5].

Постоянными составляющими художественного сознания Бунина и Мережковского, определяющими отношение к революции и культуре, являются мотивы «утраченного рая» и «ада». Для Бунина Россия – страна, способная оставаться верной своему высшему Божественному предназначению. Такая позиция приводит его к закономерному стремлению утвердить значимость вековых традиций, питающих русскую духовность: «Я смотрел на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... Великие князья, терема, Спас-на-Бору, Архангельский собор – до чего все родное, кровное, и только теперь как следует прочувствованное, понятое!» [1, с. 34]. Но в художественном сознании Бунина возникает и другой образ Родины – опустошенной, расстрелянной, преданной: «Я плакал на страстной неделе... среди темной Москвы, с ее наглухо запертым Кремлем, по темным старым церквям, скудно озаренным красными огоньками свечей и плакавшим под горькое пение» [1, с. 127]. Ответом на болезненное разрушение национальных ценностей, на протяжении столетий казавшихся незыблемыми, становится заявление писателя: «В этом их мире поголовного хама и зверя мне ничего не нужно» [1, с. 57]. Он

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

вынужден признать, что прежний привычный мир безвозвратно уходит, черты его блекнут в хаосе всеобщего ожесточения. А новый, едва зарождающийся мир ему чужд. Происходящее в России Бунин объясняет установлением власти большевиков, поражающих своей жестокостью: Пойманных с поличным воров тут же приговорили к смертной казни: «разбили голову безменом, пропороли вилами бок и... выбросили на проезжую часть» [1, с. 94]. Вину за сложившуюся на Родине ситуацию писатель возлагает и на русский народ. Свою позицию по этому вопросу Бунин объясняет «двойной» природой русского национального характера – европейской и азиатской: «В одном преобладает Русь, в другом – Чудь, Меря. Народ сам сказал про себя: «из нас, как из дерева, – и дубина, и икона, – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает, Сергей Радонежский или Пугачев...» [1, с. 12].

С мотивом «ада» соотносится образ Советской России и в публицистике Мережковского: «давно все фабрики стали; лавки закрыты; прохожих мало; езды почти никакой. Посредине улицы – лошадиная падаль с обнаженными ребрами; собаки рвут клочья кровавого мяса» [4, с. 3]. Представители новой власти в его восприятии – «сыны дьявола, лжецы: провозглашенные ими «мир, хлеб, свобода» на деле «война, голод, рабство» [4, с. 4]. Виновниками воцарившегося в России ада Мережковский считает не только большевиков, но и весь русский народ, с легкостью предавший «свою тысячелетнюю святыню – христианство», укорененные в духовной культуре религиозные ценности. Именно потребность русского народа в страдании, по мнению Мережковского, привела к зарождению большевизма. Если в каждом человеке два полюса, жертвенный и героический, то в русском только один из двух полюсов – религиозная жертвенность. Русский народ с византийским христианством принял самодержавие – начало римской мужественности. Но как оно преломляется в жертвенной русской душе? Писатель утверждает, что вся русская мужественность была сосредоточена в царе. Тогда народ поклонялся царю как Богу, сегодня, по мнению Мережковского, интеллигенция поклонилась народу, как Богу. Но когда народ стал богом, отнялось у него сердце человеческое. А народ-зверь страшнее царя-зверя. Русская революция, считает Мережковский, скинула самодержавие, но не разрушила его, потому что сила угнетения и тяжесть рабства не уменьшились. Антихристианское начало, воцарившееся в России после революции, способствует искажению принципа свободы и «абсолютной меры человеческой личности – Христа» [7].

Проблема соотношения революции и культуры связывается писателями с мотивом Пути. Бунин видит форму государственного правления России либо «как военную диктатуру, либо как «совет десяти» из железных дельцов, бывших «спецов», либо как монархию...» [2, с. 28]. Победу большевистской власти писатель считает смертью великой державы, преодолеть которую может лишь человеческая память. Он осознает свою ненужность в новом, чуждом ему мире «поголовного хамства и зверья», живет иллюзией «старой» России и надеется на человеческое благоразумие: «говорить, что к прошлому возврата нет, могут только люди или глупые, или не знающие истории России» [2, с. 73].

Мережковский исторический путь Родины представляет в виде следующей теории: первая Россия – царская, рабская, вторая – большевистская, хамская, третья – свободная, народная, религиозная» [6, с. 146]. Более того, серьезные политические, социальные и религиозные изменения, по его мнению, переживет не только Россия, но и Европа. Религия, которая объединит всех христиан в религии «Третьего Завета», утвердит истинную «любовь и свободу с абсолютной личностью – Христом» [6, с. 132].

Таким образом, решение проблемы жизнестойкости общества, наращивания им цивилизационного ресурса и его динамической эволюции в эпоху жесточайших революционных перемен XX века Бунин связывает с сохранением генетической памяти, обеспечивающей саморазвитие личности и открывающей внутренние источники развития духовной культуры, а Мережковский – с нравственным возрождением, движением и переходом в царство «Третьего Завета», Любви и Свободы. Но для обоих писателей своеобразной семантической основой восприятия революционного мира служат ценности бережного отношения к «потерянной России», хранящей духовность, наделенной незыблемым авторитетом православия и высоким национальным достоинством. Духовность сближает людей, выступает своеобразными скрепами человеческого общежития, на основе которых становится возможным взаимопонимание. Поэтому ее развитие связывается с воспитанием чувства долга, ответственности перед другим людьми и природой за свои действия, милосердия, любви к ближнему, сострадания, жалости, терпимости, искренности, воспитания не только чувства собственного достоинства, чести, но и стыда, вины, раскаяния. Эти социально нравственные чувства входят в состав духовной основы человеческого общежития.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Bunin, I.A. (1991). *Okaiannye dni. Dnevnik. Rasskazy.* (p. 335). Moscow: Molodaia gvardiia.
2. Bunin, I.A. (2001). *Noch' otrecheniia. Stikhi, rasskazy, publitsistika (1920-1923).* (p. 448). Moscow: Lakom-Kniga,
3. Bunin, I.A. (2006). *Missiia russkoi emigratsii. Poln. sobr. soch. V 13 t. T. 8.* (p. 448). Moscow: Voskresen'e.
4. Merezhkovskii, D.S. (1920). *Predchuvstviia. Svoboda.* № 4, 1-4.
5. Merezhkovskii, D.S. (1991). *V tikhom omute. Stat'i i issledovaniia raznykh let.* (p.489). Moscow: Sov. pisatel'.
6. Merezhkovskii, D.S. (2001). *Tsarstvo Antikhrista: Stat'i perioda emigratsii.* (p.656). SPb.: RKhGI.
7. Merezhkovskii, D.S. (1920). *Troinaia lozh'. Svoboda.* № 6. 1-4.
8. Merezhkovskii, D.S. *Iosif Pilsudskii. Svoboda.* № 1. 1-4.
9. Mochalova, N.V. (2001). *Problema revoliutsii i kul'tury v publitsistike I.A. Bunina 1918 – 1953 gg.: avtoref. dis. ... kandidata filol. nauk: 10.01.01. Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova.* (p.46). Moscow.
10. Skorobotova, O.V. (2006). *Zhanrovo-tematicheskoe mnogoobrazie «vnekhudozhestvennogo» tvorchestva I.A. Bunina 1917 – 1923 gg.: avtoref. dis. ... kandidata filol. nauk: 10.01.01. Elets. gos. un-t im. I. A. Bunina.* (p.29). Elets.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

S. T. Nunev

Angel Kanchev University of Ruse

Associate Professor,

Doctor of Science of Social Work, Bulgaria

<https://orcid.org/0000-0003-3414-0733>

PUBLIC ASSISTANCE AND SOCIAL WORK DEVELOPMENT IN BULGARIA FROM 1934 TO 1944

Abstract: *In the present article, problems of the development of public assistance and social work in Bulgaria in the period from 1934 to 1944, which is characterised by certain dynamics in social, political and professional aspect are analysed. During this period intense upgrading and development of the social legislation is carried out and conditions for the realisation of the statutory and targeted social assistance activities by the state are created. Its efforts are supported by the active work of civic and charitable organisations, Bulgarian Orthodox Christian Church, the processes of professionalization and institutionalisation of social work and the education and training of competent and qualified social workers. Although certain political changes are carried out, the country is dragged into World War II and administrative centralization measures are taken, at the same time important governmental initiatives in the field of social politics and social legislation are carried out. Among them with its importance, the Ordinance-Law for Public Assistance stands out. Through it normative regulations for public assistance are introduced and the organisation, management and functions of the new territorial structures are provided. The basis of foster care are laid, as well as the Ordinance on the placement of orphans in families. The state actively supports the social work education and creates conditions to provide competent and qualified social workers to the system for system of public assistance. The work of charitable organisations is centralised and controlled by two national organisations. Despite from these restrictions they carry out numerous initiatives helping children and elderly people in a disadvantaged situation. The Bulgarian Orthodox Christian Church is one of the main subjects of the social support activities throughout this whole period. Its distinguished representatives are the inspirers and organizers of many initiatives to help the needy.*

Key words: public assistance; social work; social legislation; social work education; charitable activities; Orthodox Christian Church activities.

Language: English

Citation: Nunev, S. T. (2019). Public assistance and social work development in Bulgaria from 1934 to 1944. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 348-355.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-73> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.73>

Scopus ASCC: 3312.

Introduction

The period from 1934 until 1944 in Bulgaria was associated with intensive development of the social legislation, implementation of statutory and purposeful social support activities by the government, which were also supported through the activities of charitable organizations and the Orthodox Christian Church, moreover it was associated with the processes of professionalizing the social work and laying the foundations for the education of the social workers. This period is defined by Prof. Iliya Yanulov

as a point of “state social policy”, because it is characterized by the activation of the state in terms of upgrading and developing the social legislation, constructing social policy and implementing public support [9; 10; 11; 12]. From a political point of view, the period is associated with many major events, some of which are the establishment of dictatorial regimes in the context of a crisis of parliamentary democracy, dynamic political changes in the direction of authoritarianism, centralized government structure, governmental public organizations, orientation

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

towards national socialism and Bulgaria's involvement in the Second World War on the side of fascist Germany. Decree law is formed whereby regulations – laws are passed, adopted by the government and approved by the king, on the basis of art. 47 of the Tarnovo Constitution. Subsequently, the Tarnovo Constitution was abolished, the parliament dissolved, political parties and organizations banned and their property confiscated. Measures are being taken to administratively centralize the country, with the management of the territorial units directly determined by the cabinet. The role of the government in the economic life is gradually being strengthened by taking measures to eliminate the effects of the economic crisis and until the beginning of the Second World War some economic development is achieved. The economic linking of Bulgaria with Germany does not improve the situation of people and many families live in poverty and face serious social problems.

Government initiatives in the field of social policy and legislation, social work of charitable and civic organizations and the Orthodox Christian Church.

During the analysed period administrative and household changes in direction of centralization were introduced, they in turn lead to the rejection of the existing model of municipal self-government. As a result, municipalities are limited in their ability to act autonomously and to support people from vulnerable groups. In this context, questions arise regarding the impact of the strict centralization on the ability of municipalities to respond to current social needs, such as problems of their residents and the funding opportunities for the public assistance.

At the beginning of 19.05.1934 – 21.05.1938 the government takes action to resolve certain social issues, for example, exemption from additional school fees for pupils and students who are children of war invalids and war victims; implementing enhanced monitoring of compliance with the requirement for duration of the workday and workweek in some manufacturing industries; provision of employment through the establishment of road work groups and other infrastructural facilities in order to overcome unemployment; free treatment of poor patients in governmental and municipal medical establishments and usage of governmental and municipal mineral baths; normalisation of the price of medications; updating and taking into account the social situation of texts of important normative acts (Law on unemployment and providing work, Law on Occupational Health and Safety, Social Insurance Code), in connection with this an Ordinance-Law was issued to unite health services which are under the supervision of the Directorate-General for Public Health.

The imported activities are confirmed by certain normative acts. One of them is the Ordinance focused

on the organization of working groups of unemployed people, which would then carry out construction activities on buildings, roads and more (1934). It enables the Directorate-General for labour service to organize temporary employment groups for the unemployed in the construction of buildings, roads and other sites. Applicants are recruited by the Labour and Social Security Directorate on a voluntary basis. Mostly preferred are men who are wage-earners of poor families between the ages of 20 and 50. They receive food, a fixed daily allowance, health care and free insurance record books. In the event of an accident, the temporary workers are compensated by the Public Insurance Fund. The working day is standardized and lasts 8 hours.

Another normative act of significant social importance is the Ordinance on free treatment of poor patients in governmental and municipal hospitals (1934). According to its provisions, every person who meets certain criteria in terms of income and financial status is entitled to free medical treatment. For families living in rural areas, additional criteria for determining their gross income are presented.

The most important achievement in socio-political aspect during the considered period was the Ordinance-Law for Public Assistance, prepared by the government of the Military union and the political organization “Zveno”, adopted by decree No. 201 on November 28, 1934. [9; 12]. The Ordinance-Law clarifies the concept of “public assistance” and formulates the purpose of public assistance, which is related to two main aspects: support through specific resources and facilitation of the existence of people in need; empowering people in need to meet their needs on their own. The term “in need” is defined, according to which “person in need” is an individual who cannot alone or with the help of his or her relatives satisfies his or her own needs, or because of physical or mental disability, cannot maintain his or her existence and does not use support from charities. The support consists in providing temporary or permanent assistance with funds or payment in kind. The Ordinance-Law regulates the accommodation and support of people in the public assistance establishments. An essential point regulated in it is the observation of the person in the process of assistance in order to identify and eliminate the factors causing difficulties and problems. In the light of unmet needs and emerging problems, the nature and amount of support can be changed. The Ordinance-Law defines the establishment of an Office of Public Assistance within the Ministry of Interior and public health. As a central authority, it assumes the functions of leadership and control of all territorial services and public assistance activities. The Office of Public Assistance commits to regionalize all public assistance establishments, addressing any public assistance issues that have arisen, opening, merging and closing public assistance establishments. It has the

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

authority to draw up a report on the basis of which the Minister may close existing social assistance institutions if they do not fulfil their obligations. The Ministry of Interior and public health establishes the High Council for Public Assistance, which is a body with public consultative functions. It is attended by representatives of the Ministry of Interior and public health, the Office of Public Assistance, the Directorate-General for Public health, the Labour Directorate, the Ministry of Finance, the Holy Synod, the Mayor of Sofia and representatives of law-legitimized organizations (Bulgarian Child Protection Union, Union for the fight against tuberculosis, Union for assistance to the disadvantaged, disabled and in need of public support people, Bulgarian Red Cross). The High Council agrees and coordinates the activities of all public assistance agencies, votes on the budget and assists the Minister of Interior and public health. In a certain section of the Ordinance-Law is regulated the organization, management and functions of the public assistance and their officials in the territorial structures. Each municipality is obliged to take care of the public assistance of its residents, to provide immediate care and supervision of those in need. The municipality should establish and maintain free soup kitchens, night shelters, day-care shelters for children whose parents are employed, orphanages, retirement homes and more. The funds are to be provided by the municipal budget or by the Public Assistance Fund. The Ordinance-Law stipulates the mandatory transition of all charities to two state-controlled union charities. The first is the Child Protection Union, which covers those who support individuals up to 18 years of age, and the second is Union for Public Support, which includes organizations that support adults. The existence of companies whose statute is not approved by the Ministry of Interior and public health is prohibited. Charities that are not members of these two structures are closed down in mid-March 1935. The approach taken to centralize, regulate, and place under the strict government control of the activities of charitable organizations restricts not only their activity, but also the distinctive tendency for the whole period of a strong presence of charitable social assistance in solving problems of citizens in need and their families. Charity fundraising actions are prohibited, except in national days defined by the Ordinance-Law – Children’s Day, World Sight Day, the Rose Festival, charity day in support of the Bulgarian Red Cross and War Victims Day. The mission of international charities operating in Bulgaria is regulated. With the Ordinance-Law on Public Assistance, a Fund for Public Assistance is set up and a regulation for its functioning is introduced – financing, manner and procedure of using the financial resource. The funds received are distributed between the governmental Office of Public Assistance and its territorial structures - the municipalities (35% of the funds are allocated to the municipalities), the

Child Protection Union, the Union for Assistance to the disadvantaged, disabled and in need of public support people and the Bulgarian Red Cross. Funds are envisaged for “improving the protective care for the moral and health strengthening of the youth according to the budget of the fund”, as well as a reserve untouchable fund in the amount of BGN 50,000,000 [9; 12]. The mechanisms for monitoring public assistance and sanctions for non-compliance with the established regulations are presented. Despite some of its shortcomings, the Ordinance-Law on Public Assistance is one of the achievements in the social law-making in Bulgaria in the period after the Liberation in 1878. It demonstrates not only the active role of the country in the creation of modern legislation in the field of public assistance, but also the taking of specific steps towards: formation of a legally established system of public assistance with certain functional and organizational- management parameters and territorial structures; introduction of fund-establishment in the social activities; establishment at central level of a body with public consultative functions through which to coordinate the interaction with other departments, institutions and organizations; assigning responsibilities to the municipalities with regard to the establishment of a public assistance infrastructure that responds to the needs and problems of the population living in its territory.

It’s interesting the experience of the Sofia Municipality in implementing the Ordinance-Law on Public Assistance in the work of the department performing this activity. Initially, organizational changes were made whereby the existing until then Social Welfare Bureau acquired the status of an independent unit. The number of employees working there is increasing, with eight of them being visiting nurses (public health nurses) who, were in direct contact with the people in need so they can examine their necessities and social status. Visiting nurses are charity nurses who have been trained in special additional courses for health and social work with families and mothers [5]. They are specialists in the fields of: public health, methods for researching the social and health status of the family, work of charitable organizations, record keeping and more [6]. Their participation in service of the department remained for three years until 1936, when the title of their position was replaced by the name “social counsellors” and graduates of the Higher Social School, established by the Bulgarian Women's Union were campaigned to pursue such career. A head of the new structure for social assistance has been appointed and is supervised by the assistant mayor of the municipality. With the new social assistance regulations changes are introduced, by creating a Public Care unit, composed of the following departments: Visits, inspections and examination of poor families; Reporting service; Supervision of

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

private/community activities for public assistance. The department employs visiting nurses, who since the beginning of 1936 receive an official name “social counsellors” [5]. In the beginning, they were eight, but rather incredibly doubled as their workload increased. They separated into an independent department under the supervision of a senior social counsellor. Requirements for education, personal and professional qualities of the social counsellors are introduced. The newly created unit for Public Assistance begins its operations by identifying the number of people in need, by the end of the year 5,300 poor families were registered through visits and immediate contacts, differentiated into two categories - first and second level. In the first level are included the extremely poor, which the municipality supports to the best of its ability. Level 2 covers citizens who only benefit from free medical care, free medication and easy access to other health care, exemption from school fees and the right to receive scholarships and other education-related benefits. In the period 1938 - 1939 there was a significant increase of the people in need in both categories. Following the outbreak of World War II in 1939, in view of the expected military mobilization and increase in the number of families in need, the municipality appointed several more social counsellors, with internships from the Higher Social School being accepted as well. Orphaned children are given priority among vulnerable groups of people, by setting up appropriate social establishments for each age group - nurseries for children up to 2 years of age, municipal orphanage for children from 2 to 7 years, municipal orphanage for children from 7 to 18 years. The capacity of each orphanage is from 120 to 140 children. Through this approach, the municipality manages to gather into its social establishments part of the orphans of all age groups. In this activity, the municipality is actively supported by civic and church charities by opening orphanages on their behalf. In 1939, the financial support and care of 541 children, including those with health problems and criminal acts, was taken over by municipal funds [7]. Although this is how the Public Assistance is executed in one of the large municipalities in the country during these years, it presents relatively clearly the functioning of the newly created public assistance system as a whole in the larger cities in Bulgaria too.

Other important normative acts in the social area, adopted during the period 19.05.1934 - 21.05.1938, are:

- Ordinance-Law on the scholarships and grants for the students/ pupils (1935); Legislation on the labour contract (1936);
- Ordinance-Law on the collective labour contract and the settlement of labour conflicts (1936), which refers to two basic institutes of the collective labour law: conclusion, action and termination of a collective labour contract; occurrence and settlement of the collective labour disputes. The Ordinance-Law

prohibits labour strikes and their organizers may be held criminally liable or imprisoned [2];

- Ordinance-Law on the disability pensions (1938).

In 1937, the Higher Social School for the preparation of social workers receives the status of a semi-higher school from the Ministry of Popular Enlightenment. In the context of the growing role and function of the country in the formulation of social policy, the creation of better social legislation and the pursuit of a well-functioning public assistance system, this act is an expression of a responsible attitude to the issues of ensuring adequate education and qualification of the social workers, as well as for sustainable professionalization of the social work.

During the mandate of the XXV Ordinary National Assembly (February 24, 1940 – September 9, 1944), coinciding with World War II and characterized by a limited government initiative in the social area, several important laws in the field of Public Assistance and Social Security come into force: Law on Illegitimate children and Adoption (1941); Law on the Social Security Institute (1941), Law on the Juvenile Courts (1941) Law on Assistance to Municipalities Affected by Airstrikes (1944).

Regardless of the social and political situation related to the preparation of Bulgaria for participation in World War II, the ongoing work for opening public assistance establishments continues by creating maternity homes for poor mothers and funded by the municipal public assistance agencies food kitchens for children from poor families. With Order No. 1821/ 1-11 of September 30, 1937, the Minister of Interior and public health orders the raising and bringing up of children who are orphans to be performed in pre-selected families of medium financial status. The monthly sustenance allowance of a child is BGN 600, and a special supervisor gives guidance to the foster parents and oversees if everything is in order. In 1940, this order was repealed by the Ordinance on the placement of orphans in families, approved by the Minister of Interior and public health with Order No. 7338/ 08.08.1940. It sets the legal foundations for foster care in Bulgaria. The Ordinance defines: the procedures for selection of children and families who will take care of their parenting and upbringing; a special official (accommodation supervisor) conducting family surveys and supervision of the living conditions and well-being of the placed child; the maximum length of placement; continuous supervision of the provided care by the competent official; keeping records of each placement of a child, reflecting his/ her condition and development; obligations of the family and the consequences of their failure; the monthly allowance for the child from a special paragraph of the Public Assistance Fund and the amount thereof, determined by order of the Minister of Interior and public health; monthly monitoring of the health of the child through medical

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

examinations at a health counselling station and entering the data in a health record [3]. The Ordinance on the placement of orphans in families of 1940 adapts the experience of countries with good law-making and foster care experience. In normative and methodological terms, it corresponds to the current trends in the development of child protection during these years. With the political changes of 1944 its operation was cancelled and the practice introduced by it was terminated. This moves our country away for several decades from the opportunity to develop and promote a social service of high social and human importance.

The scope of public assistance during this period includes the care for people with disabilities. In December 1937, the Minister of Interior and public health approves a special provisional ordinance on the provision of benefits. With this provisional ordinance, monthly benefits are granted to registered poor blind people, who are prohibited from begging on the streets or to be a member of an aid collection organization. The able-bodied blind individuals are housed in specialized homes-workshops where they have the opportunity to learn a particular profession. People with visual impairments were united at the time in the organization "Union of the Blind in Bulgaria", founded in 1921. The organization is committed to promoting mutual assistance and performing cultural, educational and charitable functions.

In July 1934, the Union of the Deaf in Bulgaria was established in Sofia, which helps people with this type of disability and protects their rights. On December 22, 1937, a home-workshop for the deaf at the Petropavlovskiya Monastery was set up, in which 60 boys took up a profession, with 15 of them successfully passing the exam for journeyman carpenter. The facility was closed in 1945 and in its place a labour-educational institute for woman who performed sexual activities for money was opened, it was also guarded by police officers.

Despite the centralization of the activities of charitable organizations with the provisions of the Ordinance-Law on Public Assistance of 1934, these organizations continued to be active. In 1935, 18 of the 25 orphanages established in the country were by organizations. As of 1938, out of 52 homes for the elderly, 19 were run and maintained by Orthodox Christian brotherhoods, and 18 by women's charities, 9 by branches of the Union for Public Support, 3 by municipalities, and 3 by diocesan spiritual councils. As a result of the extensive public charity and donations, many student soup kitchens, summer camps and playgrounds have been created.

The Bulgarian Orthodox Christian Church has been one of the important subjects of social assistance activities throughout the whole period considered. Its distinguished representatives are the inspirers and organizers of many initiatives to help the people in need. Metropolitan Mihail of Dorostol and Cherven is

one of them (1884 – 1961). In his work as a church official, he chairs the branch of the Bulgarian Red Cross in Rousse, Rousse Charity Committee, which was transformed in 1934 into a branch for Public Assistance, the city branch of the Child Protection Union, and a committee for assistance to beggars and infirm. Metropolitan Mihail founded church orphanages, homes for the elderly, day care homes for children, summer camps for pupils. Directs the work of the Christian brotherhoods and the Christian youth organizations. He was a great leader and inspirer of people, and immediate participant in charitable initiatives important to the city, among which is the construction of a building for tuberculosis patients in 1934, he was also part of the opening of homes for children, the elderly and physically disabled, as well as a maternity hospital and city playgrounds [8].

During the wartime period 1941 – 1944 the active work of public and charitable organizations in the field of public assistance continued. Among them are the Bulgarian Women's Union, the Bulgarian Red Cross and the Child Protection Union. The Child Protection Union has around 2000 branches in the country, opens and maintains many institutions, such as a distributor for minor offenders, day nurseries, kindergartens, orphanages, boarding houses, shelters for mentally ill children; institutions for the deaf and blind, school canteens, summer playgrounds, camps and children's counselling. At the same time, it plays an active role in changing the social laws and banning child labour. The Bulgarian Red Cross opens hospitals for poor people with about 4,500 beds and orphanages in buildings, which were received as donations. On its initiative and together with the Child Protection Union or school boards, 20 free school canteens are being opened, 14 of which are in cities and 6 in villages. Some of the school canteens also function as public kitchens, which distribute food free in the evening to poor, sick and those in need.

On September 9, 1944, after the political changes in Bulgaria, the Ministry of Social Policy was established with a decree, representing a central institution engaged in the implementation of the social policy of the government of the Bulgarian Fatherland Front.

Professionalization of the social assistance activities and beginning of the social work education.

The Bulgarian Women's Union, as a feminist organization, is the main factor that shapes the conditions and environment for the professionalization of the social work in Bulgaria and for the establishment of a school for social workers. The first school for training social workers in Bulgaria, was called Higher Social School, it was established by the Bulgarian Women's Union in Sofia in 1932. At its opening, three basic educational tasks

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

were emphasized with a feminist focus, which must be achieved through its activities:

- to prepare the girl or woman for a social worker;
- to educate the girl or woman to be a conscious citizen and public figure;
- to educate the girl or woman about the proper understanding and fulfilment of her duties as mother, housewife and spouse.

The founders of the school stick to the feminist position that a well-prepared woman in the role of mother, housewife and public woman will have valuable qualities as a social worker in the social care facilities for children, the elderly or in other social care institutions [1, 2]. The director of the school is Rayna Petkova, who is a graduate of the Social Women's School in Berlin, Germany and former student of Alice Salomon.

Only applicants with secondary education are admitted to the school. The training lasts two years. The curriculum was designed after a thorough study of the educational documentation and experience of leading social worker schools in Germany and Switzerland and in other European countries. In accordance with the accepted concept and tasks, the subjects included in it are selected, which are differentiated into the following main groups [4, 10]:

- subjects for social work training - sociology, social policy, social care, social education, social ethics and psychology, social diseases and hygiene;
- maternity and home education subjects - hygiene, general with anatomy and special, hygiene for the woman, raising a child with basic knowledge of childhood infectious diseases, childhood psychology, therapeutic pedagogy, children's literature, home accounting and management, nutrition science (dietetics);
- subjects for civic culture and schooling - historical development of the European public consciousness, history of the country, family law and a foreign language of choice from the specified French, German or English.

In December 1936, the Ministry of Popular Enlightenment granted the school the status of a semi-higher school. This act reflects not only the assessment of the quality of the educational movement, but also the recognition by the government of the need for appropriate education and qualification of social workers.

The social work students conduct their practical training in: public assistance institutions; public assistance agencies managed by municipalities; industrial establishments with a predominant number of women; police directorates in the departments of care for the public moral and work with children and young girls at risk; schools and pedagogical polyclinics for a social research of students with mental disabilities.

Through the education of specialists in the field of social assistance (primarily women) in the Higher Social School in the 1930s and 40s of the 20th century, the foundations of both the education and professionalization of the social work in Bulgaria were laid. This creates the conditions for institutionalizing the name of the profession - social worker - and its introduction into the practice of the social services through the unit and activity of the social counsellors. The separation of the professional field of the social work during this period is carried out in two directions:

- taking into account the integrative links with close scientific and professional fields (social medicine, sociology, law, pedagogy) and at the same time highlighting the specificity of the new professional activity and the field in which it is carried out;
- separation from charitable social assistance activities, such as informal and non-relying on special vocational education and training, but at the same time representing some of the important actions and directions with which the public assistance actively partners and relies on its resources to solve the problems of those in need.

Throughout the analysed period, religious, national and international humanitarian organizations and associations have contributed to the training of assisting professionals by preparing their own volunteer associates for charitable and social institutions work.

Leading in this path are the Child Protection Union, the American Middle Eastern Association and the church.

The development of the social work profession and the related to it education has been supported through the publication of periodicals. After the adoption of the Ordinance-Law on Public Assistance from 1934, begins the publication of the magazine "Public Assistance" – official publishing body of the Ministry of Interior and public health and the magazine "Public Support" – published by the Union of Public Support. The radio and cinema screenings feature sections on social topics that inform the public and have a motivating impact.

Discussion and conclusions

The analysis of the initiatives implemented by the government in the field of social legislation and social policy in Bulgaria during the period 1934 - 1944 reveals the active role of the country in relation to the creation of the necessary normative basis, the organization and realization of public assistance. At the same time, public and charitable organizations defend the rights of the vulnerable groups in the community and fight for social, and legislative changes. The Bulgarian Orthodox Christian Church is also active in those years.

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

Important normative acts have been adopted relating to public assistance, employment and free medical care of the poor, social security, raising and educating illegitimate children and adoption of children, care for orphans, establishing courts for minors, etc. The assistance provided is based on a certain system of criteria, with a significant place in the fund-raising in the public assistance for financing and co-financing social activities at regional, district and municipal level. In almost all municipalities, social establishments are opened in accordance with the needs of different target groups. Orphans, children from poor families, people with disabilities, the elderly, poor unemployed and poor ill people take priority. The placement of orphans in families is legally and methodically established, thus laying the foundations for foster care in Bulgaria in accordance with the experience in European countries and the USA. The state is beginning to devote great importance to the education and qualification of social workers as an important prerequisite for the implementation of quality public assistance. An expression of this position is the granting of the status "semi-higher school" to the established by the Bulgarian Women's Union school for training social workers. Despite the legally established centralization of the activities of charitable organizations and the limitation of their work, the Child Protection Union, Bulgarian Women's Union, Bulgarian Red Cross,

organizations of people with disabilities and others are highly active in the field of public assistance. Independently or together they open many social institutions for children and the elderly. The Bulgarian Orthodox Christian Church is one of the important subjects of the social assistance movement and the creator of a number of social and health institutions. Its prominent members are initiators of many initiatives to help those in need. At the end of this period, due to a change in political power and in the state government, the country transitions to socialist type of legislation and social policy. As a result, Bulgaria ends its European orientation in the social area and gradually moves towards a paternalistic type of state social assistance.

Conclusion

The actions of the state and municipal institutions for social assistance, of charitable and religious organizations and associations in the 1930s and 40s of the XX century present the general picture of the professional field of social work, its content and the process of professionalization and development. They are characterized by intensive integration of achievements and good experience in the practice and education in social work from the developed western countries, and at the same time the specific national image of the social work in Bulgaria is formed.

References:

1. Geraskov, M. (1942). Public Assistance and the Higher Social School. *Women's voice*, 8, 9 and 10, 15 March – 1 April 1942.
2. Kemanov, N., Vasileva, M. (1995). History of the Third Bulgarian State and its law (sources). Varna, 408-414.
3. Nunev, S. (2000). Foster care in Bulgaria. *Public education*, 2.
4. Petrova, R. (1942). Higher Social School Report. *Women's voice*, 8, 9 and 10, 15 March – 1 April 1942.
5. Popova, K. (2011). Municipal services and the incentives for women's initiative for charity and social work." *In gender and transition: 1938 – 1958*. Academic conference. Composed by: Krasimira Daskalova, Tatyana Kmetova. S., Foundation "Centre of women's studies and policies".
6. Popova, K. (2011). The building force to improve the health of the individual, the family, the society: The visiting nurses against child mortality and poverty, between the public health and the social work (1924-1935). *Balkanistik Forum*, Book 2.
7. Stoyanova, R. (2005). The new public assistance system and Sofia municipality (1934-1939). Public Assistance and social work in Bulgaria. *History, institutions, ideologies, names*. Blagoevgrad, University Publishing House "Neofit Rilski". Retrieved 2019, from <http://www.history.swu.bg/soc.htm>
8. Tsankov, S. (1939). The Bulgarian Orthodox Church from the Liberation until present times. *Yearbook of Sofia University*. Faculty of Theology, tome 16.
9. Yanulov, I. (1935). Public assistance in Bulgaria. *Public assistance*, 1(1).
10. Yanulov, I. (1938). Social legislation in Bulgaria. S., Economic development.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

11. Yanulov, I. (1939). Development of the social legislation in Bulgaria. *Yearbook of Sofia University*, Faculty of Law, XXXIV, Sofia.

12. Yanulov, I. (1942). Law on Public Assistance – principles, organization, financial sources. *Proceedings of the Bulgarian association for social progress*, 3-4.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Irina Leonidovna Vishnevskaya

IP.Pravovaya information and services

Subject image of forensic examination, Russia

Vishnevskaya4@gmail.com

ADAPTIVE CHARACTER OF CONTROL IN JUDICIAL EXAMINATION

Abstract: The article discusses the basic principles of the construction of the activities of forensic examination, interrelated with the assessment and control of expert opinion. The conditions for the production of opinions are disclosed, including state forensic activities and activities carried out by non-state experts. Control is represented as a single process in observing the basic principle of the activity of forensic examination through the independence of the expert, in the process of research and conclusions of the expert opinion. The basic criteria for the quality of forensic activity have been established, which determine its indicators in achieving a common goal. The analytical activity of forensic science, as part of the judicial process, determines its dynamism in the sphere of action of procedural requirements for legal proceedings. It seems that a unity of an adaptive nature in the basics of monitoring professional analysis and the results of forensic examination with respect to expert opinion is presented.

Key words: litigation, logistics in the system of planning and control, legal proceedings in the general system of quality control of judicial opinions, production logistics, as a basis for the main characteristics of the quality of the activities of forensic examination.

Language: Russian

Citation: Vishnevskaya, I. L. (2019). Adaptive character of control in judicial examination. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 356-359.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-74> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.74>

Scopus ASCC: 3308.

АДАПТИВНЫЙ ХАРАКТЕР КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация: В статье рассмотрены основные принципы построения деятельности судебной экспертизы, взаимосвязанные с оценкой и контролем экспертного заключения. Раскрываются условия производства заключений, включающих государственную судебно-экспертную деятельность и деятельность, осуществляемую негосударственными экспертами. Контроль представляется, как единый процесс в соблюдении основного принципа деятельности судебной экспертизы через независимость эксперта, в процессе исследований и выводов экспертного заключения. Установлены основные критерии качества деятельности судебной экспертизы, обуславливающие ее показатели в достижении единой цели. Аналитическая деятельность судебной экспертизы, как часть судебного процесса обуславливает его динамичность в сфере действий процессуальных требований к судопроизводству. Представляется единение адаптивного характера в основах контроля профессионального анализа и результатов деятельности судебной экспертизы относительно экспертного заключения.

Ключевые слова: судебный процесс, логистика в системе планирования и контроля, судопроизводство в общей системе контроля качества судебных заключений, производственная логистика, как базис основных характеристик качества деятельности судебной экспертизы.

Введение

Контроль качества проводимых исследований в рамках судебной экспертизы объединен принципами, изложенными в статье 4

УДК 34.037

Закона о государственной экспертной деятельности (№ 73-Федерального Закона от 31.05.2001 года): законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Исследуя основополагающие принципы построения деятельности судебной экспертизы, дифференцируется основной принцип действия это объективность.

Деятельность судебной экспертизы, очерченная правовым полем статей 4 и 41 73-Федерального Закона от 31.05.2001 года, разделяет понятия государственной судебной экспертизы и деятельности, осуществляемой негосударственными экспертами-специалистами.

Materials and Methods

Излагая смысловую часть требований статей Федерального Закона, а также, понимая экспертную деятельность, как часть судебного процесса, определяется основной критерий контроля качества экспертного заключения это объективность. Объективность, определяя основу качества, оценивается по следующим показателям: установление истины, путем применения научно обоснованных методов исследования, отсутствие приверженности к одному из возможных вариантов решения, характеризующих беспристрастие [1, с.54].

Судебная экспертная деятельность, является составляющей судебного процесса и конечной целью является установление истины. Следовательно, законность и обоснованность, выступают как необходимость и достаточность, сформированного справедливого решения. В результате, контроль качества деятельности судебной экспертизы, устанавливает качество работы судопроизводства в целом.

Экспертное заключение должно отвечать нормативно-правовым требованиям, соблюдаться законность, не вызывать сомнений, исключающих не достоверность исследований, быть категоричным, отсекающим предположения, объективным, отражающим только реальные факты или скрытые, но доказанные. Беспристрастность, являющаяся гарантией объективности экспертного заключения, в отличие от других факторов представляет личную характеристику эксперта [8, с.42].

Принимая во внимание среду и условия производства экспертиз, необходима адаптивность характера контроля, единой целью которого является беспристрастность эксперта, без которой невозможно соблюдение закона, профессиональной этики и приверженности здравому смыслу.

Беспристрастность, как решающее свойство объективности судебного процесса и судебной экспертной деятельности включает наличие профессионального уровня, компетентности эксперта в области знаний, опыта и образования.

Осуществление контроля судебной экспертной деятельности сводит к минимуму риски отмены решений вышестоящим судом. Обращаясь к производственной логистике, присущей также к производству судебных экспертиз, определяется контроль качества, предусмотренный действующим законодательством Российской Федерации, в части [2, с.45].

Следуя требованиям статьи 13 № 73-Федерального Закона от 31.05.2001 года для государственных экспертов, определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующего уполномоченного федерального государственного органа.

Статьей 41 № 73-Федерального Закона от 31.05.2001 года предусмотрены требования, предъявляемые к не государственным экспертам, в составе статей предусмотрены права и обязанности эксперта, образование, процессуальные знания. Квалификационные требования, выступающие гарантом качества выдаваемых заключений для негосударственного эксперта является стаж профессиональный, послужной список занимаемых должностей по профессии, стаж экспертной работы. Негосударственный эксперт должен соответствовать, назначаемой судьей в определении суда должности.

Только профессиональный специалист с базовым образованием или ученой степенью, имеет возможность апеллировать научными, практическими и теоретическими знаниями, складывая их в звенья цепи логических размышлений, определяющих основу выявляемых доказательств, применяемых в судопроизводстве [10. с.64].

Получая аванс доверия суда, с выверенными процессуальными действиями, в части предупреждения по соответствующим статьям УК и УПК осуществляется контроль деятельности негосударственного судебного эксперта.

Ведущий принцип в деятельности судебной экспертизы, как объективность, обуславливает независимость судебного эксперта, определяет непосредственные действия эксперта. Для государственного эксперта эти действия устанавливаются руководителем экспертного учреждения, что противоречит требованиям статей № 73-Федерального Закона от 31.05.2001 года, поскольку эксперт несет персональную ответственность в рамках судебного процесса.

Судебно-экспертная деятельность, образованная в том числе, и свойством верифицируемости, обуславливает контроль ее конечного результата, которым является

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

экспертное заключение. В обязанность эксперта входит подробное изложение динамики исследований их результатов и обоснованных выводов в заключении. Изложение в письменном заключении эксперта хода исследований, как и расчетов, на основании которых сделаны выводы, должно быть воспринято и проверено заинтересованными органами и лицами. Данная характерная черта судебно-экспертной деятельности, позволяет осуществлять контроль достоверности полученных результатов исследований.

Экспертная работа, отличаясь индивидуальным характером труда и производством исследования, выполняется специалистом, которому она поручена и который занимает процессуальное положение эксперта. Следовательно, судебно-экспертная деятельность, посредством субъекта (эксперта), подлежит контролю во взаимодействии с участниками судебного процесса [6, с.38].

Деятельность судебной экспертизы, определенная умственной операцией и развитием соответствующих действий аккумулирует абстрагированные и обобщенные объективные отношения, характеризующие предметные условия действия. В результате самостоятельного образования, данные действия преобразуются в единую материальную форму, которая наряду с другими организованными действиями включает и контроль. Таким образом, осуществляется адаптация системы в целом, и как следствие, происходит оптимизация управленческих решений. Организующая активность, являясь логико-мыслительным и эмоционально-психологическим процессом завершает цикл деятельности судебной экспертизы. [3, с.24].

Принцип независимости судебного эксперта не только не исключает контроля качества проводимых им исследований, но и представляет предусматривать соблюдение остальных, составляющих основу деятельности судебной экспертизы принципов, согласно статье 4 № 73-Федерального Закона от 31.05.2001 года. Требование статьи 5 Закона о государственной судебной экспертной деятельности, также распространяется, в соответствии со статьей 41, для осуществления деятельности вне судебно-экспертных учреждениях [5, с.98].

Осуществляемый контроль качества экспертных заключений определяется в соблюдении законности при осуществлении судебно-экспертной деятельности, являющейся ее правовой основой. Нарушение закона при осуществлении судебно-экспертной деятельности недопустимо и влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Важнейшей составляющей в контрольной части экспертной деятельности является согласование имеющихся показателей взаимоотношений с участниками судебного процесса, подготовки дела к исследованию, проведения исследования, рецензирования. Гарантом качества судебного производства определяется действие суда, судебных органов, в самом начале судебного разбирательства, при назначении судебной экспертизы, в соответствии со статьей 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. При назначении экспертных исследований суд руководствуется наряду с запросом о возможности производства того или иного вида исследований, сведениями об эксперте, включающими данные о его компетентности, профильное образование, надлежащая квалификация, стаж экспертной работы и работы по профессии.

Достаточная квалификация специалиста, судебного эксперта, отвечающая требованиям профессиональной деятельности, обуславливает основу гарантии качества судебного заключения, как и судебного процесса, в целом, поскольку конечной его целью является объективное и справедливое решение суда. Независимо от того, проводится судебная экспертиза государственным или негосударственным экспертом, ее результаты оформляются в виде заключения [4, с.37].

Эксперт, являясь государственным или негосударственным, в любом случае предупреждается об ответственности по статье 307 Уголовного Кодекса Российской Федерации, за дачу заведомо ложного заключения в гражданском судопроизводстве, так и по статьям 57, 204 Уголовно Процессуальном Кодексе Российской Федерации.

Обязанности эксперта, предусмотренные статьей 16 №73-Федерального Закона от 31.05.2001 года включают ответственность за объективность достоверность и обоснованность экспертных исследований (статья 8), что обуславливает контроль доводов эксперта, приобретающих доказательственное значение. Исключительно в рассмотренных условиях заключение может являться полноценным доказательством и использоваться в гражданском и уголовном судопроизводстве для формирования устойчивой доказательной базы. Контроль качества подготовленного экспертного заключения в условиях работы государственных экспертных учреждений осуществляется в соответствии с требованиями статей 12, 13 №73-Федерального Закона от 31.05.2001 года. В данных условия эксперт является должностным лицом, квалификация которого согласно его должности требует периодической аттестации.

Эксперт, ограниченный должностными обязанностями находится в подчинении и

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

исполнении поручений руководителя, заинтересован в собственном росте, поскольку он осознает общественно-социальную значимость судебной экспертной деятельности. Результатом осознания является глубокое изучение и постоянное совершенствование своих профессиональных знаний, расширение общего кругозора, овладение методами и средствами экспертного исследования, включая инновационные подходы и решения [7, с.78].

Из судебной практики следует, что зачастую нестандартные экспертные задачи, необходимые суду, разрешаются негосударственными экспертами, поскольку учреждения выполняют однотипные, подобные исследования, кроме того, в организации присутствуют другие виды деятельности, что значительно увеличивает сроки выполнения экспертных заключений, и затрудняет судебный процесс. Исключение составляет криминалистическое направление судебных экспертиз.

Conclusion

Экспертная деятельность невозможна без экспертной инициативы, что определяет

составляющие гарантии качества деятельности судебной экспертизы и развитие адаптивного контроля экспертных заключений [9, с.25].

Нормативные действия деятельности судебной экспертизы, распространяемые Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определенными статьями, являющимися общими для государственных и негосударственных экспертов, прежде всего, объединены единой системой судебного процесса, таким, как требования по соблюдению прав и свобод субъекта (Конституция Российской Федерации), принципы независимости, объективности, всесторонности и полноты исследований. Предусмотренный статьями № 73-Федерального Закона от 31.05.2001 года порядок составления и смысловой составляющей судебных заключений, включает понятие верифицируемости, что определяет дальнейшее развитие адаптивного характера контрольной деятельности в судебной экспертизе.

References:

1. Arsen'ev, V.D. (1964). *Voprosy obshchej teorii su-debnyh dokazatel'stv.* (p.179). Moscow: YUrid. Literatura.
2. Gal'perin, P.Y. (2000). *Vvedenie v psihologiyu.* (p.336). Moscow: Universitet.
3. Zinin, A.M., & Majlis, N.P. (2001). *Nauchnye i pravovye osnovy sudebnoj ekspertizy.* (p.205). Moscow: Izd-vo Mosk. akad. MVD Rossii.
4. Kajberg, G. (1978). *Veroyatnost' i induktivnaya logika.* (p.375). Moscow: Progress.
5. (2003). *Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennoj sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» ot 31 maya 2001 g.* / Pod obshch. red. Kashepova V.P.(Eds.). (p.240). Moscow: YUsticin-form.
6. Leont'ev, A.N. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lich-nost'.* (p.304). Moscow: Politizdat.
7. Mishchik, S.A. (2014). *Mathematical modeling system integrity-cycle of life activity – first goal pedagogometriki. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “European Applied Sciences” – 30.08.2014.* *ISJ Theoretical & Applied Science* 7(16): 77-79. Aix-en-Provence, France. doi: <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2014.08.16.13>
8. Rossinskaya, E.R. (2018). *Sudebno-ekspertnaya deya-tel'nost'.* (p.400). Moscow: Norma : INFRA-M.
9. Reshetova, Z.A. (2013). *K voprosu o mekhanizmah usvoeniya i razvitiya. Nacional'nyj psihologiche-skij zhurnal, № 1(9),* pp. 25–32.
10. Talyzina, N.F. (1984). *Upravlenie processom usvoeniya znaniy.* (p.345). Moscow: MGU.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Feruzakhon Karimova

The Academy of the Republic of Uzbekistan
a researcher, the Institute of the Uzbek language,
literature and folklore. Uzbekistan
kshferuza@mail.ru

DIALOGUE AS THE MAIN FORM OF SPEECH

Abstract: The article analyzes the history of researching the dialogue and ideas about it. Relationship of addresser and addressee in the dialogue has been learned. The characteristics of situational dialogues are revealed.

Key words: speech communication, dialogue, speech situation, speaker, listener.

Language: English

Citation: Karimova, F. (2019). Dialogue as the main form of speech. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 360-363.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-75> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.75>

Scopus ASCC: 1203.

Introduction

Although the origin of the dialects dated back to the time when mankind was given speech, its usage as a term goes back to ancient time. The earliest public speeches by Greek philosophers were dialogical. Historically, special missionary rhetoric and public speaking events have been organized. In this process, a live question is achieved through the clever use of subtle and feigned dialogues in response. One used with the help of heated speeches – monologue and dialogue as a means to lead the rhetorical masses behind them. The use of the term like dialogue first is associated with the name of Zenon who was a spokesman of the school called Eley. He first described philosophical issues through the dialogue form. Inspired by him, Platon, Socrate and Aristotel also wrote philosophical dialogues. Later, Ciceron, the well-known spokesman, was renowned for his dialogues like “Orator”(Orator), “Republic” (Respublika)and contributed to the spread of the genre. [13] His dialogues were particularly valuable and had their place among Greek philosophers. In Russian linguistics, L.V.Sherba and L.N.Yakubinskiy are the authors of the first scientific conclusions about the dialogue and monologue. Sherba gave this conclusion “... the language finds its identity in dialogue and the monologue is essentially an artificial form of language.”

In her work on Russian speaking, N.Yu.Shvedova outlined her views on Sherba and the

structure of monologues, in addition, he summarized three main features of the dialogue; 1) specific complexity in the compositional structure; 2) the focus is on the direct and indirect conversation initiator. 3) a wide range of topics in compact replicas.

Basing on the ideas of Sherba and Yakubinskiy Shevedova considered that monologue is “made up”, “recycled”. [12: 280]

He concluded that the forward theses of A.B.Shapiro are also “conversational speech is dialogue by its nature”. G.O.Vinokur disagreed that there must be an insistent limit between monologue and dialogue [5:277 - 278] and indicated the following features; complexity in the sentence formation, The focus of speech on not “outside”, but “inside”, the lack of addressee’s reaction, being around a relatively broad subject and infecting another replica. He sees the life of the monologue mainly in the scenario, dramaturgy.

V.V.Vinogradov also argues that the basis for the monologue’s distinction from the dialogues is its processing. [4:18-28] He explains from the oral form in the evolution of the monologue to the image of writing and divides the monologue into agitated, lyrical and informer types. Gelgard commented on the views of Vinokur and Vinogradov on the monologue and agreed with the idea of Vinokur that a strict boundary must not be drawn between dialogue and monologue. [6:132] We cannot disagree with this view. Dialogue and monologue are transitional

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

phenomena. He tried to prove that there was existence of addressee in the monologue, agreeing with “monologue in the form of dialogue” by Yakubinskiy, recognizing that the addresser and addressee in the dialogue are the main characters that distinguish it from the monologue. Yakubinskiy explained his aspiration for “monologue in the form of dialogue” with small correspondence, notebook notes, marking on the edge of a text. The owner of the monologue also says that the inner speech is in motion (response to someone else). He emphasized that there were also the listener’s controversial views in the oral and written monologues.

The following ideas about dialogue and monologue in the monograph like “Incomplete sentences in the modern Uzbek literal language” by A. Boboeva in the Uzbek linguistics.” ... dialogue and monologue are two related and interchangeable form of the speech. The speech elements in monologue may be kept in dialogue and in contrary, dialogic speech ones can be met in monologue. Our linguists are keen not to put strict limits on dialogue and monologue, in addition, they emphasize dialogue, focus more on dialogue than monologue. Gelgard used the term “the inner communication in dialogue” basing on his views about monologue. We also interpret the internal dialogue as follow.

For example:

Hayot qanchalar shirin! Uni tashlab ketishga odamning qanday qo’zi qiyarkin? Siz qanday tashlab ketdingiz uni, Nozim aka?! Eh, hali sizga aytadigan gaplarim ko’p edi!... Eh, hayot, bevafo, bebaho hayot, iztirobihg ham shunchalar lazzatliki, seni qanday tashlab ketib bo’ladi?! Siz qanday tashlab ketdihgiz uni, Nozim aka?! O’zing-chi, o’zing, endi qanday tashlab ketasan uni?!

H. Sultonov. On a wonderful day.

In this example the speech is addressed to Nazim, but in the same speech he is not participating and the addresser (speaker) monologically expresses his attitude to the subject, reflecting the response to the addressee. In this example the communication between the speaker and the listener is optional or the speech of a particular interlocutor in the dialogue may be monologue-like.

Another example:

Bir borganman uyiga ketdik-ey! Biz ham umrimizda biror marta ko’nglimiz buyurgan ishni qilaylik!

“Rost aytadi, deya armon bilan dilidan o’tkazdi Sulton umr bo’yi o’zgalarning ko’ngliga qarab keldim, o’zimning ko’nglimga qarashga zarracha fursatim bo’lmadi”.

Mana, endi fursatim yetdi deganimda!

H. Sultonov. On a wonderful day.

In this dialogue although the next speaker’s speech is in the form of monologue, the speech emerged in response to the first one. This can be also seen in the form of the expression “It is true”. That is

to say, the next sentence was made in the form of monologue only by the reaction of the addressees.

Consequently, dialogue and monologue are two types of speech that intersect with each-other.

Let us take a look at the general definitions for the dialogue.

“The direct speech of interlocutor in “the explanatory dictionary of linguistic terms” . This type of speech has a number of character traits. For instance, its syntactic formation is simple. Every person’s sentence is usually short and so on.” [11:33] H. Mahmudov expressed his opinion about this issue in his primary research. “... Dialogue is comprehended as a communication about the general topic between two or more people” [8:72] It was also written in the research of Boboeva “... a pair of two components that are usually interconnected constitutes a dialogue.” [3:39]

It is clear that the authors considered that the bases of the dialogue two or more people, the general topic, the features in the syntactic formation.

The description of O.C.Axmanova is also the same as the abovementioned ones.

“Dialogue. A form of the speech. Each sentence is addressed directly to the interviewer and is spoken within the context of the topic. Dialogue is characterized by a relatively short and simple syntactic structure.” [1:132]. Differentiating the usual dialogue she said that its inner type is “the figure of the speech”.

Basing on the ideas abovementioned about the dialogue, we discovered the following main marks.

1. A speaker and a listener or addressee and addresser
2. The process of the speech
3. The general topic

We have not discussed about the form of monologue again. So, in our opinion, dialogue is the primary one and monologue has to keep dialogue elements in all conditions because everything has two sides. In other words, the presence of the speaker indicates this of the listener. If it had not so the speech process would not have occurred either verbally or written without addressee and addresser. In the conversation a person’s speech refers to a certain listener and addresses to someone. In the last years the term “discuss” have been used together with dialogue. A number of ideas were expressed about the dialogue discuss in the research of Sh.Safarov, L.Raupov, G.Toirov, M.Kurbonova. As a first researcher Sh. Safarov conveyed discuss “as a process of the speech conversation”. [9:223] Raupova and our linguists may be said to use the viewpoints of Sh.Safarov as an example.

It is clear that the person who has a question must begin the speech in the dialogue. The addressee that forms the answer to the question in the conversation makes the subject of the conversation in most cases. The interviewer’s questionnaire gives the possible

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

answers that surround the subject and drives the conversation in a certain direction. Having observed this case Gelgard said that dialogue is in a certain form, in other words, responding to interest. What is said for benefit comes from the expression and evaluation of something. Relationship depends on how the speaker evaluates the situation. The content of the second interlocutor's response indicates that he is trying to understand the situation, trying to put himself in a more balanced position or feeling inclined to try. Dj. Serlning, the American linguist, called this case as a speech intensity in his theory about the speech statement. [10:151-169]

Let us the following example:

-Manaviniyam qoldirdi,-dedi qorovul chol qora muqovali qalin kitobni uzatib.

We can know what is the word "manavi" in the line of the sentence with the help of the speech situation in this case. The existence of a line of the sentence except for the speech situation, context is unlawful. It has no value beyond the situation, that is, outside the situation. Apparently, the meaning of the word is realized in a speechless manner and performs a specific communicative function. We get information about the book through a speech situation. In such cases it is impossible to have a dialogue without speech. N. Mahmudov used the term like "situational ellipsis" about it. By the nature of dialects it is a phenomenon that embodies compactness, sophistication and charm.

One of the characteristic features of the dialogues is formality and meaningful pressure and the observations show that the interlocutor's knowledge of each other can lead to a diminished vertical side of the general conversation. Kinetic expressions tend to go forward.

Example:

-Sulton aka?- do'rildoq tovush telefon trubkasini zirillatib yubordi.

"Abdulla! Qayerdan bildi? Obbo!"

-Salom,-dedi dovdirab.

-Sulton aka, o'zingizmisiz?- Bu safar jiyaning ovozi hiyla ishonchli eshitildi.

-O'zim, Abdullajon.

-E, yashang-e! Shunaqa bo'ladimi! Ayting, bizning gunohimiz ne?

H. Sultonov. On a wonderful day.

This conversation made the dialect like a brief overview according to participants' proximity, intimate and sighs of respect. A full verbal expression of the dialogue without the above characters would be as follows.

-Allo,

-Allo,

-Assalomu allaykum!

-Assalomu allaykum. Sulton aka kerak, sizmisiz?

-Menman. Siz kimsiz?

-Abdullaman.

-Qachon keldingiz?

-Kecha keldim.

-Nega xabar bermadingiz?

-O'zim.

-Xafa bo'ldim. Yashang-e, shunaqayam bo'ladimi! Ayting bizning gunohimiz ne?

In the example, we can see that the feelings of the cousin caused the process of the communication to become more compact. Sh.Balli said so about the role of the sense. "The role of the word in the sentence decreases proportionally to increased role of the sense." [2:351]

Another example:

Yuzi shishinqiragan, qo'zlari ich ichiga cho'kkan, ko'ylak shimi g'ijim bir kimsa, Ramazon!

-Ha?!- dedim hovliqib, tahluka bilan.

-Keldim.

-Qanday? Hali, hali... vaqt bor-ku?!

The first interlocutor's (a friend of Ramazon) line of the sentence consists of a word-sentence in the meaning of a question - astonishment like "Ha?!" The meaning of the word is the same the followings "What are you doing here? Were you in prison?!"

The question must not ask in this way. The questioner expresses his intention in a word-sentence "Ha" because there is the speech situation (the sighs which indicates the common spiritual-social situation of the interlocutors) in the abovementioned sentence. Such closed content was referred by G.P.Grays, the logicist and linguist with the term "implication". [7:219-220] Implicit expression (closed) is the opposite of exploitation (open) expression. The former ones add charm, eagerness and desire for meaning to the lines of dialogues. It makes the listener be attentive and vigilant. This causes the dialogue to be lively and real. The word "implication" means like "connection, communication" in English. This process refers to the meaning that comes through the common knowledge that is known to the participants in the dialogue. Such anonymous, gesture-based interviewing takes place in the same group, in general business, with inter-compulsive, voluntary interlocutors. They are united by common goals in a common "scenario". At the same time the togetherness in the dialogue, the speech steps of those who work for the common purpose remind us of travelers seeking a destination through the common road. Each "traveler" has a specific and common purpose that becomes clearer in the communication process. Obedience to the principle of commonality is a prerequisite for becoming a participant. It reminds us the wise expression of our Uzbek people like "We are in the same ship". The mental and spiritual unity of the participants brings a closer "address", opens the way for new "addresses" Otherwise, a failed communication occurs. People are moving away from each other.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHII (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Axmanova, O.S. (1966). *Slovar lingvisticheskix terminov*. Moscow: Sovetskaya ensiklopediya.
2. Balli, Sh. (1961). *Fransuzkaya stilistika*. Moscow.
3. Boboyeva, A. (1978). *Hozirgi o'zbek adabiy tilida to'liqsiz gaplar*. Tashkent.
4. Vinogradov, V.V. (1963). *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika*. Moscow: Izdatelstvo Akadem nauk.
5. Vinokur, G.O. (1959). *Izbranniye raboti po russkomu yaziku*. Moscow: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskogo izdatelstvo.
6. Gelgard, R. R. (1971). *Rassujdeniye o dialogax i monologov. Sbornik dokladov i soobsheniy lingvisticheskogo obshchestvo. II. vip. I*. Moscow: Kalingrad.
7. Grays, G.P. (1985). *Logika i rechevoe obsheniye. NZL. Vip. XVI*. Moscow: Progress.
8. Mahmudov, N. (1975). Dialoglarda ellipsis. *O'ZBEK TILI VA ADABIYOTI, №5*.
9. Safarov, Sh. (2008). *Pragmalingvistika*. - Toshkent, O'zbekiston Milliy Ensiklopediyasi.
10. Serl, Dj. R. (1986). *Chto takoye rechevoy akt. Novoye v zarubejnoy lingvistike Vip. 17*. Moscow: Progress.
11. Xojiyev, A. (1985). *Lingvistik terminlarning izohli lug'ati*. Tashkent: O'zbekiston Milliy Ensiklopediyasi.
12. Shevodova, N.Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi*. Moscow
13. (n.d.). Retrieved 2019, from [www.http.hrono.ru/biograf/bio_z/zenoneleat.php](http://www.hrono.ru/biograf/bio_z/zenoneleat.php)

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Ochildi Kurbanovich Khatamov

Termez State University

Professor

o.xatamov@mail.ru

Shavkat Muhammadievich Ortikov

Termez State University

Lecturer

shavkatortiqov@mail.ru

USE FROM THE INTERNATIONAL EXPERIENCES IN EMPLOYMENT THE POPULATION IN UZBEKISTAN

Abstract: *The article analyzes the definitions of employment as an economic category. Models of employment and labor market regulation in industrialized countries are studied. The experience of these countries is illustrated by the possibilities used in reducing unemployment in the country and increasing the social employment of the population.*

Key words: *population employment, unemployment, labor market, employment programs, employment regulation models, foreign experience.*

Language: *English*

Citation: *Khatamov, O. K., & Ortikov, S. M. (2019). Use from the international experiences in employment the population in Uzbekistan. ISJ Theoretical & Applied Science, 11 (79), 364-371.*

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-76> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.76>

Scopus ASCC: 3300.

Introduction

Today the problem of employment of the population is one of the most important macroeconomic peculiarities of social and economic development of the society and plays a special role in the economy. The Strategy of action on five priority directions of development of the Republic of Uzbekistan for 2017-2021, initiated by the President of the country Sh.Mirziyoyev, also discussed the issues of "... further reducing the level of differentiation, creating new jobs, ensuring a balanced labor market and developing infrastructure, reducing unemployment".

The urgency of exploring the problems of employment in the context of structural transformations in the economy necessitates, first and foremost, the study of evolutionary approaches and conceptual approaches to this concept. The concept of socio-economic relations of this concept is expressed in various forms.

Therefore, it is important to study the existing models of employment and labor market regulation in developed countries. This knowledge will enable to develop scientifically based proposals and recommendations on their efficient use in Uzbekistan. It is also important that these models help address issues that are expected to reduce unemployment in the country and provide socially important employment.

Literature Review

There are many definitions of the concept of 'employment'. The scientific literature is often the concept of "employment" and "labor market" is considered the same. It gives an overview of the notion of a 'labor market'.

This definition has narrow and broad interpretations. In a broader sense, it is a socially useful activity that is linked to the satisfaction of the individual and social needs of citizens, and this activity generates a wage (income). In a literal sense,

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

it is a set of economic relations involving economic activities related to employment of citizens.

In a broader sense, the labor market can also be viewed as a system of social relations, social norms and institutions that provide for the use, turnover and reproduction of labor. As a result, there is a relationship between employment and the reproduction of labor potential in the labor market. In this context, the economist D.A. Artykova considers the creation and functioning of the labor market as an important element of maintaining and supporting employment in a market economy [Artykova, 2005].

A. Smith, who represents the classical theory school, states in the book "Studies on the Nature and Causes of the Wealth of Nations" that employment is determined by people's economic interests and aspirations [Smith, 1993].

Academician K.Kh.Abdurahmonov describes "Employment is the activity of citizens connected with the satisfaction of their personal and social needs that do not contradict the legislation, providing them with wages and income" [Abdurakhmanov, 2009].

According to A. Ulmasov and A. Vahabov, "Economic employment is the key to employment for those who are able to work and who want to work" [Ulmasov and Vahidov, 2014].

A.G. Gryaznov refers to employment as a set of economic relations related to employment and participation in economic activities. In his view, employment represents an economically active population that is concerned with the production of material factors. Employment demonstrates the main production and consuming forces of society [Shuvaeva, 2011].

V.A. According to Pivlenkov, employment is the citizens who have reached the age established by law and are currently engaged in activities that bring in material or monetary benefits [Pivlenkov, 2004].

E. Sarukhanov gives a different definition. Employment is the socio-economic relationship in which employees participate, that is, they perform human activities in the production and improvement of material goods [Sarukhanov, 2001].

According to L.A. Kostin, employment is a universal economic category that is common to all economic formations. Employment is the social interaction of working people [Kostin and others., 1997].

Employment by E. V. Shuvaeva is the most important element of the system of labor relations. At the same time, its universal character differs from that

of the others. This is because it is characteristic of voluntary production and is an essential factor in the development of productive forces. Employment was formed long before the emergence of the hired labor force or the labor market [Shuvaeva, 2011].

Employment as a complex socio-economic phenomenon that is emerging as an important component of social production, ensures the formation of the main productive forces of society as a social relationship that provides the population with jobs and at the same time sufficient living standards [Kholuminov, 2016].

It is understood here that the need used by the author is not a tool, but labor is not the sole purpose of man, but the need for things to live perfectly. Human work to get the goods he needs.

Research methodology

The methodology of present research based on the results of previous studies of domestic and foreign researchers on employment theory, as well as decrees and resolutions of the President of the Republic of Uzbekistan on employment and welfare improvement. At the same time, the study of the peculiarities of employment patterns in developed countries can be a powerful impetus for the successful implementation of employment policy in Uzbekistan. In this regard, the methodological aspect of this study is the substantiation of the ways in which the ideas of innovative development in our country are implemented.

Analysis and Results

Researchers draw on several models of employment promotion policies in industrialized countries based on the relationship between economic growth rates, employment, and labor productivity. In particular, the researchers identified five types of employment and labor market regulation: the American model (USA), the Scandinavian model (Sweden, Finland, Denmark, Norway), the Anglo-Saxon model (UK, Canada, Ireland), the continental or German model (Germany, Austria, Belgium), Netherlands, Switzerland, partly France) and Japanese models. However, some researchers classify countries differently, for example by not integrating the American model into an Anglo-Saxon model [Drujinina, 2014]. Some researchers study countries by dividing them into three models (American, Scandinavian, and European) [Novikova, 2003]. Below we will introduce these models (Figure 1).

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

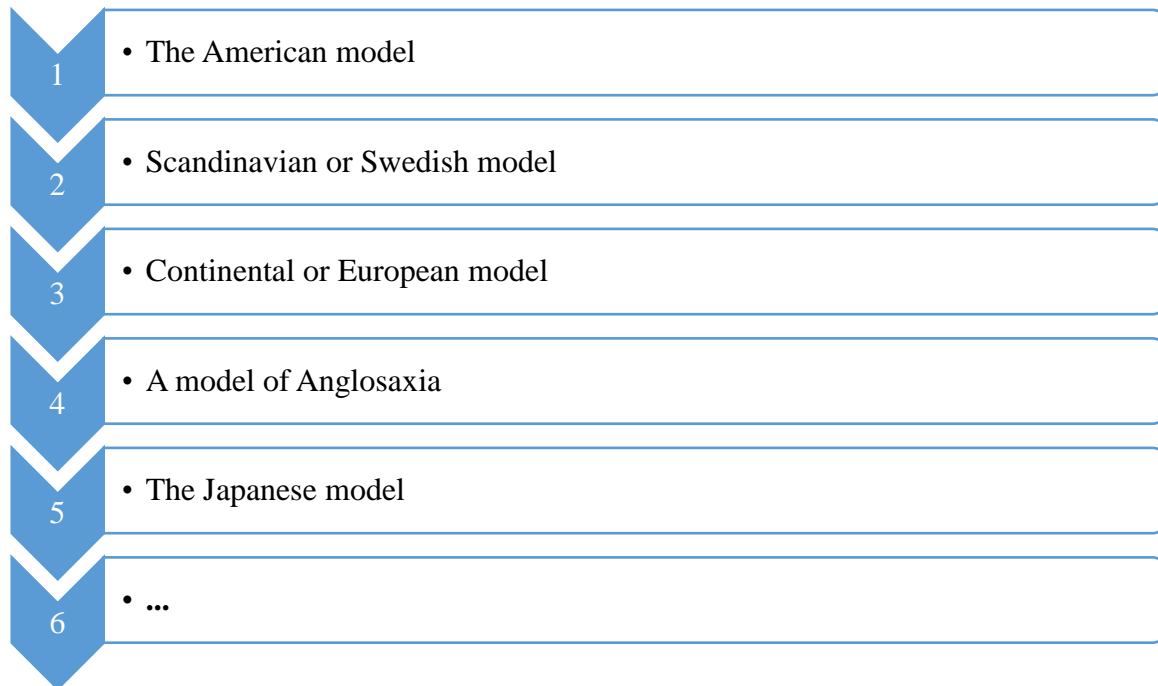

Figure 1. Foreign countries' models of increasing employment¹.

1. The basis of the American model is the social-labor relationship of subsidies, employee achievement, and self-expression. This model is based on the decentralization of the labor market and the legitimacy of employment and social security; high level of control by the employer over the hired worker; high geographical and professional mobility of workers; is characterized by relatively high unemployment. Professional careers are primarily associated with workplace change, therefore this model characterized by the higher mobility. Salaries are depend on the specialty and complexity of work, shifts in service are not usually related to the expansion of professional profile. Great attention is paid to the issues of professional orientation. Universities and colleges have special training centers and private agencies. Under the US Department of Labor, more than 1,200 state-run vocational and career centers operate, with more than 1 million young people passing through them every year. As a result, the cost of specialist training is reduced by 30-40%, with one dollar invested in occupational selection tests providing a thousand dollar economic benefits [Zaitseva, 2003].

It is well known that the United States is traditionally a country with extremely high unemployment. Its rate is well affected by frictional unemployment. This can be explained by the fact that in a broad and dynamic labor market, workers are actively changing not only their workplace but also their specialty. For example, every year 10% of

workers in the country change their profession. In addition, this country has for many years been at the forefront of global employment creation. These factors allow the population to perceive unemployment as a widespread phenomenon rather than as a threat. Because in the US, often unskilled or unskilled workers are unemployed, the jobs created for them are of lower quality.

The main focus of modern US employment policy is to improve the quality of jobs in terms of higher wages, to provide future career growth, and to maintain and increase jobs.

US policy is primarily aimed at promoting employment growth and job creation, training, and retraining of workers, and assisting the hired labor force.

European countries and the US have accumulated sufficient experience in establishing and operating regional development agencies that contribute to addressing employment issues.

One of the common forms of regional development agency is the state investment corporation. Its focus is on concentrating public investment in urban development, with the city having a positive economic and social impact on the remaining peripherals.

2. The Scandinavian or Swedish model is based on three principles:

- achieving full employment of the working population;

¹ Compiled by the authors.

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

- provision of social guarantees to the population;

- ensuring equal opportunities for prosperity.

As is known, economic policy in Sweden is aimed at limiting the excess of companies' profits, and the country has a developed system of vocational training and retraining for both the unemployed and the employed. In this way, regional and professional mobility of the workforce is encouraged. Sweden's experience in this field is unique. In the Swedish labor market, restrictive (fiscal) policies are formed based on the elements of economic growth in the form of incentives and selective employment [Belous, 2006 and Drujinina, 2014]. It has been recognized that the traditional strategy for creating full-time employment will inevitably lead to higher inflation and higher wages.

The Swedish model is characterized by an active state employment policy that minimizes unemployment. The peculiarity of this model is not to deal with the consequences of unemployment but to warn the unemployed. The Government of the country pays great attention to social policy, including the development of measures to create 70% of the funds, mainly to create new jobs in the public sector of the economy; coordination of migration and workforce by providing subsidies and loans for families to move from vacant areas to vacant areas; ensuring prompt access of the population to information on available vacancies; professional training and retraining of unemployed or at risk of loss of employment.

Full employment will be achieved by doing the following:

- restrictive fiscal policy. This policy is aimed at supporting low-income businesses and stopping the profits of high-income firms to reduce inter-firm inflation in wage growth;

- work on "Solidarity Policy". This policy is intended to provide equal pay for equal work regardless of the financial capacity of a firm. This results in low-profit (low-income) businesses reducing their workforce and stopping or restructuring their activities, while high-income firms are limited to salaries that are below their ability;

- active policy on support of the labor market for the employees with weak competitive ability. Entrepreneurs receive many subsidies for this;

- support for employment in sectors with low economic activity but providing social solutions.

About 3% of GDP and 7% of the budget are spent on activities related to employment policy implementation. This is one of the successes of ensuring full employment in Sweden.

The Swedish labor market and employment policy as the following:

- promotion of competence and competence strategies;

- ensuring efficiency and flexibility in the labor market;

- prevention of discrimination in human cases with the need for specialties;

- activities aimed at achieving equality between men and women in the labor market.

This is done through the implementation of employment programs, vocational rehabilitation and training, that is, the active labor market program and the control of employment insurance. The following four programs can be distinguished:

- stimulating the demand for workforce and increasing employment;

- impact on the supply of labor force;

- support for persons with disabilities;

- assistance with unemployment funds

The purpose of the labor force and employment promotion program is to support the demand for workforce in unforeseen circumstances. They offer temporary employment to the unemployed and small production experience. This facilitates their search for a job in the open labor market or provides the basis for their choice of vocational training. Such programs include individual subsidies, start-up subsidies, district 20-year programs for youth, computer workshops and centers, temporary job creation programs for adults, and resource programs.

In Sweden, programs for supporting people with disabilities are widespread. These programs provide disability benefits and compensation for employers to cover the costs of creating workplace conditions for people with disabilities. Swedish law sets strict requirements on employers regarding employment. State monitoring is established to eliminate discrimination. Finland and the Netherlands have criminal penalties for women's labor rights. In general, high Scandinavian countries have achieved high levels of employment and a normal birth rate.

The current Swedish Law on Equal Opportunities for Men and Women (1991) provides for an obligation on the part of employers to ensure equal distribution of jobs between men and women. This means that in an enterprise with a disproportionate proportion of men and women, the employer must additionally hire people of the same gender.

This model is designed to create jobs in the public sector with average, satisfactory wages and working conditions for the total workforce. The downside of this policy is that it is implemented exclusively at the expense of public funds, but limited or reduced funding can lead to declining production and a sharp decline in jobs.

3. The continental or European model, like the Swedish model, is based on reducing the number of employed people in employment increases and income increases. That is why the issues of employment and unemployment are given priority. This is due to the government's awareness of the labor market situation and its socio-political nature, especially the presence of many migrant workers,

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

creating competition for local workers. This event in France is aimed at streamlining, in particular, the implementation of the New Services - New Jobs Program. Among other measures, the state provides young people with up to 80% of the cost of their jobs to create new jobs. The system of French employment policy implementation is also noteworthy. Employment issues are addressed not only at the state and regional levels, but also at the sectoral level [Belous, 2006].

The German (or neoliberal) employment model is based on an active employment policy - the state encourages all producers (employers) to create new jobs, but also maintains the existing level of employment in the modernization of enterprises, giving incentives to enterprises that avoid mass layoffs.

Such a policy would require the creation of a costly retirement system for the growing number of unemployed. The negative consequences of this policy are long, unstable unemployment and the associated social, financial and economic costs.

In Germany, the bulk of subsidies are directed to cooperatives established on the basis of bankruptcy enterprises of unemployed people who have some knowledge but do not have the skills to do business [Tulenkov, 2004].

Applying the positive experience of organizational management in Germany to the basic principles of employment regulation will reduce unemployment by creating new jobs and will provide dual effect, as well as economic and social development. First, new competitive products will be created, and secondly, unemployment and social tension in post-Soviet countries will decline.

4. The Anglo-Saxon model assumes a high passivity of the state in the provision of social services, the passiveness of the state in employment policy, the proportion of private enterprises and public organizations. As the UK-based labor regulations were first introduced by the United Kingdom, let's look at their common course historically.

Former British Prime Minister Blair points out that statistics are a bad assistant in helping his colleagues create new jobs. In his view, employment is a personal problem, and calculations and figures cannot help a unemployed find his or her own place in life.

In the mid-1930s, a National Council for Economic Development was established in the country to follow the recommendations made by JM Keynes to the British Government. In order to pull the economy out of the recession, Caines proposed artificially using public expenditure as a sound government intervention, such as building roads, developing new territories for job creation (public works), and so on.

One of the tasks of the National Council was to develop economic and social programs aimed at

ensuring the full employment of the labor force and improving living standards.

Currently, the modern employment model in the UK is impressive and effective. It has several interrelated blocks: the state of labor market and supply, the holistic system of vocational training and employment, the development of training and retraining programs to improve the competitiveness of women and youth in the human resources market, the development of targeted social work programs, and unemployment insurance. Fund development, development of social security system. In the UK, the institutional framework for the regulation of economic and social relations has a broad network of semi-governmental organizations. Employment and unemployment are handled by the Labor Commission, which acts as a consultant to the government. To date, the regulation of state-wide employment is carried out by the Department of Labor.

The UK's expertise in career guidance is noteworthy. The main coordinating body for professional activities is the Youth Employment Service, which has over 3,600 consultants and their assistants. Training in this field has been conducted in the UK since 1949.

In the UK at the beginning of 2016, the unemployment rate has grown to the minimum value (5.3%) over the past 7 years, while the number of employed has risen to a record value (31.2 million), indicating that labor market conditions have improved [Int. Lab.].

5. In the Japanese model, the labor relations system is based on lifelong recruitment and guarantees that employees will be employed until they reach the age of 55-56. This system of lifelong recruitment is a good basis for the growth of employers' material remuneration in the form of wages, bonuses, incentives and social payments. This is based on ensuring the sustainability of policies aimed at promoting a positive attitude towards work and encouraging a high-quality workforce. In recent years, the unemployment rate in Japan has been around 3-3.5% [Potpov, 2011].

Long-term use of employees in Japan, their professional development and training at the level of the firm, taking into account the composition of the workplace, the types of products manufactured, primarily the professional motivation of the employee within the firm, the positive effect on the work, high quality of work. nurture the approach. In this developmental model, an important sign of labor incentives and order is the development of all employees 'issues of increasing productivity and product quality and encouraging employees' initiative. They are encouraged by their attitude towards work and efficiency, rationalization proposals, long-term pay for one-on-one jobs, large retirement payments.

Entrepreneurs decide not to reduce production by reducing staff time, but by reducing working hours

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

or by transferring a certain number of workers to another enterprise upon agreement. In Japan in the 1980s, women emerged as managers as a result of the privilege of men at the top of traditional management, a process of "feminization" that began in the 50s of the last century and intensified in the 1970s. The following factors were influenced by women's labor activity:

- facilitation of women's household and childcare through electronic services;
- changes in attitudes and values towards family and family relationships;
- increasing the share of single women in the total number of married women;
- an increase in the number of divorces;

In our opinion, the Chinese model can be recommended as the sixth model. In China during the reforms of the second half of the twentieth century, there were two events that had a great impact on the employment of the rural population. First, the peasants were given independence in choosing their professions and in managing their businesses. Secondly, farmers were allowed to do business in the city. As a result, the first event raised \$ 125 million. provided employment in rural areas. The second one is approximately \$ 60-80 million. which led to the relocation of peasants from rural to urban areas. During the 23 years of reforms (1978-2001), the share of employed in agriculture fell from 70.5% to 50% of total employment [Wei, 2009].

The specifics of employment policy in China are as follows:

- strict regulation of labor in the public sector;
- absence of legal regulation in the private sector;
- low cost and excess labor resources;
- diligence of the population;
- political instability and authoritarian behavior;
- plenty of free economic zones.

China has long been in demand for skilled labor. The complex economic situation, the scarcity of natural resources, the inadequacy of the modern economic management system, all of which limit the opportunity for effective employment and have a significant impact on secondary employment.

Although China has taken steps to create a socialist market economy, it has revived the functioning of economic mechanisms in enterprises.

China's economic growth is driven by increased labor and investment, while labor productivity remains low. One of the reasons for this is the weak incentive mechanism of employees with high level of knowledge and skills, with good professional training and good working ability.

The country has not yet created a socio-economic environment that provides financial incentives for competence and creative attitude to work. The level of professional training of the population of any country is one of the most important indicators of the country's labor potential. In China today, this indicator is much higher than in previous years, but the use and development of economic resources is not sufficient to improve the efficiency of the national economy. In addition, the levels of qualification are not the same across regions and industries.

The existing mechanism of remuneration does not allow workers to fully realize their labor potential, that is, their qualifications often do not meet the requirements of global competition.

At the beginning of the 21st century, China faces a number of employment problems. In particular, the problem with all developed economies is the "aging" of the population, the tendency to decrease employment among young people, the shortage of specialists and so on.

As a result of the study and study of foreign employment experience, we propose the following model of employment and quality improvement (Figure 2).

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

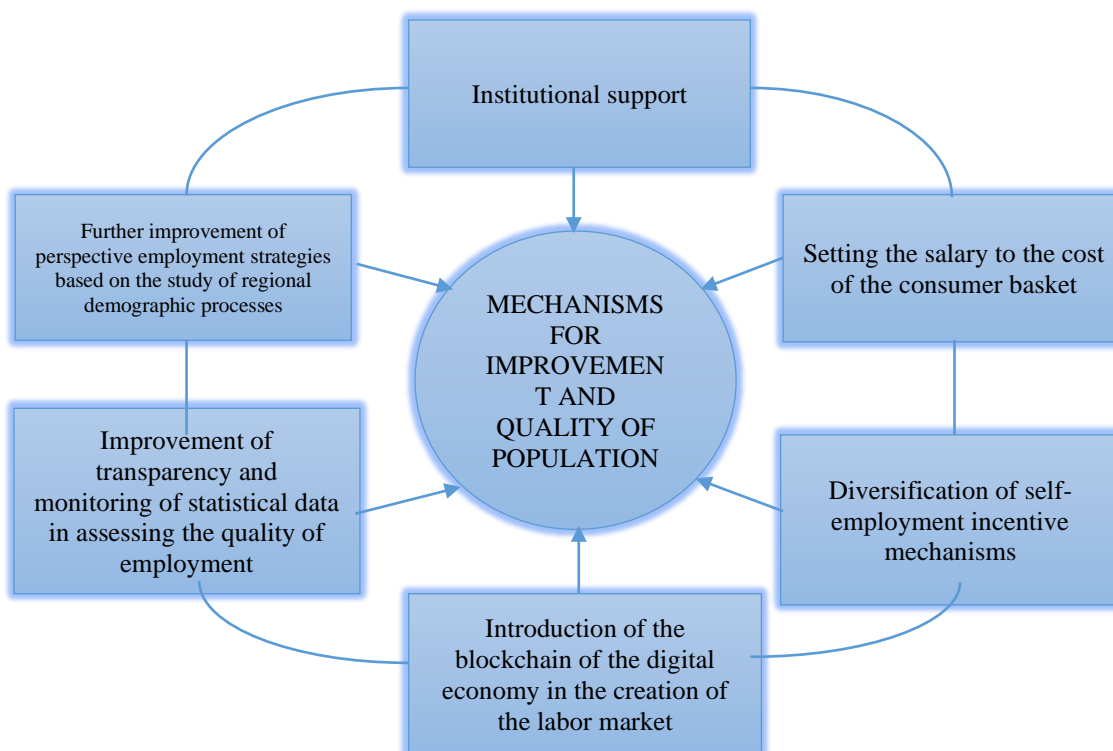

Figure 2. Model of employment and quality improvement².

Conclusions and Suggestions

In our opinion, the state policy in the area of job creation in our country should be developed on the basis of specific methods, such as foreign countries, to reduce unemployment and increase the social employment of the population.

We believe that it is necessary to take into account the following measures:

- encouraging government investment in the economy, which is a prerequisite for creating new jobs;
- tax incentives for entrepreneurs and small businesses when creating new jobs;
- stimulation of self-socially self-employment;
- Creation of conditions for stimulating investment activity in small business and family entrepreneurship, which is being studied in many countries as an important way of ensuring employment;
- vocational training, retraining and provision of information and consulting services to active job seekers for unemployed or at risk of loss of employment due to structural changes;
- gathering, analyzing and promptly referring to vacancies for the purpose of developing job centers and employment services that mediate the labor market, reducing unemployment due to frictional

unemployment and structural changes (information and consultation centers);

- Compensation of employers to cover the costs associated with the creation of working conditions for certain groups of the population - youth, disabled people and persons with disabilities;
- Creation of a social and economic environment that provides financial incentives for competence and creative attitude to work;
- Providing assistance to families in need of employment through subsidies and loans when needed;
- International cooperation in addressing employment issues, addressing international labor migration issues;
- creation of jobs in the public sector - education, health services, public utilities, public buildings and structures;
- organization of targeted public works and so on.

In conclusion, the study and analysis of foreign practices on socio-economic mechanisms to increase employment in the context of deepening economic reforms will identify effective, promising areas for increasing employment, using the best, most relevant aspects of the experience of these countries to practice.

² Developed by the authors

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PИHИI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Abdurakhmanov, Q. (2009). *Economics of labor* (textbook). (p.512). Tashkent: Labor.
2. Artykova, D.A. (2005). *Formation of employment in the Republic of Uzbekistan*. (pp.56-59). Tashkent: Science.
3. Belous, I. (2006). Experience of EU countries in the field of social support of the population. *World of finance*, No. 4, pp.165–169.
4. Druzhinina, V.V. (2014). Balancing the local labor market: international experience. *Scientific Bulletin of Kherson State University*, No. 6, pp.124–128.
5. Gryaznova, A.G. (1997). The economic theory of the national economy and the world economy (political economy): textbook / under the general. ed. Moscow.
6. Kostin, L.A., Zushchina, G.M., & Sultanova, R.M. (1997). *Market there and employment theory: a training manual*. (p.424). Moscow: ATISO.
7. Novikova, O.Y. (2003). State regulation of employment and unemployment in the Republic of Tatarstan (1991-2002). Abstract of diss. for a job. Candidate degree sociol. sciences. (p.23). Kazan.
8. Nikolskaya, G.K. (2000). The impact of globalization of economic relations on the state of the labor market in the United States. *Work abroad*, No. 1, pp.13–16.
9. Plaksya, V.I. (2004). *Unemployment*. (p.93). Moscow: RAGS.
10. Potapov, M.A., Salitsky, A.A., & Shakhmatov, A.V. (2011). *The economy of modern Asia*. (p.264). Moscow: International relations.
11. Pavlenkov, V.A. (2004). *Labor market. Employment. Unemployment*. (p.584). Moscow: Moscow State University.
12. Smith, A. (1993). *Research on the nature and causes of the wealth of peoples*. In 2 vols. (p.570). Moscow: Nauka.
13. Sarukhanov, E.R. (2001). *Employment problems during the transition to the market*. (p.254). SPb.: SPbU. EF.
14. Tulenkov, M.V. (2004). Organizational and managerial foundations of employment regulation in Germany. *Bull. IPK GSZU*, No. 1, pp.50–54.
15. Kholmuminov, Sh.R. (2016). *Analysis of labor market development*. Collective monograph. (p.137). Tashkent: Science and technology.
16. Zaitseva, K.V. (2003). *Managing Employment in a Mixed Economy*: Monograph. (p.294). Donetsk: MCHP "VIK".
17. Ulmasov, A., & Vahobov, A. (2014). *The theory of economics*. (p.424). Tashkent: Economics-Finance.
18. Shuvaeva, E.V. (2011). *Employment as the most important element of labor relations*. Actual problems of economic sciences: Materials international. scientific conf. Ufa: Summer.
19. Chen, Wei. (2009). Modern China: the problem of employment. *Bulletin of RUDN University, series International Relations*, No. 3, pp.61-75.
20. (n.d.). *International Labor*. URL: Organization. Retrieved 2019, from <http://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm>
21. (1998). *Law of the Republic of Uzbekistan "On Employment of the Population"*. (in new edition). (pp.4-10). Tashkent.
22. (2017). Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 24, 2017 "On measures to further improve the state policy in the sphere of employment and radical enhancement of the effectiveness of labor agencies". Collection of legislation of the Republic of Uzbekistan., pp. 21 (781).
23. (2017). Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 7, 2017 N UP-4947 "On the Strategy of Action for the Further Development of the Republic of Uzbekistan". Collection of Laws of the Republic of Uzbekistan,
24. (2018). Address by the President of the Republic of Uzbekistan Sh.Mirziyoyev to the Oliy Majlis on the most important priorities for 2019 December 28, Retrieved 2019, from <http://www.gov.uz>

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Murod Sayidov

the Jizzakh State Pedagogical Institute
candidate of philosophical sciences,
Senior Lecturer of the Department of Social Sciences

VIEWS OF YUSUF HAS-HADJIBA REGARDING THE STATE AND ITS FUNCTIONAL RESPONSIBILITIES

Abstract: This article is devoted to the issues of the views of a major scholar of the Middle Ages, Yusuf Khas Hadzhib state and its functional tasks based on the involvement of a wide range of sources.

Key words: state, society, renaissance, Central Asia, East, Islam, hadith, citizen.

Language: Russian

Citation: Sayidov, M. (2019). Views of Yusuf Has-Hadjiba regarding the state and its functional responsibilities. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 372-374.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-77> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.77>

Scopus ASCC: 1202.

ВЗГЛЯДЫ ЮСУФ ХАС-ХАДЖИБА ОТНОСИТЕЛЬНО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Аннотация: Данная статья посвящена к вопросам взглядов крупного ученого эпохи средневековья Юсуфа Хас Хаджиба государство и его функциональные задачи на основе привлечения широкого круга источников.

Ключевые слова: государство, общество, ренессанс, центральная азия, восток, ислам, хадис, гражданин.

Введение

Это одна из уникальных доктрин, которые поддерживают человеческое государство умеренностью мистики в доктринах, которые заложены в исламе. Мистика не стремилась построить свое “собственное государство” в Центральной Азии, а скорее поддерживала существующие национальные государства, которые реализуют интересы граждан. Они основывают свои суждения на Коране: “О вы, верующие! Повинуйтесь Аллаху, Посланнику и правителям среди вас!.. [“Нисо”-59]. Поскольку люди мистики – верующие, они применяли это правило и верили в то, что законные правители будут реализовывать права граждан. Кроме того, и в Хадисах также было приказано подчиняться верным и справедливым правителям и указано гражданам защищать интересы таких правителей [7,9]. Исходя из этого, люди мистики считали хорошим способом помочь

основателям с их идеями, рекомендациями и советами. Одним из таких был Юсуф Хас-Хаджиб.

Основная часть

По мнению мыслителя, “государство – это счастье” [12,138]. Это означает, что государство через определенные структуры и меры принесет счастье своим жителям. Но этого можно достичь только через знание. При этом необходимо обратить внимание на три вещи:

- 1) государство – средство достижения счастья;
- 2) для создания государства и его управления нужно обладать знаниями широкого значения;
- 3) для людей мистики есть две причины, по которым они видят в государстве источник счастья:
 - а) государство – объединяет людей к одной цели и регулирует их деятельность;

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

б) жить счастливой жизнью – значит следовать периоду благоденствия во времена Пророка.

Так Юсуф Хас-Хаджиб понимает значение понятия “ГОСУДАРСТВО”, и поэтому произведение называется “Кутадгу Билиг” (“Благодатное знание”) – называет путь к счастью через государство и знание. Вот почему он пишет:

Қайу ерда давлат кўтурса баши
Бўлу бер анар сен эй эдгу киши
(Где государство поднимает голову.

Ты к нему приспособься, о хороший человек)
[12,642]

По мнению мудреца, добродетельный человек (“благодеение”) - это человек, который зрел в морали, знаниях и деятельности, и который приносит пользу другим. Существует мнение, что человек с такими качествами определенно сможет адаптироваться к требованиям и процедурам правительства. Более того, оно не навязывает государству никаких фанатичных убеждений. Вот почему мыслитель, великий правитель Бугра Карахан (ум. 1102) очень обрадовался, когда его повысили до должности главы государства Караханидов:

Удир эрдинг эрса тур ач эмди кўз
Эшитмадиншг эрса эшит менда сўз
Туман йилда бору тул эрдим тулас
Бу тул тўни сучлуб ўрунг кедтим ас
Безандим бегим бўлди хақан улуғ
Ўтундим муну кулса жаним йулуғ
(Если вы спите, вставайте, откройте глаза

сейчас,

Если ты не слышал, услышь слово от меня.
Я был в депрессии и грусти весь год.

Теперь я надеваю эту белую одежду и надеваю белое платье.

Украшенная, моя бабушка стала великим лордом,

Я пожертвую, пусть моя жизнь будет принесена в жертву), [12,74]

Потому что автор верит, что справедливый, этичный и знающий глава государства может привести к счастью через государство.¹ В этой работе он изображает состояние в олицетворении полной луны (полнолуния). Это правда, что, как говорит автор, “состояние подобно мячу, и состояние периодически меняется по мере того, как шарик катится” [12,154]. Смысл этой аналогии состоит в том, что построить государство легко, но трудно развить и управлять им справедливо. В этом смысле государство становится источником счастья, когда оно обрабатывается. В противном

случае государство не может установить счастливое время (“век счастья”). Следовательно, основной проблемой является развитие государства и правильное определение его функций. И по этому “государство” говорит:

Менга узанса ким узалиб ўлур
Менга ким бўйин эгса орзу бўлур

(Если кто-то будет против меня, он вряд ли умрет;

Тот, кто повинуется мне, добьется успеха).[12,156]

Эта идея должна быть правильно понята. Дело в том, что государство также имеет функцию применения силы, иначе оно ничем не отличается от других добровольных структур. Таким образом, мистический смысл этой идеи заключается в том, что государство должно быть в петле стремлений к счастью. Реальные и прагматичные мечты возможны. Люди с желанными амбициями могут сделать государство средством счастья, и автор говорит от “государственным”:

Мени булдачи эр тутиб бекласа
Қочумас-мэ андин сўз айдим кеса
(Если тот, кто нашел меня, поймал меня,
Я говорю: я не могу убежать от этого)

[12,158].

Для такого понимания людьми мистики государства и его функциональных обязанностей заслуга многих мистиков. Например, Абу Бакр Сиддики (572-634), один из сильнейших авторитетов в учении о Центральной Азии, сказал в своем первом выступлении в качестве халифа: “Аллах свидетель, я никогда не стремился к власти и никогда не молил Аллаха с просьбой сделать обладателем власти”[3,71]. Это следует понимать как: стремление к власти неизвестно, наоборот, оно дается на основе (государственного) *ligitum*. Юсуф Хас-Хаджиб сосредотачивается на этом вопросе и заявляет, что человек должен соответствовать следующим критериям, чтобы установить государство и определить его функции:

- 1) благовоспитанный (“алчок қилиқли”)
- 2) мягкодушный (“қуски кунгулли”)
- 3) сладкоречивый (“сўзда юмшоқлик”)

[12,160]

Есть гарантия, что человек с такими качествами правильно определит государственную структуру и ее функциональные обязанности. Таким образом, мыслитель объясняет природу государства природой индивида. Ведь вышеперечисленное можно смоделировать следующим образом:

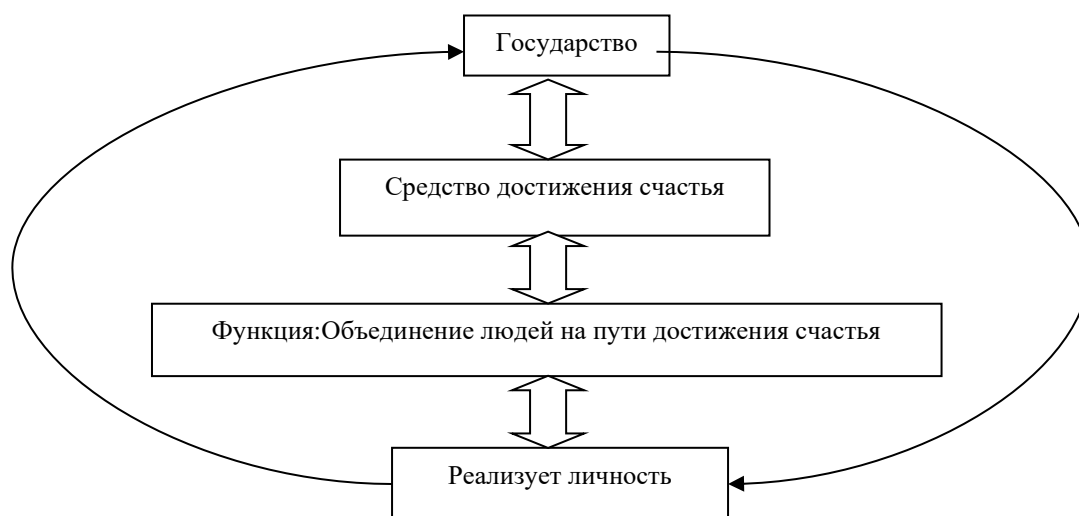
¹В то же время, пожалуйста, помните, что 31 августа 1991 года благородные люди, провозгласившие независимость

Республики Узбекистан, были полны слез радости, потому что наш народ был «грустным» до того дня.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 0.829	РИИЦ (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

1-схема

Вывод

Нас интересует такой подход Юсуф Хас-Хаджиба относительно государственности. Это связано с тем, что многие исламские движения, помимо мистики, подчеркивают религиозное достоинство государства и приоритет религиозной ориентации в его функции. Однако в мистике дело обстоит иначе, и такие представители мистики, как Юсуф Хас-Хаджиб,

считают, что функциональная обязанность государства должна быть нейтральной. На самом деле, это “путь пророка”:

Хабиб савчи йўли мени йетгачи
Ул- ўқ савчи бўлсу илиг тутгачи
(Мой любимый путь пророка - мой путь,
Пусть этот дорогой пророк держит меня за
руку)

References:

1. Karimov, I.A. (2009). *Visokaya duxovnost – nepobedimaya sila*. Tashkent: Ma’naviyat.
2. Abu Xamid al-Gazali (1980). *Voskreshenie nauk o vere*. Perevod s arabskogo V.V.Naumkina. Moscow: Nauka.
3. Al-Xudjviri (2004). *Raskritie skritogo*. Girev. A. Orlova. Moscow: Yedinstvo.
4. Obama, B. (2011). *Davayte otkroem novuyu stranisu v otnosheniyax s musulmanami*. Eta rech dostupna na: Usmanxodjaev A. Samootverjennie nashey religii. (pp.146-269). Tashkent: TIU.
5. Gobozov, I.A. (2007). Chto proisxodit s filosofey? *Filosofiya i obuyestvo*. - J. – M., №7, pp.5-18.
6. Djuraev, T. (2007). *Natsionalnaya gosudarstvennost: bezopasnost i stabilnost* (Globalniy kontekst). Tashkent: Akademiya.
7. Ibn Xadjar al-Askalani (2003). *Bunug al-marala* (Dostijenie seni). Perov. E.R.Kulieva. Moscow: IMAN.
8. Komilov, N. (2009). *Mistika*. Tashkent: O‘zbekiston.
9. Sayidov, M.N. (2013). *Rol Yusufa Xas-Xadjiba v istorii srednevekovoy kulturi*. (p.136). Tashkent: Navro‘z.
10. (1987). *Sotsialnoe psixologiya*. Pod red. A.V. Petrovenogo. Moscow: Prosveshenie.
11. Usmonoav, N. (2012). *Texnologiya podgotovki budushix uchiteley nachalnix klassov k natsionalnoy idee*. Tashkent: Fan va texnologiya.
12. Faxruddin, Ali Safiy (2004). *Rashahatu aynia hayot*. Tashkent: Ibn Sino.
13. Yusuf, Xos Xojib (1971). *Qutadg‘u bilig*. Tashkent: FAN.
14. Yoqubov, A. (1997). *Gosudarstvennaya konsepsiya v “Kutadgu bilig”*. Tashkent.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Zholymbet Kabulovich Mambetov

Karakalpakstan branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
Doctoral candidate (PhD), department of the Karakalpak literature,
Karakalpak humanitarian sciences Scientific research Institute, Nukus

SPECIFIC FEATURES OF DASTAN ZHAKHANSHA

Abstract: The article covers the issues of the idea of creation, educational feature and issues of the publication of the Karakalpak folk dastan Zhahansha, as well as its interpretation in the performance of Kurbanbay zhyrau. The work analyzes the peculiarities of creating images of heroes in the story of dastan, the construction of the story and compositional aspects. A comparative analysis of the motives of childlessness was carried out, according to the peculiar posture of the birth of the hero, after reaching the age of majority to them, his wandering on the way to mastering knowledge and craft. The relationship of positive and negative heroes with unnatural characters in dastan has been analyzed. In the conclusion of the article the individual-author quality of epic creation is covered.

Key words: Dastan Zhahansha, genesis, genre features, typology.

Language: Russian

Citation: Mambetov, Z. K. (2019). Specific features of Dastan Zhakhansha. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 375-379.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-78> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.78>

Scopus ASCC: 1208.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДАСТАНА «ЖАХАНША»

Аннотация: В статье освещаются вопросы идеи создания, воспитательная особенность и вопросы издания каракалпакского народного дастана «Жаханша», а также его интерпретация в исполнении Курбанбая жырау. В работе анализируются особенности создания образов героев в сюжете дастана, построение сюжета и композиционные аспекты. Проведен сопоставительный анализ мотивов бездетности, по своеобразным особенностям рождения героя, после достижения совершеннолетия им, его странствования на пути овладения знаний и ремесла. Проанализированы взаимоотношения положительных и отрицательных героев с неестественными персонажами в дастане. В заключении статьи освещено индивидуально-авторское качество создания эпоса.

Ключевые слова: Дастан «Жаханша», генезис, жанровые особенности, типология.

Введение

Каракалпаки являются древними поселенцами низменности Туран, одним из тюркоязычных народов. Жанровые, смысловые особенности и различия формы устного народного творчества каракалпаков, а также не повторяющиеся в других народах социальные признаки, несомненно, доказывают наше рассуждение. Духовное самосознание, являющееся продуктивным результатом мудростей и наставлений, накопленных мизерными частями в процессе социально-общественной жизни наших предков сформировано и обобщено и в национальном

фольклоре. Фольклор, накопившийся в течении веков прошел через испытание истории, и в передаче и доведении до нас и до будущих поколений культурного и духовного сокровища особа роль выходцев из народа – жырау и бахсы, которые отличались красноречием и талантом.

Один из таких жырау, который привнес от поколения к поколению шедевров народной мудрости – это народный жырау Каракалпакстана и Узбекистана Курбанбай Тажибаев, в индивидуальном репертуаре которого имеется данный дастан, в частности дастан «Жаханша» в его исполнении, который является одним из фольклорных проблем, которая бесспорно, на

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

сегодняшний день требует научного исследования.

Запись дастана «Жаханша», история его исследования, особенности творчества жырау, который исполнял этот дастан – обо всем этом до сегодняшнего дня не было исследовано, нет конкретных и всесторонне выполненных исследовательских работ в полном объеме. Но, по этому дастану в журнале «Амударья» в №8 от 1974 года первоначальное суждение в форме обзора приводит Наурыз Жапаков и в своей статье останавливается на том, что пришло время превращения дастана в объект всестороннего научного исследования.

Дастан «Жаханша» записан в 1956 году Матеном Сейтниязовым от Курбанбая жырау. Рукопись дастана хранится в рукописном фонде фундаментальной библиотеки Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана (порядок П-284, №88206). Объем дастана состоит 8000 строк, дастан «Жаханша» в первый раз в 1990 году издан наряду с другими дастанами в XX-томнике каракалпакского фольклора. Дастан отдельно в книжном виде не издан.

С обретением независимости духовное и культурное наследие нашего народа получило широкую возможность для получения своей достойной оценки согласно требованиям сегодняшнего времени. Дастан «Жаханша» с учетом сохранения своей оригинальности в рукописи архива введен в 100-томник каракалпакского фольклора, и во второй раз издан в 43-56 томах фольклора. Даны объяснения отдельным выражениям, имеющим место в дастане.

О периоде создания дастана, о среде архетипа ученый Н.Жапаков отмечает: «В дастане открыто говорится, что государство Жаханша на Уратобе и государство татар (ногай) были одной страной, одним краем. Эти сведения жырау не могли выдумать. А наименования в дастане «каракалпак, род кайшылы» и «татар» возможно добавились потом. Из этого конечно не отрицается, что дастан является одним из творений богатого устного и художественного творчества каракалпакского народа. Так как, в тот период было известно, что нынешний каракалпакский народ был одним из народов, проживавших в союзе с ногайцами. ... Из этого следует, что период создания дастана возможно относится к XV веку. Так как со второй половины XV века с распадом союза ногайцев, чтобы предотвратить это положение предводители этого союза различными путями прилагали всякие усилия» [5, с. 111] к такому заключению приходит ученый.

Несомненно, эти выводы являются важным сведением при определении генезиса дастана «Жаханша», о котором мы рассказываем, периоде его создания, границ распространения дастана и

его истоков. Во введении дастана, рассказывается о наименованиях земельных и водных объектов и местностей. Это является основой осознания историчности, границ распространения и генезиса дастана. О существовании в нашей истории личности, то есть исторической личности как Жаханша нет никаких сведений. Но это не означает, что дастан есть художественное творение народа, и в нем нет признаков историзма. Конечно, в сохранении и передаче дастана в наши руки в нынешнем своем сохраненном виде невозможно отрицать следов истории в известной степени. Так как у каждого творения бывает своя история создания, свойственная дастану. Если обратить внимание на дастаны, являющиеся крупным жанром фольклора, то в первую очередь обращаем внимание на период его возникновения и создания. Если провести анализ исторического сравнения по историческим наименованиям земельных и водных объектов, местностей в дастане, то появляется возможность последовательного изучения факторов, ставших причиной главной идеи дастана. То есть, дастан строится на объективных и субъективных проблемах своего времени, если он во многих случаях основан на принципах, имеющих место в душе народа, то дастан на базе своего содержания может на себе отражать общественные проблемы того периода, и вместе с тем и его достижения.

Дастан в исполнении жырау передается из уст в уста по традиции наставник-ученик и входит в репертуар ведущего сказителя XX века Курбанбая жырау. Жырау обрабатывает мотивы сказочных сюжетов, живущих среди народа в своей огромной творческой лаборатории сказителей, и это творение направляет на путь создания дастана. Этот дастан в качестве продукта индивидуального творчества жырау не встречается в репертуаре других каракалпакских бахсы-жырау. Это наше мнение не означает, что дастан «Жаханша» является личным творением Курбанбая жырау, а наоборот означает еще более глубокого изучения и исследования дастана. То есть, этот дастан возможно имел место и в репертуаре других жырау еще до Курбанбая жырау. Так как Курбанбай жырау в конце дастана передает, что дастан он изучал от своих предыдущих наставников и он является для него большим наследием и это он передает следующими строками:

*Ауел айтсам өткенди
Бул дэстанның парқы бар.
Ол Жупардың елинде,
Жырау болған Айтууар.
Если сказать про прошлое,
Есть некая тайна в этом дастане
В одной стране по названию Жупар
Был жырау Айтууар*

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	РИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

*Кабыл деген бир бала,
Оган шәкирт болганды
Шәкирт болып жүргенде
Соннан ядлап алганды.
Мальчик по имени Кабыл,
Стал его учеником.
Когда он ходил учеником,
Тогда он выучил дастан.*

*Нуратаның елинде
Кабыл жырау атанып
Оганда шәкирт табылып
Ядлап алган Халмурат.
А в стране Нурата
Кабыл был известен как жырау,
У него тоже был ученик,
Халмурат дастан выучил.*

*Халмураттай жырауда
Толыгы менен сақланды
Улги болып қалганды.
Ол заманның дәстури –
У Халмурата жырау
Он полностью сохранился
Остался он образцом
По обряду того периода -*

*Сәллеси бар басында
Еки ағаштан құралған
Кобызы бар қолында
Кой бағып жүрген жеринен
На голове у него салля,
Смастеренный из двух кусков дерева
Есть кобызы у него на руках,
Пас он своих овец,*

*Сандық тау деген шөлинен
Халмуратты көп ізлеп
Тәжибай улы Курбанбай
Шәкирт болып барганды
На пустыне горы Сандык,
Долго искал он Халмурата,
Курбанбай сын Тажибая
Стал он его учеником.*

*Бул дәстанды үйреніп,
Курбанбайдай бул жырау
Халыққа сөзін таратып,
Сексен жасқа келгенше
Бул дәстан жақсы болған соң,
Мийесінде қалганды.
Выучил он этот дастан,
Этот жырау Курбанбай,
Распространяет он народу,
До восьмидесяти своих лет,
Дастан был очень содержательный
Поэтому он сохранился в его памяти [6, с.
177-178].*

Каждый создатель, в том числе и жырау берет образец из репертуара исполнителей, предшественников жырау и тем самым совершенствуют свое творчество. Посредством этого совершенствовали свое творческое мастерство, жырау сами ощущая свой личный индивидуальный подход к своему исполняемому дастану, или не понимая сами этого, могут ввести эти качества и свойства в дастан. Так как, процесс мировоззрения в характере каждого человека разный, соответственно мировоззрению жырау отдельным местам в композиции дастана присваивается характер исполнителя, а в отдельных местах могут быть и изменения. Этим не теряет свою оригинальность главная идея дастана «призвать людей к овладению знаний и ремесел» [8, с. 72]. То есть сохраняется основная сюжетная линия, появляется новое содержание в достижении действительности в среде исполнения дастана в доступной передаче слушателям. В результате овладения наукой и знаниями в Жаханше появляются чувства мужества и смелости, патриотизм и любовь к родной земле и народу, получает сам всестороннее развитие. Так как «... единственный путь интересной передачи дастана народу с пониманием того, что в новое содержание дастана можно добавить старые формы, внесенные в духовную жизнь народа». Это мы можем оценить как мастерство жырау в композиционном построении дастана» [1, с. 81].

Этот дастан Курбанбая жырау не встречается в репертуаре других каракалпакских жырау. «Его отдельные репертуары свойственно только Курбанбай жырау. Дастаны, занимавшие место в его репертуаре не встречаются в репертуарах других жырау» [9, с. 104].

Также можно отнести дастан к разряду героических дастанов, судя по осложненным событиям в сюжете дастана и действиям героев в развитии событий. Так как главная идея в дастане: призывает молодое поколение осваивать новые знания и овладеть наукой и профессией. Основной смысл в произведении это то, что Жаханша только овладев знаниями и навыками, берёт превосходство над своими врагами. Наряду с воспитательным значением дастана, он направляет читателя к эстетической красоте. То есть посредством идейного содержания дастана каждый человек, несмотря на то, что он физически силён, если он понимает идею из народной мудрости «силой можно побеждать одного, а знаниями – тысячи», то станет понятно, что человек не может совершенным не овладев знанием, ремеслом и науками [4, с. 62]

Главный герой произведения Жаханша устав и не выдержав несправедливостей, переходит на путь получения знаний и ремесел. В преодолении таких явлений, как несправедливость, предательство, неверность дружбе, наряду с

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	РИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

овладением знаниями и ремеслом, герой владеет мужеством и бесстрашием раскрывает перед нами образцовые человеческие качества Жаханши. Это один из основных отличительных признаков от других каракалпакских дастанов. «Жаханша очень сильный и серьезный, в его характере не чувствуется легковерие. Он не решает ничего необдуманно, со спешкой и без доказательства. Не наказывает никого без вины. Он не боится трудностей. Не возгордится, когда достигает успехов. Как многие герои других каракалпакских дастанов он не легковерный, он проверяет врагов, заблаговременно думает как выйти из создавшейся трудной ситуации. Таким образом, он через свой ум и сообразительность раскрывает тайну врага. И этими своими отличительными свойствами дастан отличается от других каракалпакских дастанов» [7, с. 110].

В этом дастане жырау показывает Жаханшу не как в других каракалпакских дастанах как непобедимого богатыря, а описывает как простого человека из обывденной жизни. Это в свою очередь, указывает на то, что Жаханша жизненный герой из реальной действительности, выходец из народа. Все сюжетные части в композиции дастана и эпизоды борьбы героя к своим врагам, овладения знаниями и ремеслом, все это служит раскрытию главной идеи.

По традиции героических дастанов и этот дастан начинается с мотива рождения, взросления героя и о его родителях. То есть, сюжет дастана развивается от простого к сложному последовательно. Тут следует отметить еще одну отличительную особенность, то есть в этом дастане нет как в других героических дастанах в рождении Жаханши батыра нет мотивов сильного желания его матери во время беременности к определенным вещам (например: желание есть сердце льва). Это указывает на то, что в дастане «Жаханша» соответствие явлений реальной жизни к явлениям реальной действительности, отмечается *превосходства реальности от фольклорной идеализации*» [3, с. 73]. Также в дастане как в других героических дастанах особо не чувствуется в рождении Жаханши сверхъестественных явлений. Но мотивы от самого рождения до взросления героя служат основой и началом мужества и героических побед в будущем:

*«... Бир жасында бирленди,
Еки жаста түрленди,
Уш жасына келгенде,
Дүбирлеп кирди ортага
«...Когда ему исполнился год, он выделялся
В два года сильно отличался от других,
В три года он,
Оказался в центре всех,*

*Төрт жасына келгенде,
Тәңири сәлем береди.
Бес жасына келгенде,
Дос-душпанды биледи
В четыре года,
Приветствует всех.
Когда исполнился пять лет,
Он распознаёт друзей и врагов.*

*Алты жасқа келгенде,
Кызыл шекпен кийеди.
Жети жасқа келгенде,
Бир түймеден иледи.
В шесть лет,
Он надевает красный чапан
В семь лет,
Он достигает цели.*

*Сегиз жасқа келгенде,
Бойын сайлап Жаханша
Түрлі қыял сүреді.
Тоғыз жасқа келгенде,
Атасы берді мектепке.
В восемь лет,
Жаханша предаётся
Разным мыслям
В девять лет,
Его отдают в школу.*

*Он жасына келгенде,
Оқыўға ықлас қылады
Катарының ишинде,
Сабағынан озады.
Он в десять лет,
Предаётся учению.
Среди сверстников,
Становится первым в учебе.*

*Он бир жасқа келгенде,
Илимди гана ойлады
Он еки жасқа келгенде,
Астына бедеу ат минип
Улкен тойды тойлады
В одиннадцать лет,
Думает только о знаниях
В двенадцать лет,
Сядет на коня
И участвует на свадьбах [10, с. 26-30].*

Посредством фольклорной обрисовки создание образа героя в таком виде стало постоянной литературной традицией устной народной литературы того периода, взросление главного героя в рамках фольклорного идеала. По нашему мнению, «обеспечивает его мужество в будущем, является источником грядущих побед будущего героя» [2, с. 35-51].

В заключении следует отметить, что в дастане «Жаханша» помимо мужества и

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	РИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

храбрости героя к нему добавляется овладение наукой, знаниями и ремеслом, изображается он как народный батыр, защищающий свой народ, подтверждает свое воспитательное значение не только для того периода, но и на сегодняшний

день, что ценой творения является вечность. Так как дастаны, являясь творением народа считаются богатой содержательной формой народной мудрости, призывающий народ к великим свершениям и делам.

References:

1. Aimbetov, K. (1988). *Narodnaja mudrost'*. (p.492). Nukus: Karakalpakstan.
2. Bahadyrova, S. (1984). *Fol'klor i karakalpakskaja sovetskaja proza*. Nukus: Karakalpakstan.
3. Bahadyrova, S. (2017). *Karakalpaki - kakoj jeto narod*. Tashkent: Navruz.
4. Davkaraev, N. (1977). *Polnoe sobranie sochinenij*. 2-tom. Nukus: Karakalpakstan.
5. Zhapakov, N. (1974). О neopublikovannyh dastanah. *Amudar'ja*. – Nukus, № 8.
6. (1990). *Karakalpakskij fol'klor*. HH tom. (p.328). Nukus: Karakalpakstan.
7. Maksetov, K. (1992). *Dastany, zhyrau i bahsy*. Nukus: Karakalpakstan.
8. Maksetov, K. (1983). *Karakalpakskie zhyrau i bahsy*. Nukus: Karakalpakstan.
9. Maksetov, K. (1976). *Karakalpakskij jepos*. Tashkent: Fan.
10. Sagitov, I. (1962). *Karakalpakskij geroicheskiy jepos*. Tashkent: Fan.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Yu.O. Strelyanaya

Sevastopol State University
candidate of technical sciences, associate professor
«Descriptive geometry, engineering and computer graphics»,
299053, Russian Federation, Sevastopol, st. Universitetskaya, d. 33

E.A. Emchenko

Sevastopol State University
candidate of technical sciences, docent, associate professor
«Descriptive geometry, engineering and computer graphics»,
299053, Russian Federation, Sevastopol, st. Universitetskaya, d. 33

S.E. Sazonov

Sevastopol State University
candidate of technical sciences, docent, associate professor
«Descriptive geometry, engineering and computer graphics»,
299053, Russian Federation, Sevastopol, st. Universitetskaya, d. 33

DEVELOPMENT OF THE AUTOMATIC SYSTEM DYNAMIC STABILIZATION PROCESS OF FINISH TURNING

Abstract: An automatic control system was developed in the form of a closed control loop consisting of an object, a filter and a regulator for a technological system of finish turning, the use of which allows to ensure the stability of quality indicators of part processing.

Key words: turning, control system, observer, regulator, Kalman filter.

Language: Russian

Citation: Strelyanaya, Y. O., Emchenko, E. A., & Sazonov, S. E. (2019). Development of the automatic system dynamic stabilization process of finish turning. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 380-385.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-79> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.79>

Scopus ASCC: 2504.

РАЗРАБОТКА АВТОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДИНАМИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ЧИСТОВОГО ТОЧЕНИЯ

Аннотация: Разработана система автоматического управления в виде замкнутого контура регулирования состоящего из объекта, фильтра и регулятора, для технологической системы чистового точения, применение которой позволяет обеспечить стабильность показателей качества обработки деталей.

Ключевые слова: токарная обработка, система управления, наблюдатель, регулятор, фильтр Калмана.

Введение

При построении автоматических систем приходится решать проблему, связанную с тем, что результаты измерений параметров технологического процесса несвободны от

погрешностей, имеющих как закономерный, так и случайный характер, отражающий не учитываемые при построении системы процессы различной физической природы и приводящие к динамическим отклонениям в расчетных моделях

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
 ISI (Dubai, UAE) = 0.829
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 РИНЦ (Russia) = 0.126
 ESJI (KZ) = 8.716
 SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

(в том числе и параметрах инструмента и заготовки). Погрешности в таких информационных сигналах непосредственно сказываются на определяемых сигналах обратной связи автоматических систем управления и приводят к соответствующим погрешностям обработки и разбросам показателей качества изделий.

Для повышения чувствительности систем управления к отклонениям параметров и, особенно к тенденциям их изменения используются системы управления с обратной связью, включающей производную. Однако погрешности измерительного сигнала существенно возрастают в силу зависимости не только от амплитуд погрешностей исходных представлений, но и скоростей их изменения.

Такая проблема актуальна при синтезе систем управления процессами чистовой обработки. Ее решение требует модификации динамических соотношений, не требующих дифференцирования измерений [1, с. 84; 2, с. 229].

$$\begin{bmatrix} \dot{y} \\ \hat{y} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} A & -BK_{ij} \\ K_i C & A - BK_{ij} - K_i C \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} y \\ \hat{y} \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} E \\ 0 \end{bmatrix} \times w + \begin{bmatrix} 0 \\ RK_i \end{bmatrix} \times v. \quad (1)$$

где \dot{y} – вектор производных состояний системы, A – матрица, характеризующая динамические свойства системы, B – матрица параметров влияния отклонения формы детали и износа инструмента, C – матрица управления процессом (за счет поперечной подачи), E – матрица состояния измерений системы, U – вектор

Это может быть достигнуто путем модификации модели системы в пространстве состояний и соответствующих изменений «уравнений наблюдений». Последние целесообразно представить в виде отдельной подсистемы «уравнений восстановления состояний» и «подсистемы наблюдений». В [1 с. 84] для решения поставленной задачи использована методика [3, с. 320], основанная на методе неопределенных коэффициентов, однако построение «уравнения восстановления состояний» сопряжено со значительными сложностями.

Целью данной статьи является разработка автоматической системы динамической стабилизации процесса чистового точения для заводских условий.

Замкнутый контур регулирования состоящий из объекта, фильтра и регулятора, для технологической системы чистового точения (рис 4.7) можно представить с помощью обобщенной системы дифференциальных уравнений:

управляющих воздействий, связанный с поперечной подачей., R – шумы измерения, K_{ij} – матрица коэффициентов усиления фильтра Калмана, w , v – некоррелированные единичные гауссовские белые шумы;

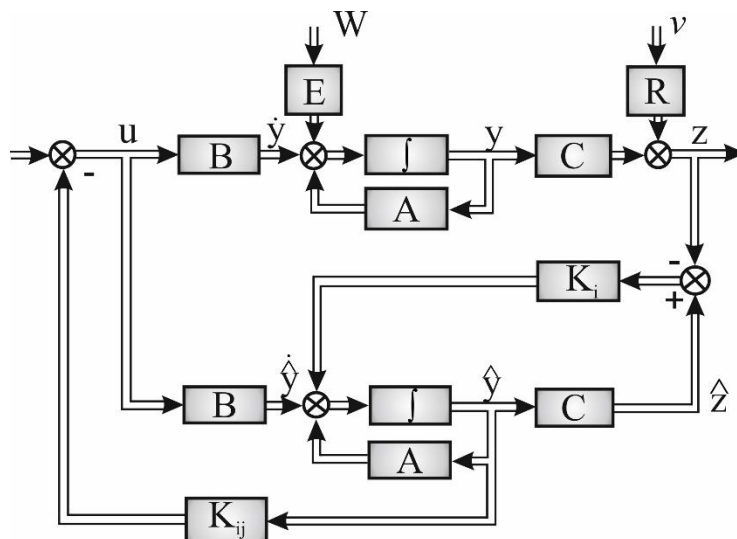

Рис.1. Структурная схема САУ токарной обработки

На основе (1) возможно создание САУ ТП, применение которой позволит эффективно использовать циклы программного управления

без потери стабильности показателей качества изделий.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
 ISI (Dubai, UAE) = 0.829
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИЦ (Russia) = 0.126
 ESJI (KZ) = 8.716
 SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

Для обработки деталей в заводских условиях система (4.38) динамической стабилизации может быть упрощена, из предположений что, в динамической системе тяжелого токарного станка наименее устойчивым звеном является система

$$\begin{bmatrix} \dot{y}_1 \\ \dot{y}_2 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 & 1 \\ -\frac{(c_1+c_3)}{m_1} & -\frac{(h_1+h_3)}{m_1} \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} y_1 \\ y_2 \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} 0 & 0 \\ -\frac{c_3}{m_1} & -\frac{h_3}{m_1} \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} L \\ \dot{L} \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} 0 & 0 \\ -\frac{c_3}{m_1} & -\frac{h_3}{m_1} \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} R \\ \dot{R} \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} 0 & 0 \\ \frac{c_1}{m_1} & \frac{h_1}{m_1} \end{bmatrix} \times \begin{bmatrix} S \\ \dot{S} \end{bmatrix}. \quad (2)$$

В соответствующей форме перестроенные модели, которые характеризуют статистические свойства инструмента и заготовки в виде уравнений состояния и наблюдения:

– для инструмента:

$$\begin{cases} \dot{\Psi} = F_\Psi \Psi + G_\Psi \Omega_\Psi \\ z_1 = D_1 G_1 + E_1 v_1 \end{cases} \quad (3)$$

– для заготовки:

$$\begin{cases} \dot{\Phi} = F_\Phi \Phi + G_\Phi \Omega_\Phi \\ z_2 = D_2 G_2 + E_2 v_2 \end{cases} \quad (4)$$

где $\psi = \begin{bmatrix} \psi_1 \\ \psi_2 \end{bmatrix}$, $\Phi = \begin{bmatrix} \phi_1 \\ \phi_2 \end{bmatrix}$, $F_\Psi = \begin{bmatrix} 0 & 1 \\ -\frac{1}{T_{31}^2} & \frac{T_{41}}{T_{31}^2} \end{bmatrix}$;

$$F_\Phi = \begin{bmatrix} 0 & 1 \\ -\frac{1}{T_{32}^2} & \frac{T_{42}}{T_{32}^2} \end{bmatrix}; G_\Psi = \begin{bmatrix} K_1 T_{51} \\ -1 - K_1 T_{41} T_{51} \end{bmatrix};$$

«резец-суппорт», и, следовательно $c_2 \gg c_1, h_2 \gg h_1, c_2 \rightarrow \infty, h_2 \rightarrow \infty$

На основании вышеприведенных рассуждений уравнение (1) приводится к виду:

$$G_\varphi = \begin{bmatrix} K_2 T_{52} \\ -1 - K_2 T_{42} T_{52} \end{bmatrix},$$

$$D_1 = \begin{bmatrix} 1 \\ 0 \end{bmatrix}^T, D_2 = \begin{bmatrix} 1 \\ 0 \end{bmatrix}^T, E_1 = \rho, E_2 = \rho, \Omega_\Psi,$$

Ω_Φ, v_1, v_2 – некоррелируемые гауссовские белые шумы единичной интенсивности;

$$T_{31} = \frac{1}{v_1^2(\alpha_1^2 + \beta_1^2)}; T_{32} = \frac{1}{v_2^2(\alpha_2^2 + \beta_2^2)}; T_{41} = \frac{2\alpha_1}{v_1(\alpha_1^2 + \beta_1^2)};$$

$$T_{42} = \frac{2\alpha_2}{v_2(\alpha_2^2 + \beta_2^2)}; T_{51} = \frac{1}{v_1(\alpha_1^2 + \beta_1^2)}; T_{52} = \frac{1}{v_2(\alpha_2^2 + \beta_2^2)};$$

$$K_1 = \sqrt{2} \sqrt{\frac{D_1 \alpha_1}{v_1(\alpha_1^2 + \beta_1^2)}}; K_2 = \sqrt{2} \sqrt{\frac{D_2 \alpha_2}{v_2(\alpha_2^2 + \beta_2^2)}}$$

D_1, D_2 – дисперсия высот неровностей профиля рельефа объекта; $\alpha_1, \alpha_2, \beta_1, \beta_2$ – соответствующие коэффициенты при корреляции,

На основании (2) с учетом (3), (4) получена расширенная система:

$$\begin{bmatrix} \dot{y}_1 \\ \dot{y}_2 \\ \dot{\psi}_1 \\ \dot{\psi}_2 \\ \dot{\phi}_1 \\ \dot{\phi}_2 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0 & 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -\frac{(c_1+c_3)}{m_1} & -\frac{(h_1+h_3)}{m_1} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -\frac{h_3}{m_1} \frac{1}{T_3^2} & -\frac{c_3}{m_1} \frac{T_4}{T_3^2} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -\frac{h_3}{m_1} \frac{1}{T_4^2} & -\frac{c_3}{m_1} \frac{T_5}{T_4^2} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} y_1 \\ y_2 \\ \psi_1 \\ \psi_2 \\ \phi_1 \\ \phi_2 \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & K_1 T_6 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -1 - K_1 T_5 T_6 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & K_2 T_6 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & -1 - K_2 T_5 T_6 \end{bmatrix} \begin{bmatrix} 0 \\ P_m \\ 0 \\ \omega_\Psi \\ 0 \\ \omega_\Phi \end{bmatrix}$$

или в виде блочных матриц:

$$\begin{bmatrix} \dot{Y} \\ \dot{\Psi} \\ \dot{\Phi} \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\Psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\Phi \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} Y \\ \Psi \\ \Phi \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\Psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\Phi \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} P_0 \\ \Omega_\Psi \\ \Omega_\Phi \end{bmatrix}; \quad (5)$$

где $F(t) = \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\Psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\Phi \end{bmatrix}$, $X(t) = \begin{bmatrix} Y \\ \Psi \\ \Phi \end{bmatrix}$, $\dot{X}(t) = \begin{bmatrix} \dot{Y} \\ \dot{\Psi} \\ \dot{\Phi} \end{bmatrix}$, $W(t) = \begin{bmatrix} P_0 \\ \Omega_\Psi \\ \Omega_\Phi \end{bmatrix}$, $G(t) = \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\Psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\Phi \end{bmatrix}$,

$$H(t) = \begin{bmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{bmatrix};$$

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
 ISI (Dubai, UAE) = 0.829
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИЦ (Russia) = 0.126
 ESJI (KZ) = 8.716
 SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

Для решения задач стохастической диагностики взаимодействия инструмента и заготовки при чистовом точении соотношения (5) записаны в Жордановой клеточной форме совместно с уравнением наблюдений.

$$\dot{X}(t) = F(t)X(t) + G(t)W(t) + C(t)U(t),$$

$$Z(t) = H(t)X(t) + V(t), \quad (6)$$

Для оценки фактической глубины, необходимо построить фильтр Калмана-Бьюси.

$$\dot{\hat{X}}(t) = F(t)\hat{X}(t) + B(t)[Z(t) - H \cdot \hat{X}(t)] \quad (7)$$

Дисперсия оценок состояния системы (7) может быть оценена уравнением Риккати:

$$\begin{aligned} \dot{\tilde{P}} = & \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\varphi \end{bmatrix} \cdot \tilde{P} + \tilde{P} \cdot \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\varphi \end{bmatrix}^T + \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\varphi \end{bmatrix} \cdot \hat{\Omega}_\psi \times \\ & \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\varphi \end{bmatrix}^T - \tilde{P} \cdot \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & I \end{bmatrix}^T \cdot \check{\Omega}_\varphi^{-1} \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & I \end{bmatrix} \cdot \tilde{P} \end{aligned} \quad (8)$$

Матрица коэффициентов усиления фильтра Калмана определяются системой уравнений.

$$\begin{aligned} B(t) = & \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\varphi \end{bmatrix} \cdot \tilde{P} + \tilde{P} \cdot \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\varphi \end{bmatrix}^T + \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\varphi \end{bmatrix} \cdot \hat{\Omega}_\psi \times \\ & \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\varphi \end{bmatrix}^T - \tilde{P} \cdot \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{bmatrix}^T \cdot \check{\Omega}_\varphi^{-1} \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{bmatrix} \cdot \tilde{P} \cdot \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & I \end{bmatrix} \cdot \check{\Omega}_\varphi^{-1}. \end{aligned} \quad (9)$$

$v(t)$ – независимые белые шумы, $\hat{\Omega}_\psi$ и $\check{\Omega}_\varphi$ – интенсивности белых шумов.

С учетом (7) – (9) алгоритм фильтрации наблюдений определяется матричными уравнениями

$$\dot{\hat{X}} = F \cdot \hat{X} + G \cdot W + B \cdot [Z - H \cdot \hat{X}],$$

$$\dot{\hat{t}}_f = [-1 \ 0 \ 0 \ 0 \ 1 \ 0] \cdot \hat{X} \quad (10)$$

С использованием среднеквадратического критерия (Q_1, Q_2, Q_3 – весовые матрицы качества управления):

$$I = M \left[\frac{1}{2} x^T(t_\phi) Q_1 x(t_\phi) + \frac{1}{2} \int_0^{t_\phi} (x^T Q_2 x + u^T Q_3 u) dt \right] \quad (11)$$

и результатов оценок, на основе теоремы разделения в работе осуществлен синтез регулятора.

Для алгоритма управления справедлива следующая структура

$$u^T = Q_3^{-1} \cdot \tilde{P} \cdot \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{bmatrix}^T \cdot \begin{bmatrix} Y \\ \Psi \\ \Phi \end{bmatrix} \quad (12)$$

где $B_1 = Q_3^{-1} C^T P_1$, которая обеспечивает свойство стабилизации начальной динамической системы, а матрица удовлетворяет уравнению

$$\dot{\tilde{P}} = -\tilde{P} \cdot \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\varphi \end{bmatrix} - \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\varphi \end{bmatrix}^T \tilde{P}_1 + \tilde{P}_1 \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \end{bmatrix}^T \cdot Q_3^{-1} \cdot \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{bmatrix} \cdot \tilde{P} - Q_2 \cdot P_1(0) = P_{10}$$

Согласно (10), (11) и (12) система с регулятором (рис.1) принимает вид (2).

$$\begin{aligned} \begin{bmatrix} \dot{\hat{Y}} \\ \dot{\hat{\Psi}} \\ \dot{\hat{\Phi}} \end{bmatrix} = & \begin{bmatrix} F_0 & 0 & 0 \\ 0 & F_\psi & 0 \\ 0 & 0 & F_\varphi \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} \hat{Y} \\ \hat{\Psi} \\ \hat{\Phi} \end{bmatrix} + \begin{bmatrix} I & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \end{bmatrix} \cdot Q_3^{-1} \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\varphi \end{bmatrix}^T P_1 + \\ & + Q_3^{-1} \begin{bmatrix} G_0 & 0 & 0 \\ 0 & G_\psi & 0 \\ 0 & 0 & G_\varphi \end{bmatrix}^T P_1 \times \left[z(t) - \begin{bmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} \hat{Y} \\ \hat{\Psi} \\ \hat{\Phi} \end{bmatrix} \right], \quad \hat{X}(0) = \bar{X}(0). \end{aligned} \quad (13)$$

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
 ISI (Dubai, UAE) = 0.829
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 PIIHC (Russia) = 0.126
 ESJI (KZ) = 8.716
 SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

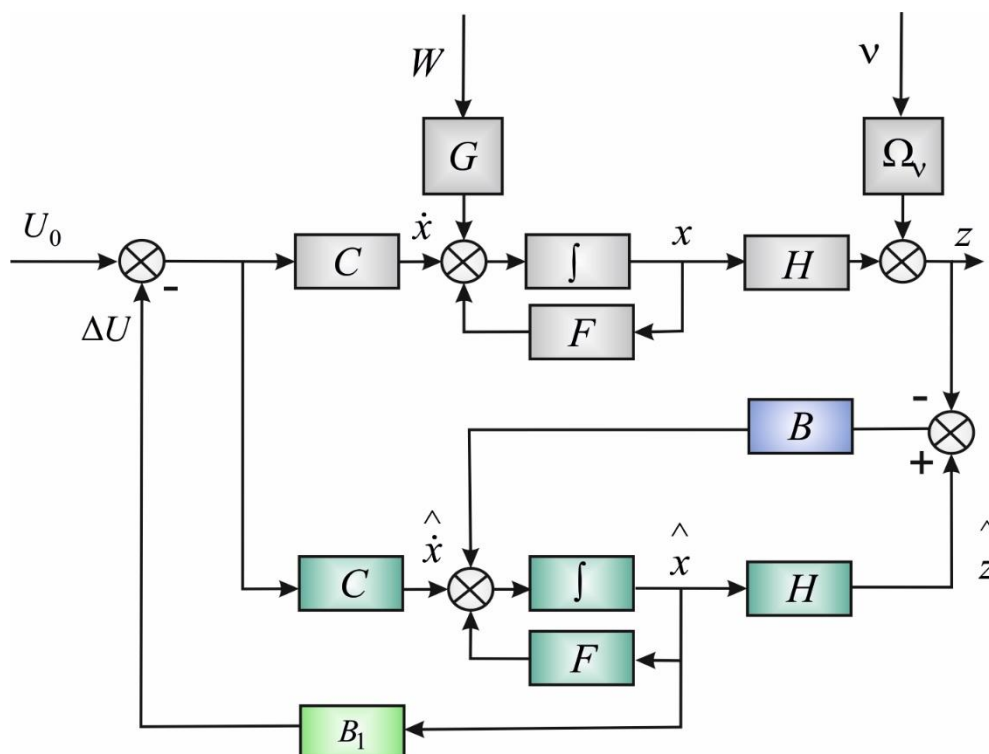

Рис. 2. Структурная схема системы управления процессом точности

Зависимость значений корректирующих сигналов управления от времени, как результаты

численного эксперимента работы системы приведены в таблице 1.

Таблица 1

ΔU , мкм	3,3	2,5	2,01	2,8	2,6	2,2	3,1	3,5	3,3	4,8
Δt , с	0	0,01	0,02	0,03	0,04	0,05	0,06	0,07	0,08	0,09
ΔU , мкм	4,7	4,9	5,1	4,3	3	2	1,7	3,1	3,8	2,6
Δt , с	0,1	0,11	0,12	0,13	0,14	0,15	0,16	0,17	0,18	0,19
ΔU , мкм	2,5	2,6	1,6	2,2	2,1	2,1	2,8	2,6	2,4	3
Δt , с	0,20	0,21	0,23	0,24	0,25	0,26	0,27	0,28	0,29	0,3
ΔU , мкм	3,3	3,2	3,2	2,7	3,3	3,6	3,7	3,5	3,6	2,2
Δt , с	0,31	0,32	0,33	0,34	0,35	0,36	0,37	0,38	0,39	0,4
ΔU , мкм	3	3,3	3,5	2,5	2,2	2,7	2,9	2,6	2,7	2,7
Δt , с	0,41	0,42	0,43	0,44	0,45	0,46	0,47	0,48	0,49	0,5
ΔU , мкм	2,6	2,9	3,3	2,7	2,5	2,9	2,6	2,6	2,7	3
Δt , с	0,51	0,52	0,53	0,54	0,55	0,56	0,57	0,58	0,59	0,6
ΔU , мкм	2,8	3,1	3,9	3,1	3,0	1,8	2,6	2,1	2,8	3,4
Δt , с	0,61	0,62	0,63	0,64	0,65	0,66	0,67	0,68	0,69	0,7
ΔU , мкм	3	2,9	3	2,5	2,2	1,9	2,5	1,7	2,2	2,9
Δt , с	0,71	0,72	0,73	0,74	0,75	0,76	0,77	0,78	0,79	0,8

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Заклучение

Подведем итог проведенных исследований. Результаты проведенного эксперимента показывают, что в процессе работы глубина резания не остается постоянной и имеет отклонения от заданных значений, что

значительно влияет на выходные характеристики процесса. Предложенная система позволяет скомпенсировать отрицательное влияние возмущающих факторов и тем самым обеспечивает стабильность показателей качества обработанных изделий.

References:

1. Novoselov, Yu.K., Bratan, S.M., & Kainov, D.A. (2002). Vliyanie sostoyaniya rabochey poverkhnosti instrumenta na otsenku parametrov formiruyushchego fil'tra. *Rezanie i instrument v tekhnologicheskikh sistemakh* – *Mezh.nar.nauch.tekh.sb.* – Khar'kov: KhGPU, Vyp. 62, pp. 84–88.
2. Strelyanaya, Yu.O., Kainov, D.A., & Falaleev, A.P. (2012). *Dinamicheskaya model' protsessa rastachivaniya*. Visnik SevNTU: zb. nauk. prats'. (pp.229-232). Sevastopol': SevNTU.
3. Solodovnikov, B.B., Plotnikov, B.H., & Yakovlev, A.V. (1985). *Osnovy teorii i elementy sistem avtomaticheskogo regulirovaniya: uchebn. posobie dlya vuzov*. (p.536). Moscow: Mashinostroenie.
4. Grigor'yan, G. D., Zelinskiy, S. A., Oborskiy, G. A., & Firsov, G. F. (1991). *Tochnost', nadezhnost' i proizvoditel'nost' metallovezhushchikh stankov*. (p.201). Kiev: Tekhnika.
5. Novikov, F.V., et al. (2004). *Fiziko-matematicheskaya teoriya protsessov obrabotki materialov i tekhnologii mashinostroeniya*: V 10 t. /Pod red. A.B. Yakimova i F.V. Novikova. — Odessa,“ T.7: Tochnost' obrabotki detaley. (p.546). Slobodyanik.
6. Kudinov, V.A. (1995). Dinamicheskie raschety stankov (osnovnye polozheniya). *STIN*, №8, pp. 3–13.
7. Bratan, S.M. (1997). *Upravlenie protsessami shlifovaniya putem stabilizatsii tekhnologicheskoy sistemy*. Progressivnye tekhnologii i sistemy mashinostroeniya: sbornik trudov mezhdunarodnyy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii. (pp.35-36). Donetsk: DonGTU.
8. Kudinov, A.V. (2004). Problemy modelirovaniya pri konstruirovani sverkhtochnykh stankov. *STIN*, №3, pp. 3–9.
9. Yurkevich, V.V., Chiginov, D.A., Iskra, D.E., Kozlov, S.A., & Emel'yanov, P.N. (2001). Prognozirovanie tochnosti detali v protsesse ee izgotovleniya. *Mashinostroitel'*, № 3, pp. 34–40.
10. Yakobs, G.Yu., Yakob, E., & Kokhan, D. (1981). *Optimizatsiya rezaniya*. (p.279). Moscow: Mashinostroenie.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHC (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Mikhail Mikhailovich Volkov
VoISU
Student, Volgograd, Russia

ENSURING INFORMATION SECURITY AS A SECURITY OF STABLE DEVELOPMENT OF THE STATE

Abstract: In this article, the author defines the formation of the information society and the information space, the role of information and information and communication technologies. It analyzes the information security of the Russian Federation and how to ensure it. The influence of information security on the national security of the state and its stable development is studied. The relevance of ensuring information security and the mutual attempts of its effective implementation between states are analyzed.

Key words: information security, national security, information and communication space, information technology

Language: Russian

Citation: Volkov, M. M. (2019). Ensuring information security as a security of stable development of the state. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 386-389.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-80> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.80>

Scopus ASCC: 3300.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ЗАЛОГ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В данной статье автор определяет становление информационного общества и информационного пространства, роль информации и информационно-коммуникативных технологий. Анализируется информационная безопасность Российской Федерации и способы ее обеспечения. Изучается влияние информационной безопасности на национальную безопасность государства и его стабильное развитие. Анализируется актуальность обеспечения информационной безопасности и взаимные попытки ее эффективной реализации между государствами.

Ключевые слова: информационная безопасность, национальная безопасность, информационно-коммуникативное пространство, информационные технологии.

Введение

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу в середине XX века привел к развитию такого типа социального взаимодействия как получение, обработка и распространение информации. В этой связи развитие получило и сфера услуг. Количество знаний и информации достигло небывалого предела, большинство процессов стало развиваться за счет информации (новые технологии, экономический рост, социальная сфера). Таким образом информация стала неотъемлемой частью общества, вследствие чего в

конце XX века возникла концепция информационного общества.

Основной текст статьи

В Российской Федерации происходит трансформация различных сфер, как и в европейских странах, по этой причине возрастает роль информационной системы. Значение информации начинает занимать главенствующие роли в государственных структурах, и информация превращается в важнейший фактор общества. Благодаря данному процессу в Российской Федерации происходит развитие

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

«электронного государства» и «электронного правительства».

В современном мире информационно-коммуникативные технологии приобрели глобальный характер и распространились на все сферы жизни общества, такие как политическую, экономическую, социальную и культурную. На основе данных процессов формируется международное информационное пространство, в котором взаимодействуют между собой различные государства в тех или иных сферах. Развитие данного пространства способствует сближению государств, к их более тесному сотрудничеству в различных сферах.

Важно отметить, что в наше время большое значение уделяется глобальным проблемам. Одной из таких проблем является обеспечение национальной безопасности государства. Национальная безопасность страны подразумевает собой не только военную или политическую, так же неотъемлемой частью является информационная безопасность.

Важность информационной безопасности в современном мире компьютерных технологий быстро возрастает, связано это с темпами роста ИКТ и всеобщей вовлеченности в информационное пространство. С одной стороны, развитие информационной сферы, компьютерных технологий приводят к развитию во всех сферах общества, к созданию новейших технологий, облегчающих жизнь человечеству. С другой стороны, существует незащищенность компьютерных систем, которые подвержены угрозам извне, которые способны нанести огромный ущерб не только индивиду, но и всему обществу или государству. Именно поэтому в некоторых государствах уже созданы государственные структуры по обеспечению информационной безопасности, которые носят название «кибервойска». В Российской Федерации так же существует подобный род войск – «кибердружина» или Войска информационных операций. [2, С.5]

Необходимость обеспечения информационной безопасности государства можно доказать тем, что на сегодняшний день в многополярном мире на международной арене лидирующие позиции занимают не только государства, обладающие военной мощью и ядерным вооружением, но также развитой системой ИКТ и информационного пространства. Современные межгосударственные объединения стали возникать не на основе политического или экономического сотрудничества, а на основе отношений в информационной сфере, такие организации получили названия международных информационных объединений.

Обеспечение информационной безопасности ведет к сохранению национальной безопасности,

при этом прослеживается тенденция, чем эффективнее обеспечивается первая, тем и более эффективна вторая. Если сослаться на Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, то в ней прописано, что информационная безопасность представляет собой состояние защищенности национальных интересов России в информационной сфере от внешних угроз.

Развитие информационного пространства на территории стран СНГ и обеспечение информационной безопасности являются перспективными задачами стран. Например, одной из организаций, в которой актуальным является обеспечение информационной безопасности является Евразийский экономический союз, куда входит 7 государств, включая российскую Федерацию. Выявление угроз, которые способны навредить информационному пространству данных государства, является одним из перспективных направлений организации. Именно поэтому на решение проблем информационной безопасности направлена вся система национальной безопасности каждой из стран участниц. [3, С.50]

Развитие информационной безопасности влечет за собой изменение законодательства, создание новых нормативно-правовых документов. Так в Республике Казахстан существует Концепция информационной безопасности Республики Казахстан. Многие ее положения схожи с Доктриной информационной безопасности РФ, которая уже упоминалась выше. Данные документы направлены на создание эффективной, хорошо проработанной государственной системы обеспечения информационной безопасности, которая будет способна справиться не только с внутренними угрозами, но и внешними, наиболее опасными. Важно заметить, что деятельность в области информационной безопасности ведет к сотрудничеству между собой государств, входящих в Евразийский экономический союз. [4]

Система информационной безопасности в Российской Федерации представляет собой совокупность технологических и компьютерных мер, которые способствуют сохранению информации и безопасной передачи данных. Другими словами, данный комплекс мер необходим для защиты информации. Для обеспечения такой защиты необходимо не только учитывать технологические аспекты защиты информации, но и грамотно продуманную политику безопасности.

В ее основу входит – централизованный контроль за потоками информации и целой сетью, все это необходимо для предотвращения попыток несанкционированного доступа к защищенной информации.

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	ПИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

С другой стороны, необходимо понимать, что обеспечение информационной безопасности имеет и другой аспект, а именно – социально-политический и правовой. Множество авторов в своих работах пишут об информационной безопасности, как о состоянии социума, в котором обеспечивается защищенность личности, общества и государства от несанкционированных попыток заполучить ту или иную информацию. Именно поэтому, необходимо учитывать не только организационно-технические и программно-аппаратные аспекты обеспечения информационной безопасности, но и политико-правовые. [10, С.45]

Информационная безопасность как явление представляет собой не только статическое состояние общества, а также его динамическую составляющую. Речь идет о взаимодействии между социумом и государственными институтами. В таком случае, информационная безопасность является таким выражением общества и политических институтов, при котором обеспечивается и гарантируется защита национальных интересов государства и общества в информационной системе. Именно поэтому, для государственных органов и институтов гражданского общества защита национальных интересов – есть необходимое состояние. [12, С.137]

Политические факторы обеспечения информационной безопасности играют важную роль в информационной системе. Они являются

основным «двигателем», который заставляет развиваться и усовершенствовать функционирование информационной системы. В Российской Федерации существует множество политических факторов, которые оказывают влияние на обеспечение информационной безопасности. В нашем государстве на первый план ставится обеспечение международной безопасности. Данная тенденция говорит о том, что основные угрозы информационной системы Российской Федерации находятся за пределами государства. Внешние угрозы со стороны других государств, террористических организаций и др. наиболее опасны для государственной целостности РФ. Это могут быть информационные войны с конкурирующими государствами, кибертерроризм, киберпреступления, дезинформация населения, провокации с помощью ложной информации.

Заключение

Таким образом, обеспечение международной безопасности в информационном пространстве приведет к сохранению территориальной целостности государства, обеспечению защиты национальных интересов общества и государства. Именно государство и политические институты обязаны обеспечивать информационную безопасность Российской Федерации. Кроме того, указывается, что национальные интересы являются центральными и связывают между собой индивида, общество и государство.

Научное исследование проведено под руководством Панкратова Сергея Анатольевича заведующего кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения, доктора политических наук, профессора Волгоградского государственного университета.

References:

1. Sukhov, E.I. (2011). *The Information Society as a New Society*. Theory and practice of social development. (p.101-103). Krasnodar.
2. Alieva, M.F. (2012). *Information Security as an Element of Information Culture*. Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies, Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies. (pp.1-6). Maykop.
3. Vladysky, A.S. (2013). *Eurasian Union: a new model of integration*. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. (pp.47-52). Moscow.
4. (n.d.). The Eurasian Commonwealth: an organization to promote cooperation with the countries of the Eurasian space. [Electronic resource]. Retrieved 2019, from <http://www.eurasianspace.com/deyatelnost>
5. Eroshenko, E.P. (2014). Information and technological security of the region. *Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*, No. 2, pp. 132–139.

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

6. Kaftanchikov, D.P. (2009). The state of information security in the context of the regionalization process. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, No. 2, pp. 112–116.
7. Lapshin, V.D. (2015). *Formation of the system of international information security: approaches and initiatives of Russia*. Scientific Problems of National Security of the Russian Federation / comp.: S.M. Buravlev et al. (p.177). Moscow.
8. Mazurov, V. A., & Nevinsky, V. V. (2013). The concept and principles of information security. *News of Altai State University*, No. 2, pp. 57–63.
9. Rodionova, Yu. V. (2014). *Media and information policy of the regions of Russia*. Political Consulting: Horizons of a New Reality: Materials of All-Russian. National Pract. Conf. Kazan. Feb 24 2014. (p.83). Kazan.
10. Ursul, A. D. (1996). Information strategy and security in the concept of sustainable development. *Scientific and technical information. Series 1: Organization and Methodology of Information Work 1996. No. 1*, pp. 45-49
11. Shamsuev, M. Kh. (2010). Theoretical aspects of the study of information security. *Theory and practice of social development*, No. 2, pp. 319–325.
12. Sherstyuk, V.P. (2014). *Problems of ensuring information security in the modern world*. Mathematics and Security of Information Technologies. (p.241). Moscow.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHHI (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 11 Volume: 79

Published: 30.11.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Mukaddas Djumayozovna Zaripova

Termez State University

Senior teacher

nargiz_1974@mail.ru

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF EDUCATION IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Abstract: The article gives an overview of the theoretical justification of internal and independent monitoring of the quality of education at the university, modern domestic and world practices of quality assessment, monitoring the quality of education of higher educational institutions.

Key words: monitoring the quality of education, internal monitoring.

Language: English

Citation: Zaripova, M. D. (2019). Assessment of the quality of education in the higher education system. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (79), 390-392.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-79-81> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.11.79.81>

Scopus ASCC: 3304.

Introduction

The education system plays a key role in modern society, since the level of socio-economic development of a country, the success of its national economy, its status in the international arena directly depend on it.

The term “knowledge economy”, introduced by Fritz Mahlup, has recently been used frequently in both scientific and socio-political literature to refer to the current stage of the economic development of society [1]. The appearance of this term is due to the transformation of the Western and domestic economies and societies. A characteristic feature of this type of economy, called the knowledge economy, is that the main factor and driving force of its development is knowledge, the carriers of which are human capital and the information environment in which it operates. The growth and competitiveness of this type of economy is ensured by the continuous generation of new knowledge, its dissemination and use in the form of high-tech products and services [2]. Traditional economic theories, which are based on ideas about the main goal of economic development, which consists in obtaining maximum benefits from limited resources, lose their relevance. Information and knowledge that is unlimited in nature and that can be transmitted and multiplied during use becomes more important for the economy.

Literature Review

M.B.Chelyshkova equates the concept of the quality of education with qualitative changes in the learning process, which can be defined as an increase in the knowledge, skills and abilities acquired by the student upon completion of a certain stage [3].

The theoretical and methodological basis for solving these problems were the results of research, primarily by foreign authors such as W.Brown [4]. They developed the theoretical foundations of creating diagnostic materials and the classical approach to processing, analyzing and interpreting diagnostic results: the conceptual apparatus of the classical theory of testing, criteria and quality indicators of diagnostic tools, methodological foundations of their design and quality examination. The issues of scaling and comparison of processing data are deeply investigated. Among scientists, A.N.Mayorov [5] and others.

With their participation, the theoretical and methodological foundations of using the classical theory of testing in assessing the results of educational achievements of students were created, which made it possible to objectively evaluate their knowledge, conduct competitive selection in universities, and ultimately create a system of independent assessment of knowledge of graduates educational institutions. The generalization of the experience of the theory and

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

practice of assessing learning outcomes in general education made it possible to lay the foundations for the development of an analogue of such a system in institutions of higher, secondary and additional professional education, training centers for advanced training and retraining.

Research methodology

The methodology of this study is based on the results of previous research by local and foreign researchers on the training system, as well as the Decrees of the President of the Republic of Uzbekistan. At the same time, the study of the peculiarities of the system of cadres training in the developed countries can be a powerful impulse for the successful implementation of the personnel training policy in Uzbekistan. In this regard, the methodological aspect of this study is to substantiate the ways in which the ideas of innovative development in our country are implemented.

Analysis and Results

The formation of the knowledge economy and the globalization process affect the structure of the labor market, increasing the dependence of successful employment and effective professional activity of an individual on the accumulated human capital, the level and quality of education plays a crucial role in its formation. In the structure of the labor market, the share of people of intellectual labor for whom professional competence is important is constantly increasing.

In such conditions, there is a need for the transition of higher education from teaching mainly specific knowledge and skills and producing information to the development of creative potential,

the formation of self-learning abilities, readiness for learning throughout life. In addition, increased requirements for the effectiveness of the educational system. On the one hand, it should make possible national technological innovations, the introduction of foreign technologies, and the analysis and assessment of global technological trends [7]. On the other hand, a high level of education of the population should create at the national level the prerequisites for the development of “quality-sensitive” demand for high-tech products, which stimulates the development of ever more innovative products and technological processes.

It is important to note that the role of educational institutions in the development of quality training programs in accordance with the changing needs of the labor market is extremely important. Under modern economic conditions, there is growing awareness that the educational services market should strive to control and improve their quality [8].

The quality of education can be considered from the point of view of its consumers: individual students and applicants, their parents, teachers, employers, the ministry, and the whole society (Figure 1).

Consumers pursue various goals and invest different content in the concept of “quality of education”. Consider the requirements and control methods for each of them.

The functions of the state in quality control in the field of education are realized through the concept of accreditation. The Federal Service for Supervision in the Field of Education defines accreditation as confirmation of the authorized bodies that the training of specialists in a particular institution of higher education is in accordance with specified quality standards.

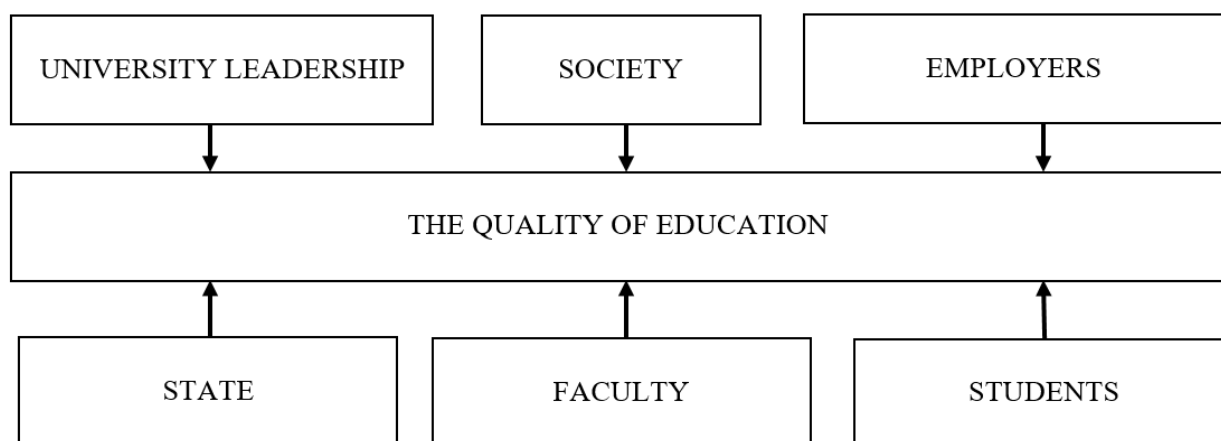

Figure 1. Consumers of education quality

Some employers have developed their own professional standards, which establish requirements for the competencies of specialists in a particular subject area. However, at present, such estimates are not formalized. The process is random in nature and

the situations that have arisen on the labor market with an excess of economists and at the same time a lack of highly qualified specialists in this field confirm this [11].

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	PIHHI (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

The problem of improving the quality of assessment has been the subject of many international studies. So, comparative studies are carried out by the International Association for the Assessment of Educational Achievements IEA and the US Pedagogical Testing Service. International studies help countries evaluate the effectiveness of their own education systems and compare their students' training with international standards. Comparison can be made both by the results of testing students, and by how the content of education planned at the state level is acquired by students in the educational process [9-10].

The society has the following requirements for higher education:

- ✓ Education should be accessible both financially and territorially;
- ✓ Graduates of higher educational institutions should increase employment and increase NVP;
- ✓ professional education should influence the development of civil society, reducing tension in society, etc.

Thus, to assess the quality of education, it is necessary to have the necessary information, to be able to receive and analyze it, to possess modern means of assessing learning outcomes, to forecast goals and compare them with the results achieved.

The analysis of various approaches to the definition of "quality of education" allows us to

conclude that there are certain difficulties in describing the results of education and in measuring them. Special characteristics, parameters, indicators and appropriate measuring instruments are needed.

Conclusions and Suggestions

In addition, the high complexity of developing tools of this type. In addition to the selection of situational tasks adequate to the problems of future professional activity, it is necessary to ensure the reliability and comparability of the results of pedagogical measurements. This requires the development of a special methodology for evaluating the results of an experiment. However, such assessments will not be deprived of subjectivity, which will lead to the inability to compare the results obtained for different groups of students. These shortcomings make it difficult to use these measurement methods for the final control.

Thus, in this article, assessing the quality of education is a difficult task, requiring the development of models and assessment methods. The measurement tools developed so far do not satisfy the requirements of objectivity. The task of quality assessment is relevant for the Uzbek system of higher education. At this stage, it is important to develop methods for controlling competencies and the transition to quality assessment in use.

References:

1. Artykova, D.A. (2011). *Formation of employment in the Republic of Uzbekistan*. (pp.56-59). Tashkent: Science.
2. Kravets, O.Ya. (2017). *Adaptive management of individualization of teaching computer science: models, algorithms, pedagogical technology: monograph*. (p.243). Voronezh: Scientific book.
3. Chelyshkova, M.B., & Kardanova, E.Yu. (2015). Mathematical models of multi-faceted analysis. *Testing issues in education, No. 11*, pp. 11-27.
4. Brown, W. (1910). Some experimental results in the correlation of mental abilities. *British Journal of Psychology, N 2. V. 3*, pp.291-322.
5. Mayorov, A.N. (2000). Theory and practice of creating tests for the education system. (p.352). Moscow: Public education.
6. Goncharova, N.L. (2017). Categories "competence" and "competence" in the modern educational paradigm. *Humanities, No. 5*, pp. 53-56.
7. Avanesov, V.S. (2013). Fundamentals of the pedagogical theory of measurements. *Pedagogical Measurements, No. 1*, pp.15-21.
8. Anisimova, T.S. (2012). Measurement of latent variables in education / Research Center for the Problems of Quality of Training of Specialists, p.148.
9. Zaripova, M.J., Djumaev, Z.S., & Zaripov, J. Technology of designing and realization of computer test for checking the knowledge of students in Visual Basic programming environment. *Psychological and Pedagogical Journal, №2 (22)*, Tambov, pp.111-116.
10. Zaripova, M.D., Djumaev, Z.S., & Zaripov, Z.J. (2013). *Computer testing by means of MS OFFICE*. VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, «Sovremennyye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie». Cbornik nauchnykh trudov. (pp.5-9). Moscow. Tom – 2.
11. Trofimova, T.P. (2008). Izmerenie kachestva obrazovaniya v shkole. *Pedagogicheskaya diagnostika, № 3*, pp. 141-146.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

Contents

	p.
63. Safarov, T. S., Turakulov, S. X., Nabiyeva, I. S., & Nabiyeva, S. S. Efficiency medical information systems in diagnostics.	301-305
64. Zhumaeva, Z., Ibragimova, K., & Khidirova, O. On the structure of phraseological expressions of the Russian and Uzbek languages.	306-310
65. Khan, S., & Alimova, M. Materials and resources review.	311-315
66. Mamajonov, M. On the matter of pragmatics of names in Uzbek language.	316-318
67. Flyantikova, E. V., & Cherkes, T. V. Questionnaire as a method for evaluation of the level of intercultural competence of foreign students.	319-325
68. Asadov, S. G. Problems of ensuring sovereignty in the modern state.	326-330
69. Ibragimova, L., Usmonov, A., Ibragimov, K., & Usmonova, U. Linguapragmatic aspects of Uzbek language.	331-334
70. Markaev, Z. E., & Kholikulov, E. B. The importance of enlightening Islam in the upbringing of a harmonious generation.	335-338
71. Mamasaliev, M. M., & Elboeva, S. B. Religious-philosophical doctrines of Sarvepalli Radhakrishnan.	339-342
72. Shumskaya, L. M., & Komarova, I. K. Revolution and culture in I.A. Bunin's and D.S. Merezhkovsky's "Extra-artistic" work of the 1920s.	343-347
73. Nunev, S. T. Public assistance and social work development in Bulgaria from 1934 to 1944.	348-355
74. Vishnevskaya, I. L. Adaptive character of control in judicial examination.	356-359
75. Karimova, F. Dialogue as the main form of speech.	360-363
76. Khatamov, O. K., & Ortikov, S. M. Use from the international experiences in employment the population in Uzbekistan.	364-371
77. Sayidov, M. Views of Yusuf Has-Hadjiba regarding the state and its functional responsibilities.	372-374
78. Mambetov, Z. K. Specific features of Dastan Zhakhansha.	375-379
79. Strelyanaya, Y. O., Emchenko, E. A., & Sazonov, S. E. Development of the automatic system dynamic stabilization process of finish turning.	380-385

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

80.	Volkov, M. M. Ensuring information security as a security of stable development of the state.	386-389
81.	Zaripova, M. D. Assessment of the quality of education in the higher education system.	390-392

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	ПИИЦ (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

Scientific publication

«ISJ Theoretical & Applied Science, USA» - Международный научный журнал зарегистрированный во Франции, и выходящий в электронном и печатном формате. **Препринт** журнала публикуется на сайте по мере поступления статей.

Все поданные авторами статьи в течении 1-го дня размещаются на сайте <http://T-Science.org>.

Печатный экземпляр рассылается авторам в течение 2-4 дней после 30 числа каждого месяца.

Импакт фактор журнала

Impact Factor	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Impact Factor JIF		1.500					
Impact Factor ISRA (India)		1.344				3.117	4.971
Impact Factor ISI (Dubai, UAE) based on International Citation Report (ICR)	0.307	0.829					
Impact Factor GIF (Australia)	0.356	0.453	0.564				
Impact Factor SIS (USA)	0.438	0.912					
Impact Factor ПИИЦ (Russia)		0.179	0.224	0.207	0.156	0.126	
Impact Factor ESJI (KZ) based on Eurasian Citation Report (ECR)		1.042	1.950	3.860	4.102	6.015	8.716
Impact Factor SJIF (Morocco)		2.031				5.667	
Impact Factor ICV (Poland)		6.630					
Impact Factor PIF (India)		1.619	1.940				
Impact Factor IBI (India)			4.260				
Impact Factor OAJI (USA)						0.350	

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

INDEXING METADATA OF ARTICLES IN SCIENTOMETRIC BASES:

International Scientific Indexing ISI (Dubai, UAE)
<http://isindexing.com/isi/journaldetails.php?id=327>

Research Bible (Japan)
<http://journalseeker.researchbib.com/?action=viewJournalDetails&issn=23084944&uid=rd1775>

ПИИИ (Russia)
<http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1246197>

Türk eğitim indeksi

Turk Egitim Indeksi (Turkey)
<http://www.turkegitimindeksi.com/Journals.aspx?ID=149>

DOI (USA)
<http://www.doi.org>

Open Academic Journals Index (Russia)
<http://oaji.net/journal-detail.html?number=679>

Japan Link Center (Japan) <https://japanlinkcenter.org>

Kudos Innovations, Ltd. (USA)
<https://www.growkudos.com>

Cl.An. // THOMSON REUTERS, EndNote (USA)
<https://www.myendnoteweb.com/EndNoteWeb.html>

Scientific Object Identifier (SOI)
<http://s-o-i.org/>

Google Scholar (USA)
http://scholar.google.ru/scholar?q=Theoretical+science.org&btnG=&hl=ru&as_sdt=0%2C5

Directory of abstract indexing for Journals
<http://www.daij.org/journal-detail.php?jid=94>

CrossRef (USA)
<http://doi.crossref.org>

Collective IP (USA)
<https://www.collectiveip.com/>

PFTS Europe/Rebus:list (United Kingdom)
<http://www.rebuslist.com>

Korean Federation of Science and Technology Societies (Korea)
<http://www.kofst.or.kr>

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

AcademicKeys (Connecticut, USA)
http://sciences.academickeys.com/jour_main.php

Cl.An. // THOMSON REUTERS, ResearcherID (USA)
<http://www.researcherid.com/rid/N-7988-2013>

RedLink (Canada)
<https://www.redlink.com/>

TDNet
 Library & Information Center Solutions (USA)
<http://www.tdnet.io/>

RefME (USA & UK)
<https://www.refme.com>

Sherpa Romeo (United Kingdom)
<http://www.sherpa.ac.uk/romeo/search.php?source=journal&sourceid=28772>

Cl.An. // THOMSON REUTERS, ORCID (USA)
<http://orcid.org/0000-0002-7689-4157>

Yewno (USA & UK)
<http://yewno.com/>

Stratified Medical Ltd. (London, United Kingdom)
<http://www.stratifiedmedical.com/>

THE SCIENTIFIC JOURNAL IS INDEXED IN SCIENTOMETRIC BASES:

Advanced Sciences Index (Germany)
<http://journal-index.org/>

Global Impact Factor (Australia)
<http://globalimpactfactor.com/?type=issn&s=2308-4944&submit=Submit>

SCIENTIFIC INDEXING SERVICE (USA)
<http://sindexs.org/JournalList.aspx?ID=202>

International Society for Research Activity (India)
<http://www.israjif.org/single.php?did=2308-4944>

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

CiteFactor (USA) Directory Indexing of
International Research Journals

<http://www.citefactor.org/journal/index/11362/theoretical-applied-science>

International Institute of Organized Research
(India)

<http://www.i2or.com/indexed-journals.html>

JIFACTOR

JIFACTOR

http://www.jifactor.org/journal_view.php?journal_id=2073

Eurasian Scientific Journal Index (Kazakhstan)

<http://esjindex.org/search.php?id=1>

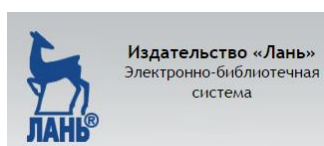
SJIF Impact Factor (Morocco)

<http://sjifactor.inno-space.net/passport.php?id=18062>

InfoBase Index (India)

<http://infobaseindex.com>

Электронно-библиотечная система
«Издательства «Лань» (Russia)

<http://e.lanbook.com/journal/>

Journal Index

<http://journalindex.net/?qi=Theoretical+%26+Applied+Science>

Open Access
JOURNALS

Open Access Journals

<http://www.oajournals.info/>

Indian Citation Index

Indian citation index (India)

<http://www.indiancitationindex.com/>

Index Copernicus International (Warsaw, Poland)

<http://journals.indexcopernicus.com/masterlist.php?q=2308-4944>

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	ПИИИ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

International Academy of Theoretical & Applied Sciences - member of Publishers International Linking Association (USA) - international Association of leading active scientists from different countries. The main objective of the Academy is to organize and conduct research aimed at obtaining new knowledge contribute to technological, economic, social and cultural development.

Academy announces acceptance of documents for election as a member:
Correspondents and Academicians

Reception of documents is carried out till January 25, 2020.

Documents you can send to the address T-Science@mail.ru marked "Election to the Academy members".

The list of documents provided for the election:

1. Curriculum vitae (photo, passport details, education, career, scientific activities, achievements)
2. List of publications
3. The list of articles published in the scientific journal [ISJ Theoretical & Applied Science](#)
 - * to correspondents is not less than 7 articles
 - * academics (degree required) - at least 20 articles.

Detailed information on the website <http://www.t-science.org/Academ.html>

Presidium of the Academy

International Academy of Theoretical & Applied Sciences - member of Publishers International Linking Association (USA) - международное объединение ведущих активных ученых с разных стран. Основной целью деятельности Академии является организация и проведение научных исследований, направленных на получение новых знаний способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию.

Академия объявляет прием документов на избрание в свой состав:
Член-корреспондентов и Академиков

Прием документов осуществляется до 25.01.2020.

Документы высылаются по адресу T-Science@mail.ru с пометкой "Избрание в состав Академии".

Список документов предоставляемых для избрания:

1. Автобиография (фото, паспортные данные, обучение, карьера, научная деятельность, достижения)
2. Список научных трудов
3. Список статей опубликованных в научном журнале [ISJ Theoretical & Applied Science](#)
 - * для член-корреспондентов - не менее 7 статей,
 - * для академиков (необходима ученая степень) - не менее 20 статей.

Подробная информация на сайте <http://www.t-science.org/Academ.html>

Presidium of the Academy

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

Signed in print: 30.11.2019. Size 60x84 $\frac{1}{8}$

«Theoretical & Applied Science» (USA, Sweden, KZ)
Scientific publication, p.sh. 45.125. Edition of 90 copies.
<http://T-Science.org> E-mail: T-Science@mail.ru

Printed «Theoretical & Applied Science»